

Герман Александрович Коробейников

Пещера Рыжего монаха

Глава I, знакомит с Колхидой^[1] и героем предстоящих событий

В утреннем зеленеющем небе растворялись звезды. С рассветом замолкали тоскливые голоса шакалов, из развалин старой крепости все реже доносилось уханье филина.

В прохладном воздухе четко рисовались горы. Вдоль берега они круглились пышной зеленью ясеневых и буковых лесов, дальше от моря поднимались выше и круче — там среди альпийских лугов и хвойных лесов все чаще обнажались скалы. И, замыкая горизонт, росла к небу зубчатая гряда вечно белых гор с торчащей конусообразной шапкой красавца Эрцаху.

В этот час на склоне горы, обращенном к морю, сидел человек. Он был неподвижен; складки его серого балахона доходили до пят, и от этого вся фигура казалась высеченной из камня. Рядом не было видно никакой ноши, лишь стояла воткнутая в землю палка, по-местному — алабаша, с железным наконечником и сучком и верхней части для упора ружейного ствола. Но ружья у человека не было.

Стояла торжественная тишина: море было неподвижно, рокот горной речушки, вливавшейся в него, не долетал сюда.

Но вот ветерок с моря прошелестел в листве деревьев, донес от прибрежной полосы запах цветущих магнолий. Прошло еще несколько минут, и поднявшееся из-за гор солнце осветило ближнюю вершину. Лучи медленно поползли вниз по склону, высвечивая тронутый осенью лес; зарумянились белокаменные стены монастыря, примостившегося на уступе горы. Затем осветился городок, раскинувшийся амфитеатром по склонам гор. Лучи скользнули вниз и у самого моря зажгли пурпурным цветом флаг над зданием ревкома. Вместе с утром рождались звуки. В монастыре тяжело ударил колокол, с другого конца города донесся раскатистый звук военной трубы.

Человек не шевелился. Внизу на дороге послышались голоса. Тогда он встал и, опираясь на палку, зашагал в гору.

Громкий, истошный, прерывистый рев разбудил Федю. Он вскочил с постели и со страхом выглянул в окно. У стены дома, прижав к голове длинные уши и вытянув хвост с метелкой на конце, самозабвенно кричал осел.

— Ух ты! — с облегчением выдохнул мальчик.

А осел, будто только и ждал, чтобы на него кто-нибудь обратил внимание, пошевелил ушами и с невинным видом принялся щипать траву.

Федя сел на постель и стал осматриваться. Он приехал сюда глубокой ночью и ничего не успел разглядеть.

Вид комнаты был необычен. Стены дощатые, некрашенные; потолок держат массивные прокопченные балки. Вдоль стены — деревянная тахта, застеленная шкурой. На вбитых в стену кольшках знакомые вещи отца — пальто, вещевого мешок, кобура. Еще одну стену занимает каменный, грубо сложенным очаг с уходящей в потолок, плетеной из веток трубой. А с потолка здесь и там свисают венки из красного перца, лука, чеснока, связки незнакомых трав.

Федя подумал, что комната напоминает жилище охотника из романов Майна Рида.

Солнце стояло уже высоко, его лучи расцветили и без того яркий плетеный половик, лежавший у тахты.

Черт возьми! Разве можно так долго спать! Федя вскочил с кровати, оделся и быстро пошел к двери, по, вспомнив, что находится в незнакомом доме, дверь открыл несмело.

Он оказался на деревянной высокой галерее с лестницей, спускавшейся во двор, обнесенный каменной оградой. А дом стоял и вовсе высоко — на горе, и отсюда был виден весь город. Петляя в зелени садов, по склону спускались улочки. Над деревьями высились на сваях дощатые и плетеные домики с четырехскатными крышами. Слева возвышались горы; одна из них венчалась руинами крепости. Справа открывался невиданный, непривычный простор, налитый густой лазурью.

Федя едва не вскрикнул от восторга, когда увидел трепещущие по этой лазури крылышки парусов. Да ведь это море!

Так вот куда забросила его, Федора Вахрамеева, судьба!

Жизнь не может быть скучной под этим бирюзовым небом, рядом с этим неоглядным морем, под сенью этих диких гор! Скорей туда, вниз, в незнакомый город! Там ждут его неведомые приключения и славные подвиги!

Федя сбежал во двор. Здесь стоял еще один домик — плетенный из прутьев рододендрона, с конусообразной камышовой крышей.

Из него вышла женщина в длинном черном платье. Федя остановился.

— Здравствуйте, — сказал он. Женщина направилась к нему.

— Бзиала убейт! Добро тебе видеть, добро пожаловать! — сказала она и, подойдя, сделала над ним непонятное кругообразное движение рукой. — Да приму на себя твои беды!

Никаких бед Федя не испытывал, разве только смущение. Женщина взяла его за руку и провела под навес галереи. Там стоял низкий стол и две скамейки.

— Папа в ревком пошел... А ты, нан^[2], здесь садись. Она скрылась в плетеном домике и появилась снова, держа в руках медный кувшин и полотенце.

— Подставляй руки, — сказала она и приготовилась лить воду.

Федя запротестовал:

— Я сам...

— Нет, дорогой, ты гость. Умывайся, кушать будешь. Пришлось подчиниться. Пока он вытирался, хозяйка снова ушла, а вернувшись, поставила на стол горшочек, накрытый кукурузной лепешкой, и чашку с кислым молоком:

— Ешь, дорогой.

Федя зачерпнул кушанье из горшочка. Оно было горячим и вкусным, хотя от обилия перца изрядно пощипывало во рту. Попробовав, он уже не мог остановиться.

— Как называется? — спросил он.

— Это лобио... фасоль, — ответила хозяйка. Она сидела, подперев голову ладонью, и ласково смотрела на него. — Кушай много. У нас говорят: кто кушает, тот потолка не видит. Познакомишься мальчиками — на горы пойдешь, будешь яблоки, груши, хурму кушать... дикий мёд, черемшу кушать. Толстый, как монах, будешь. — Она показала руками, какой он будет толстый, и этим окончательно избавила Федю от стеснения.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что хозяйку зовут Тинат; что она вдова: муж её погиб, сражаясь с врагами Советской власти в партизанском отряде «Киараз»^[3], что русскому языку выучилась, когда была на воспитании в женском православном монастыре. Знанием русского языка она очень гордилась.

Управившись с едой, Федя поднялся:

— Давно так не ел. Спасибо. Теперь погуляю пойду.

— Туда один не ходи, — Тинат махнула в сторону гор.

— Почему?

— Там бандиты, абреки... Еще Рыжий монах есть.

— Рыжий монах?.. А чем он хуже других?

— Он в горах живет. У него глаз плохой.

Федя усмехнулся: уж не считают ли его маленьким?

— Унан!^[4] — воскликнула хозяйка. — Я правду говорю. Чтоб его волки съели! Кто его встретит, тому плохо будет.

— Ладно, я к морю пойду, — сказал Федя.

— Иди гуляй, смотри все. Обедать с папой приходи: мамалыгу будете кушать, амачар^[5] пить. На вот, возьми!

Тинат сунула ему в руки лепешку. Поблагодарив, Федя выбежал за калитку, навстречу занимавшемуся жаркому дню.

Улочка между каменными заборами сбегала вниз. Ветви деревьев, отяжеленные плодами, свешивались через ограды, до них легко было дотянуться рукой. Некоторые плоды Федя видел впервые.

Дорога вывела его к морю. Улица, что шла вдоль берега, так и называлась — Приморской. По обеим ее сторонам тянулись духаны, кофейни, лавчонки с чувяками, башлыками, бурками. Здесь шла оживленная торговля.

По мостовой мерно двигались навьюченные ослы и мулы, проезжали арбы и фаэтоны. Попался навстречу даже верблюд. Коренных жителей — абхазцев можно было отличить по одежде: на мужчинах были черкески или бешметы, высокие бараньи шапки, почти все были вооружены — кто саблей, кто кинжалом, у некоторых за спинами торчали винтовки. Женщины носили длинные черные платья, лица наполовину прикрывали платками. Встречались турки в красных фесках и шароварах, в черных маленьких шапочках — греки. Неожиданно близко, так, что он должен был прижаться к стене, прошла группа монахов, в черных рясах, перетянутых глянцевыми поясами, и конусообразных шапочках — скуфейках. Они шли, никого не замечая, будто находились в другом мире. Люди сторонились, пропуская их, кто почтительно, кто с неохотой.

Проследив, куда они свернули, Федя поднял глаза и высоко на склоне горы увидел полускрытые зеленью стены монастыря.

Уличный поток вливался в большие ворота. Нетрудно было догадаться, что это базар. Такого скопища людей и животных Феде еще никогда не доводилось видеть. А шум!.. Крики торговцев, ржание лошадей, истошный рев ослов, мычание коров и буйволов сливались в невообразимый гомон, от которого непривычному человеку и оглохнуть было недолго.

Федя потолкался немного у торговых рядов и пошел дальше. Спустя какое-то время он заметил, что облик улицы изменился: дома, двух- и трехэтажные, стояли только по одной ее стороне и были обращены фасадами к морю. А по берегу моря протянулся бульвар. Был он порядком запущен и пропылен, но здесь росли пальмы — такие Федя видел лишь на картинках — и кипарисы, высокие, с темной густой зеленью. Публика в этой части города тоже была совсем другая: мужчины в европейских костюмах, женщины в светлых платьях, под зонтиками.

По улице прокатил легковой автомобиль. Как видно, здесь он был редкостью: люди оглядывались вслед, за ним бежала толпа орущих мальчишек.

Автомобиль остановился возле двухэтажного кирпичного здания с часовым у крыльца. Федя прочел на вывеске, прибитой к фасаду: «Новосветский волостной ревком». Сюда ушел отец. Хотелось бы повидать его, но Федя не решился подойти к часовому, да и отцу сейчас, наверно, не до него.

Бульвар кончился, и Федя увидел порт. Был он невелик: на площади, примыкавшей к морю, поднимались складские бараки и двухэтажное здание таможни. Под открытым небом высились груды бочек, ящиков и тюков, обшитых холстиной. Корабли не поражали размерами. К каменному причалу прижались три-четыре турецких фелюги, парусно-паровая шхуна под названием «Вера — Надежда» и несколько рыбачьих парусных лодок. И все же это был морской порт, где, как и положено, пахло рыбой, солью и дегтем; над мачтами с пронзительными криками носились чайки. И, в конце концов, даже на такой вот фелюге можно было уплыть к неведомым землям и островам. Здесь стоило задержаться.

Федя прошел немного в глубь причала, разулся и сел, свесив ноги в воду. Вот это вода — чистая, теплая, переливающаяся зелеными струями!

В десятке метров от него, отражаясь в воде ярко раскрашенной кормой, стояла фелюга. На ее палубе высилась гора апельсинов. Трое обнаженных до пояса турецких матросов складывали плоды в широкие корзины и передавали на причал. Грузчики-абхазцы таскали корзины на берег.

Федя засмотрелся на матросов. Один из них, поймав Федин взгляд, вдруг сделал страшное лицо, схватил апельсин и замахнулся. Федя невольно отпрянул, но в последний

момент турок замедлил движение руки, и крупный оранжевый плод мягко шлепнулся в ладони мальчику. Матросы на фелюге весело гоготали. Ему бросили еще один апельсин. Плоды были увесистые, с плотной ноздреватой кожей. Пробовать их Феде до сих пор не доводилось. Один он немедленно съел, другой решил приберечь для отца.

Пока он расправлялся с апельсином, матросы на всех фелюгах вдруг разом оставили работу, опустили на колени и стали молиться. Они прикладывали ладони к лицу, потом кланялись, да так, что стукались лбами о доски палубы.

«Ну и чудеса! — подумал Федя. — Такие веселые здоровые парни, а молятся, точно старушки».

Налетевший с моря ветерок начал поворачивать фелюги, и, для того чтобы обращаться к востоку, молящимся приходилось переступать коленями.

Пора было уходить, а то эти чудачки могли принять его за попрошайку.

Федя вернулся в старую часть города, но теперь ее было не узнать. Куда девался людской поток? Последние покупатели уходили с базара, торговцы укладывали остатки товаров. Федя не знал, что, начинаясь с рассветом, деловая жизнь в южном городе замирает с приближением жаркого полудня.

Между духанами выход к морю, и Федя свернул туда. Берег был усеян галькой. Он набрал камешков побольше и стал кидать их с таким расчетом, чтобы они рикошетом отскакивали от воды. У него на родине эта игра называлась — «есть блины». Кто больше «съел», тот и победил. Море было спокойным и камешки удобными — плоскими, обкатанными. Раз, два... шесть... десять. Вскоре он так наловчился, что и сосчитать было трудно. Но без свидетелей успехи не радовали. Оказывается, даже в таком интересном городе без друзей не очень-то весело.

Федя пошел обратно и сел на скамью под навесом духана.

«Если отец пойдет обедать домой, то обязательно пройдет здесь. Подожду его с полчаса», — решил Федя.

Духан назывался «Отдых под чинарой». Через открытую дверь доносились смех и оживленный говор. Посетителей обслуживал бедно одетый, горбоносый, лохматый мальчик. Раза два он выбегал на улицу, и тогда его живые черные глаза с интересом останавливались на Феде.

Отец все не показывался. «Дел, наверно, много!» — подумал Федя.

Всего двое суток прошло, а сколько перемен!

После смерти матери Федя жил в Смоленске у тетки. Месяц назад он сбежал от нее и с превеликими трудностями добрался до Екатеринодара^[6], где стоял полк отца. Отец был комиссаром. За самовольный приезд Феде, конечно, здорово досталось, но не так, чтобы жалеть о случившемся. Все же отец оставил его в полку, а не вернул обратно в Смоленск.

Две недели назад весь гарнизон подняли ночью по тревоге и перебросили к станции Приморско-Ахтарской, где высадился врангелевский десант. Федя то слонялся по пыльному Екатеринодару, то сидел возле штаба в ожидании известий. Тревога за отца мешалась с обидой, что его не взяли с собой.

Он знал: дело будет жарким. Врангелевцы были хорошо вооружены, имели броневики. Сам председатель Кавказского бюро ЦК Орджоникидзе прибыл к месту боев — Федя видел, как он проезжал через город.

На четвертый день была получена весть о ликвидации десанта. Вечером того же дня вернулся отец — усталый, с почерневшим лицом, но довольный. Он соскочил с коня и, лишь мимоходом обняв сына, прошел в кабинет начальника штаба дивизии Ташковского. Федя, воспользовавшись благосклонностью часового, проскользнул в соседнюю комнату и оттуда слышал почти весь разговор.

— Ну, положим, успокаиваться пока рановато, — говорил отец. — В горах еще немало банд из «Армии возрождения»^[7]...

— Знаю, но это уж не твоя забота, — перебил его Ташковский. — Для тебя другое дело есть...

Очевидно, у отца был озадаченный вид, потому что Ташковский рассмеялся, потом спросил:

— Во время постоя в Гудаутах ты школу организовал?

— Не я один — местный актив помог.

— А библиотеку при ревкоме ты собрал? Сам помню, как книги во всех частях клянчил.

— Ну, я... — усмехнулся отец.

— Значит, тянет к книжному делу... Так вот, по просьбе ревкома Абхазии направляешься в Новосветский волостной ревком. Будешь налаживать там народное образование.

— Но ведь мы еще врага не разбили! Как же я оружие сложу? Да и не получится у меня: я ведь всего учитель.

— Ладно, Вахрамеев, не огорчайся! Дело тебе поручается большое, ответственное. А в Абхазии, сам знаешь, неграмотность почти стопроцентная. Так что действуй, друг! Приказ подписан комдивом — вот смотри. Оружие оставлю за тобой, со всяким еще можешь столкнуться. Форму, если хочешь, обменяй — у интенданта, наверно, штатское найдется. Получишь трехдневный паек на себя и сына и в дорогу!..

...За воспоминаниями Федя и не заметил, как посетители духана разошлись. Отца все не было. День, начавшийся так хорошо, продолжался не так, как хотелось бы. Корабль не унес его за горизонт, к неведомым берегам; он не поднялся в горы, чтобы встретить там таинственного Рыжего монаха. И даже поговорить было не с кем.

Глава II, посвящённая знакомству с Аджином и посетителями духана «Отдых под чинарой»

Аджин проснулся вместе с третьими, рассветными петухами. Неподалеку в зарослях шакалы еще допевали свою песню, и куры пока не решались покинуть нижние ветви орешины, служившие им насестом. Домочадцы спали.

В кухне, куда заглянул Аджин, на столе стояла чашка с кислым молоком, прикрытая кукурузной лепешкой. Он знал, это ему. Но к еде не притронулся. Попытается что-нибудь перехватить в духане. С тех пор как умер отец, нужда прочно поселилась у них в семье.

Пес Худыш, спавший во дворе под стеной кухни, вскочил, завидев Аджина, и теперь ходил за ним, потягиваясь и умильно виляя хвостом. Ходил просто так — завтрака ему не полагалось.

Мыло в доме расходовалось экономно. Аджин натер руки куском жирной голубоватой глины и стал умываться в ручье, пересекавшем двор.

Небо на востоке наливалось светом, море лежало без движения и было похоже на подкрашенное розовой краской молоко.

Аджин вышел за калитку; его босые ноги, ступающие по пыли, не нарушали сонной тишины улиц. Худыш трусил за ним.

Аджин стал работать с десяти лет, сразу же, как похоронили отца, и давно уже научился не придавать своим бедам большого значения. Вот и сейчас он беззаботно мурлыкал песенку, слова которой сочинял на ходу.

Худыш между тем все чаще задерживался на углах, пока не свернул в одну из боковых улочек.

А Аджин вышел на главную улицу, где находился духан его хозяина — толстого турка Юсуфа — «Отдых под чинарой». Он стоял на самом выгодном месте: здесь сходились три улицы и на одной из них была стоянка дилижансов. К тому же большую часть дня духан накрывал тенью столетний платан, по-здешнему — чинара, которой заведение и было обьяно своим названием. Так что в посетителях недостатка не было.

Духан встретил мальчика застоявшимися с вечера запахами дыма и кислого вина. От ворвавшегося в дверь света мохнатые сороконожки разбежались по углам.

Братся за работу не хотелось, но Юсуф мог прийти с минуты на минуту, и надо было спешить.

Во дворике Аджин набрал кукурузных кочерыжек и затопил ими кухонный очаг. Огонь весело затрещал и наполнил живым светом мрачное помещение. Это немного подняло настроение, и Аджин стал двигаться проворнее. Он достал из кладовки сыр и повесил коптиться над очагом. На дне котла осталось немного вчерашней мамалыги. Аджин соскреб ее и съел. От сыра он тоже отрезал себе кусок, но так, чтобы было не очень заметно. Потом Аджин побрызгал водой и подмел полы, а затем выволок на берег паласы. Следовало выбить их палкой, но он ограничился тем, что не очень усердно потряс их. Его не смутило, что прилетевший с моря ветерок понес пыль обратно в духан: не в характере Аджина было в чем-либо себя упрекать. Но палку для выбивания пыли он поставил на видном месте.

Едва он успел застелить паласами лавки, расставленные вдоль стен, как появился Юсуф. Он еще не совсем отошел ото сна, зевал и громко сопел.

— Паласы выбивал?

— А как же! — Аджин кивнул на палку, прислоненную к стене.

Юсуф недоверчиво понюхал воздух и на всякий случай отпустил мальчику подзатыльник. Но тут пришел с ночным уловом рыбы в корзине грек Смарагдас. Они с духанщиком ушли во двор, и через минуту там разгорелся яростный торг.

Аджин тотчас же выскользнул за дверь: надо же посмотреть, что делается на белом свете.

Но Юсуф со Смарагдасом скоро вернулись. Увидев Аджина стоящим без дела, духанщик озлился:

— Ты, бездельник, опять здесь! А ну иди на кухню, ставь варить мамалыгу, жарь рыбу.

Духан постепенно наполнялся народом: завернувшие по пути в ревком крестьяне, кузнец Астан, несколько горожан, ожидавших дилижанса. Все это был свой народ, предпочитавший завтракать дома. Торговля наступала позднее, когда начинал разъезжаться с базара или после службы в монастырском соборе приезжий люд.

Юсуф был не прочь поболтать с посетителями и узнать новости, чтобы потом весь день пересказывать их другим.

Стало шумно. Засела за нарды^[8] первая пара игроков, и стук костяшек дополнил общий гомон.

Сквозь голоса Аджин услышал, как кто-то произнес имя охотника Тагуа.

Тагуа знали все присутствующие. Его храбрость и удачливость в охоте походили на легенду, а щедрость и веселый нрав снискали всеобщую любовь. Не удивительно поэтому, что кто-то из сидевших у окна вдруг закричал:

— Клянусь Аллахом, если не он сам сюда идет!

При этих словах Аджин подпрыгнул от радости. Ведь он приходился охотнику аталыком^[9]. После смерти отца Аджин вернулся в родную семью, чтобы помочь матери, но от этого его любовь к Тагуа ничуть не убавилась.

Охотника встретили радостными восклицаниями. Он ввалился в духан с тяжелой ношей на плечах. Это была косуля с короткими рогами-веточками. Тагуа свалил ее на пол.

— Привет всем! Да будут удачны ваши дела!

Вид его говорил о том, что он прямо с гор: на залатанной охотничьей черкеске, на шароварах и сапогах новые прорехи — следы колючек и острых камней. На запыленном лице щетина, волосы прилипли к потному лбу. Но черные глаза охотника блестели возбужденно.

— Эй, Юсуф! — крикнул он. — Если ты еще в состоянии двигаться, неси воды, да похолодней!

А духанщик уже показался в дверях кухни с тазом в руках. Он-то знал, что не останется в накладе: дальше духана косуля не уйдет — не из тех людей охотник, что торгуют мясом на базаре.

— Эге, — продолжал Тагуа, — убей меня гром, если к следующему моему приходу ты пролезешь в эту дверь!

— Ладно, болтай! — огрызнулся для вида Юсуф и поставил перед ним на скамью таз. — Наверно, охотник для того и возвращается с гор, чтобы поработать языком.

— Вот уж верно! — засмеялся Тагуа. — Поброди по горам да помолчи с неделю — не то запоешь...

Аджин поспешил к охотнику с кувшином для омовений. Тагуа обнял его, спросил, все ли в семье здоровы. Потом, когда умыл лицо и руки, подтолкнул мальчика к кухне:

— Иди, дадраа^[10], приготовь мамалыги побольше, чтобы всем хватило. — Он отпил воды из кувшина, довольно пощелкал языком.

— Как же ты подстрелил ее? — спросил кузнец, кивнув на косулю.

— Как всегда: ружье выстрелило и убило.

— Хватит скромничать, расскажи, как дело было.

— Ну, ладно, расскажу, — согласился охотник, — подстрелил косулю, освежевал ее, вырезал кусок печенки на обед. Косуле, чтобы не убежала, ноги связал и на сук повесил, а печенку на шомпол насадил и над углями пристроил. Пока жарится, дай, думаю, за медом схожу: была у меня на примете колода неподалеку. Подхожу к ней, а там уже хозяин косолапый завелся. Как выскочит да кинется на меня! А я ни ружья, ни кинжала с собой не взял...

— Постой, — перебил кузнец, — ты ведь сам говорил, что медведь на человека первым не бросается.

— Так то я говорил, а медведь об этом не знает...

Тагуа невозмутимо переждал, пока утихнет смех.

— Худо бы мне пришлось, если б не резвость моих ног. Так бежал, как никто до меня не бегал. Убежал, хоть и досталось мне от медвежьих когтей. Вернулся к костру, глядь — а косуля уже последний узел веревки развязывает. Не успел я ружье схватить, как завернулась в шкуру, печенку в зубы и ходу... Так и остался ни с чем — ни меда, ни печенки.

Теперь смеялись все.

— Что за черт! — воскликнул Юсуф. — Никогда у него не разберешь, где правда, а где небылицы.

— Какие небылицы? — Тагуа расстегнул на груди бешмет. От плеча к середине груди протянулся свежезапекшийся след медвежьих когтей. Лица у слушателей вытянулись.

— А-а... а почему шкура на косуле цела и печенка на месте? — серьезно спросил Смарагдас.

— Это уже другая косуля, — ответил Тагуа и подмигнул слушателям.

Снова посмеялись, теперь уже над Смарагдасом. Впрочем, среди этих простых людей, не обремененных знаниями и живших под властью суеверий, не один он был готов поверить в небылицы. Рассказ охотника немедленно повлек за собой новые истории, в которых немалое место занимали колдовство, зловещие предзнаменования, дурные приметы. Не был при этом забыт и Рыжий монах, о котором и прежде ходило множество всяких рассказов.

Аджин принес охотнику миску дымящейся мамалыги первому, затем, по его знаку, раздал мамалыгу всем присутствующим.

— Ну, для Тагуа зверья на всю жизнь хватит, — вдруг сказал, усмехаясь, Смарагдас. — Уж очень он удачлив: не иначе как дочери Аджвейпша снабжают его дичью^[11]. Потому-то он до сих пор и не женится.

В новом приступе веселья никто не заметил, что охотник не ответил, как обычно, на шутку.

Застолье продолжалось. Наконец, видя, что голова охотника все чаще опускается на грудь, Астан, его ближайший друг, поднялся, подавая пример остальным.

— Спасибо, дорогой, за угощение. Идем, провожу тебя.

Но Тагуа еще нашел в себе силы вместе с Юсуфом освежевать косулю. Шкуру и рога он взял себе, а заднюю ногу вручил Аджину:

— Возьми, дадраа, отдай матери, да не знают ее руки беды.

Он расстался с Аджином, но взгляд мальчика следовал за охотником, пока тот не затерялся в уличной толпе.

Юсуф ушел во дворик и там улегся в тени, чтобы в дремоте скоротать время до прихода новых посетителей.

Аджин прибрал со столов, затем вышел на улицу с ведром воды, чтобы побрызгать землю перед духаном. Здесь, в тени навеса, сидел на скамье незнакомый русский мальчик. Было ему лет четырнадцать, белокур, сероглаз, а одет, на взгляд Аджина, с невероятной роскошью. На нем были почти новая, кирпичного цвета, косоворотка и серые брюки, заправленные в сапоги. Сапог Аджин отродясь не носил, и иметь их, по его представлению, было привилегией мальчиков из княжеских и дворянских фамилий.

Аджин побрызгал землю перед духаном и, когда незнакомец хотел подняться, приветливо бросил ему:

— Сиди, сиди, дорогой, не беспокойся.

Итак, первый шаг к знакомству был сделан. Аджин пошел за водой. Когда он вернулся, мальчик сидел на прежнем месте, а возле него крутился невесть откуда взявшийся Худыш.

Мальчик не спеша ел лепешку. Вот он отщипнул кусок и бросил собаке. Худыш подхватил его на лету — только зубы щелкнули.

Всем видом Худыш оправдывал свое имя. Какой-то смешанной породы, крупный, но до крайности тощий, с серой облезлой шерстью на боках, он вынужден был полагаться лишь на самого себя. Все время с утра до ночи уходило у него на жалкий промысел хлеба насущного. Понятно, что чувства свои к щедрому незнакомцу Худыш проявлял достаточно красноречиво. Глаза его умильно следили за каждым движением мальчика, а хвост работал как маятник.

Федя бросил псу еще кусок, и тот был проглочен так же молниеносно. Считая такое поведение собаки неприличным, Аджин окликнул ее. Но Худыш и ухом не повел. Эта непочтительность так задела Аджина, что он сердито крикнул по-абхазски: «Худыш, чтоб тебя волки съели! Иди сюда!».

Федя перестал кидать хлеб, но собака не отходила от него и в ответ на окрик хозяина едва повела мордой и облизнулась.

В гнев Аджин подскочил к собаке и пнул ее ногой. Слабо взвизгнув, Худыш отбежал в сторону, не уходя, впрочем, далеко: удар босой ногой не был в диковинку.

Аджин встал перед Федей в угрожающей позе:

— Ты зачем чужих собак сманиваешь?

— Я не сманиваю... я не знал, что это твоя собака.

Но оправдание показалось слабым по сравнению с обидой.

— Что, и покормить нельзя? — примирительно добавил Федя.

— Нельзя. Думаешь, у меня хлеба нет? Вот столько есть, если хочешь знать. — Аджин раскинул руки, показывая, сколько у него хлеба.

Федя невольно улыбнулся, чего никак не следовало делать.

— Что, не веришь? Давай драться.

Федя был озадачен. Драться, конечно, и прежде доводилось, но одно дело в родном Смоленске, другое — начинать с этого знакомство с чужим городом. Да и причина пустяковая... А прохожие уже начинали останавливаться возле них.

Аджин понял его замешательство по-своему:

— Трусишь? Тогда уходи, а то как дам!..

Федя обозлился и встал:

— А ну, попробуй...

— И попробую!

— Посмотрим.

Аджин широко размахнулся — слишком широко — и ударил. Федя мгновенно отстранился — удар пришелся по столбу. Аджин коротко взвыл и кинулся на обидчика. Но Федя уже понял, что перед ним неопытный боец: град его ударов сыпался мимо или приходился по рукам. Один раз, правда, попало по лицу. Тогда хорошо рассчитанным движением Федя нанес удар, от которого Аджин покачнулся и, потеряв равновесие, сел на землю.

Народу собралось уже порядочно, из духана выбежали игроки в нарды и, присоединившись к зрителям, стали подзадоривать дерущихся.

Аджин вскочил и снова бросился на обидчика. Сознавая нелепость этой драки и свое превосходство, Федя опять попытался остановить распалившегося противника, но, получив чувствительный удар в ухо, не сдержался и оборонительным приемом — склонив бычком голову, встретил наскочившего на него Аджина. У того сразу хлынула носом кровь. Сгоряча Аджин не заметил ее и вновь кинулся в бой, но в этот момент, раздвинув толпу, к ним подошел усатый человек в черкеске. При его появлении все вокруг почтительно смолкли.

— Хайт цараби^[12]! Что тут происходит? Ты кто такой, мальчик, что-то я тебя не знаю? — строго обратился он к Феде.

— Я только сегодня приехал...

— Приехал и сразу драться?

Федя не ответил.

— А ты тоже хорош, — сказал подошедший Аджину. — Кулаками гостей встречаешь. Разве этому тебя отец учил? Так в наш город никто приезжать не будет!

— А чего он... чужих собак кормит!

Окружающие засмеялись. Но человек в черкеске оставался серьезным.

— Как твоя фамилия? — спросил он Федею.

— Вахрамеев... Я тут сидел, отца ждал...

— Вахрамеев? Это вы с отцом из Одиннадцатой дивизии приехали? Хорошая история получается: аталык красного партизана и сын красного командира устроили драку в центре города! Не стыдно? Ну-ка подайте друг другу руки!

Федя несмело протянул руку своему противнику, не очень веря, что он так легко пойдет на мировую. Но Аджин с неожиданной горячностью схватил ее и улыбнулся так добродушно, что у Феде сразу отлегло от сердца.

— Ну вот! Так-то, пожалуй, лучше, — подмигнул им человек в черкеске и пошел своим путем, провожаемый почтительными взглядами собравшихся.

— Кто это? — шепотом спросил Федя у Аджина, заправляя в брюки выбившуюся рубашку.

— Не знаешь, Лоуа! Председатель ревкома. Героический человек! — дружелюбно ответил Аджин, утирая нос рукавом.

Глава III, рассказывающая о взрослых обитателях города и монастыря

Председатель Новосветского волостного ревкома Ефрем Лоуа прошел по главной улице к повороту на монастырскую дорогу. Здесь, у подножия святой горы, в тени платанов его ждал человек в парусиновом костюме, с большим портфелем в руке. По бледному, еще без загара, лицу и по тому, с каким восхищением он смотрел вверх, в горы, где поднимались золотые купола монастырского собора, было ясно, что он здесь впервые.

— До чего красиво! — воскликнул он, пожимая Лоуа руку.

— Еще бы! — откликнулся председатель. — Открытки с этим видом я даже за Уральским хребтом встречал, потому и тянутся к нам паломники отовсюду.

Председатель говорил на правильном русском языке, но голос его — гортанный и резкий — выдавал кавказское происхождение, как, впрочем, и вся внешность. Был он черноволос, узок в талии и широк в плечах. В его традиционном горском костюме не хватало лишь кинжала.

— Идемте, товарищ Гольцов, — предложил он, — а то самое жаркое время дня наступает.

Они пошли по широкой, крытой щебнем дороге. Гольцов с любопытством присматривался ко всему.

— Необычная страна, — заговорил он, — нахожусь здесь пятый день, а до сих пор не видел ни хлеба, ни картофеля. Зато лавровый лист — сколько угодно, рви прямо с дерева. Тепло, солнце, море — благодать! Настоящий курорт!

Гольцов не знал, что каждого второго жителя этого «курорта» трепала лихорадка, что девяносто процентов населения были неграмотны, что ревкому трудно работать в этом многонациональном, разноязыком городе, населенном мелкими торговцами, рыбаками, кустарями, что волны контрреволюции, отступая, оставили на этих берегах зловещую пену: черносотенцев, остатки дворянского ополчения, белых офицеров — кто знает, сколько их, припрятавших английское и французское оружие, затаилось в ожидании подходящего для себя часа. Обо всем этом председатель подумал, но вслух сказал совсем другое:

— Между прочим, кукуруза превосходит по калорийности пшеницу... Но трудно: рабочего класса в городе почти нет; на заводиках и в мастерских, реквизированных у монастыря, работают вчерашние крестьяне да монахи, порвавшие с обителью... Впрочем, давайте поговорим о деле. Вы, вероятно, догадываетесь, товарищ Гольцов, что миссия, с которой мы идем в обитель, чрезвычайно трудна. Полгода назад, после установления в крае Советской власти, большая часть монастырского хозяйства и угодий были реквизированы в пользу государства. Так что, сами понимаете, особых милостей от святых отцов ждать не приходится.

— Осталось ли что-нибудь у них от прежних богатств? — спросил Гольцов.

— Несомненно. Доходы монастыря трудно учесть... К примеру, видите то сооружение на вершине горы? Это абхазская крепость шестого века. Есть там осадный водоем; откуда в него вода поступает, ученые до сих пор не знают. Так вот, монахи как приехали, объявили эту волю святой и по сей день ею торгуют...

Они ступили на просторный четырехугольник монастырской площади, образованный стенами двухэтажных зданий, в которых размещались кельи, трапезная, гостиница, канцелярия, хозяйственные службы. Углы ансамбля венчались маковками небольших церквей; посреди площади светлой каменной громадой высился собор.

Пройдя под аркой, они поднялись на второй этаж к настоятельским покоем. Появившийся на их стук монах сказал:

— В этот час владыко обычно в саду работает. Сблаговолите подождать, я пойду извещу.

Лоуа попросил:

— Разрешите пока монастырскую гостиницу осмотреть. Если можно, дайте провожатого.

— Извольте. Я вызову гостиника...

Время от заутрени до полудня было любимым временем отца Георгия — архимандрита^[13], настоятеля Новосветской святой обители. Ночь уже давно не приносила покоя: мучимый ревматизмом и болями в сердце, он почти не спал и в часы бессонницы заново переживал все дневные заботы. С близкой кончиной игумен^[14] смирился, но вот кто возглавит обитель, объединит братию духовно? Найти бы достойного преемника, да, видно, провидение по-своему хочет распорядиться — навязало в помощники человека мрачного, с совестью темной...

Переоблачившись после службы, удалялся игумен в дальний конец монастырского парка, где благодаря соседству ущелья дольше сохранялась ночная свежесть и утренний воздух полнился запахами цветов и гомоном птиц. Шел, ступая медленно, в сопровождении своего келейника — послушника^[15] Василида. Здесь на время игумен обретал душевный покой. Вел себя раскованно, по-стариковски: снимал клубок^[16],

запихивал в него покрывало, расстегивал крючки рясы, удобно усаживался в беседке из затейливо перевитых стволов японской глицинии. Ее густая пахучая листва затеняла скамью и стол, за которым игумен почитывал светские книги, разбирал и перечитывал дорогие сердцу, пожелтевшие письма.

Время от времени он поднимался и обходил свой уголок: кормил золотых рыбок, что плавали среди гротов и диковинных водорослей в искусно оборудованном небольшом бассейне; обрывал головки увядших роз, рыхлил землю и поливал кусты. Разумеется, основную работу по уходу за розарием делал один из садовников, но хоть в малом деле старцу было приятно сознавать свою причастность к бытию. Розы поднимались на клумбах, вились по стене, вползали на подпоры и стволы деревьев, образуя навесы и арки. Розарий был предметом гордости и забот настоятеля. По его указу добыли невиданные здесь дотоле сорта из Египта, Франции, Испании. Сам, благодаря многолетним стараниям, вывел два сорта.

А его келейник Василид скучал, часы безделья проходили томительно. Единственное развлечение — рыбки, но, сколько можно смотреть на них, погонять прутиком... Коротая время, послушник сидел на массивной каменной стене, окружавшей монастырский парк. Отсюда хорошо был виден городок под горой и море с толпящимися у берега корабликами. Василид всматривался в город, ловил идущие оттуда звуки.

Жалость к себе овладевала Василидом, как только он оказывался здесь. Какой святостью ни обладай, а трудно в тринадцать лет привыкнуть к мысли, что жизнь так и пройдет в каждодневных поклонах и молитвах, в заучивании бесконечных книжных текстов, в беспрекословном подчинении всем и каждому, кто старше его в монастыре. Хотелось какой-то другой жизни — свободной, радостной.

Настоятель понятия не имел о "греховных" мыслях, осаждавших послушника. Он не заметил, как задремал над книгой. После беспокойно проведенной ночи эти несколько минут сна приободрили, и он очнулся с просветленной душой. Хорошо: тепло, тихо. Сонно гудят над цветами пчелы, да воркует родниковая струя.

Хоть и брэнна жизнь, а жаль с ней расставаться. Один за другим уходили из нее старые товарищи. Ширится за стеной монастырское кладбище: одни по древности лет ушли, других в первые неласковые годы унесла лихорадка. Сегодня, как никогда, хотелось поведать вслух то, что запало в памяти и чем наполнилась душа.

А Василид, будто почувствовав, что старцу не хватает собеседника, подошел и сел рядом.

— Отче, в раю такие же деревья, цветы и рыбки, как в нашем саду?

Игумен улыбнулся:

— Доподлинно, сыне, это неведомо и мне. Еще могу сказать: не всегда здесь было такое благолепие. Прошло почти пятьдесят лет, как приплыли мы к этим священным берегам, имея на борту утлой греческой ладьи всего-навсего тридцать человек братии. Монастырь наш Старосветский, здравствующий и поныне на Халкидонском полуострове в Греции, выделил нас по высочайшей просьбе русского царя для устройства обители на северном побережье Черного моря...

Ко времени нашего прибытия население этого края в большинстве своем было языческим, частью же исповедовало мусульманскую веру. Благословясь, решили мы здесь обосноваться. Место сие поименовали в отличие от Старого Света — Новым Светом, ибо несли мы туземцам свет новой веры.

Но в этом крае нас ждали великие испытания. Оказалось, что местность эта, столь красивая со стороны моря, сплошь заболочена. Ядовитые миазмы выделялись из застоявшихся вод, и тучи комаров реяли в воздухе. Леса были непроходимы: дерево теснилось к дереву, бурелом и кустарники с острыми шипами преграждали путь. Неисчислимые труды пришлось вложить для приведения в порядок столь гиблого места, многие из братьев умерли от лихорадки, цинги и прочих болезней. Шакалы были под

окнами наших временных жилищ; брат Евлампий умер от змеиного укуса, бедный Никодим на глазах у товарища был растерзан медведем. А бывало и так, что спускались с гор и нападали на обитель лихие люди — абреки. Захватывали добро, уводили скот.

Старец замолчал, закрыл глаза, сидел неподвижно.

Василид даже подумал, что он опять задремал. Но вдохновленный воспоминаниями, игумен заговорил вновь с пафосом, проникновенностью, которые за многие годы составили ему в крае славу непревзойденного проповедника:

— Глаза страшатся, а руки делают. Расчищали землю: рубили лес, корчевали пни. В болотистых местах рыли канавы. На отвоеванных участках поднимали пашню, сажали сады. Паломники стекались со всех концов земли русской, чтобы приобщиться к благодати. А в 1888 году сам государь император Александр III с августейшей семьей удостоили монастырь своим посещением.

Чтобы лицезреть государя, в монастырь съехались лица высших сословий, белое и черное духовенство со всей Абхазии. Надо было чем-то угощать нежданных гостей. А чем прикажешь, если их добрая тысяча собралась? И представь: волны начали прибывать к берегу оглушенную штормом рыбу. Ее оказалось двадцать пудов! Это ли не чудо божье?!

Из почтения к старцу мальчик подивился вслух, а про себя подумал: «Эко, чудо! Шторм всегда выбрасывает рыбу на берег».

Игумен продолжал:

— Но не забывали мы и главного нашего назначения — словом и делом распространяли веру христову среди туземцев. Заботами нашими была создана монастырская школа, где изучали азы христианства отроки абхазцев.

Василид слушал рассеянно, но тут вставил слово:

— Вот, наверно, хорошо-то было — не скучно!

— Знаю, нелегко тебе одному. Но крепись: дух твой, приобщенный с младенчества к иноческой^[17] жизни, в дальнейшем укрепитя, в молитвах и труде будет утешение находить.

— Легко ли, отче... Вот третьего дня хотел я со щенком поиграть, так отец Евлогий щенка ногой пнул, а меня прогнал.

Игумен нахмурился. Опять этот казначей! Мало того, что злобствует на всех — теперь и к отроку придирается, хоть знает, что благоволит к нему настоятель. Но вслух сказал:

— Отец Евлогий строгих правил... Будь благочестив и кроток, никто тебя не упрекнет.

Василид давно приметил, что настоятель и сам недолюбливает казначея, но почему-то предпочитает не выказывать этого.

— Рисовать люблю, — вздохнул Василид, — коней, зверей разных. Да много ли нарисуешь, когда красок, кисточек нет...

— Ладно, что надо для рисования — раздобуду. Когда в город поеду, напомни. Только отцу Евлогию про то не говори. — Он легонько толкнул в бок мальчика: — Ишь, пострел, разжалобил старика...

Зной подступал к обители; утренние краски стали выцветать.

В дальнем конце аллеи показалась тучная фигура иеродиакона Космы. Не дойдя шагов пяти, он, по обычаю, низко поклонился игумену, произнес сквозь одышку:

— Прости, владыко, что беспокою. Дело важное: пришел в обитель председатель здешнего ревкома, просит тебя, владыко, принять его. С ним еще какой-то из руководящих... с портфелем.

Вот это новость! Игумен давно искал повода познакомиться с главой местной власти, а тот, гляди, и сам пожаловал в монастырь. С добром ли только?

Словно отвечая его мыслям, брат Косма добавил:

— Пока пожелали осмотреть нашу гостиницу.

— Ах, господи! К чему бы это?

Чтобы скрыть подступившее волнение, отец Георгий с нарочитой медлительностью стал надевать клобук, застегивать рясу. Монах ждал в почтительной позе.

— Ступай, — обратился к нему игумен, — разыщи отца казначея, пусть незамедлительно идет ко мне. — Потом обернулся к Василиду: — Идем, сыне, поможешь мне переоблачиться.

Башенные монастырские часы начали бить полдень. И под звук их ударов настоятель пошел по аллее.

Полчаса спустя монах открыл перед посетителями дверь в настоятельские покои. Сначала пришедшие оказались в келейной. Свет сюда попадал лишь через маленькое, подобно тюремному, окошко в следующей двери; было сумрачно, и Лоуа не сразу разглядел в углу комнаты мальчика в одежде послушника. Тот поднялся с лавки и молча поклонился вошедшим. Был он мал, тщедушен, и лицо, оттеняемое черной скуфейкой, казалось бескровным.

Жалостливое чувство подкатило к сердцу председателя, точно он увидел себя в этом иноке.

Монах распахнул вторую дверь. В приемной было просторно; три спаренных окна давали много света; прохладный воздух благоухал смирной и лавандой. Дальний угол занимал богатый иконостас. Под ним во главе длинного дубового стола восседал настоятель. На фоне мерцающей позолоты окладов его фигура казалась внушительной, величавой, а лицо — спокойное, в ореоле седых волос — располагало к себе.

Поодаль стоял еще один монах.

При появлении посетителей игумен вышел из-за стола.

— Во имя господа нашего приветствую вас, любезные!

Лоуа церемонно склонил голову и произнес:

— Рады видеть вас, отец Георгий, в добром здравии. Мир вам! Давно собирался навестить вашу обитель, да все недосуг было.

Игумен сделал жест в сторону монаха:

— Отец казначей иеромонах^[18] Евлогий. Если вы не против, он будет присутствовать при нашей беседе.

«Очень кстати», — усмехнулся про себя председатель, оглядывая высокого осанистого монаха и обмениваясь с ним поклоном.

Настоятель пригласил прибывших сесть и сам опустился в кресло; Лоуа и Гольцов сели справа от него на стулья с высокими резными спинками.

— Ну, как чувствует себя народная власть? — начал игумен. — Со вниманием следим за ее деятельностью.

— Что греха таить — успехи пока не велики, хозяйствовать еще не научились. И время трудное — разруха, голодно...

— Ничего, бог милостив. Захочешь добра — не пожалеешь труда; трудитесь, и воздастся сторицей.

Молчавший до сих пор казначей добавил:

— Наше хозяйство — тому пример.

— Что ж, отдаю должное трудолюбию братии и организаторским способностям отца настоятеля. — Председатель знал, что ответить. — Но лукавить не будем, святые отцы: не обязательно изучать «Капитал» Маркса, чтобы понять, откуда достаток у обители. Вспомните, какую субсидию от царя получили. Земля вам даром досталась, и чудом было бы, если б вы эту землю сами обработали. Но чудом не было: ведь ежедневно у вас на работу выходили сотни богомольцев.

— Да-а, — невесело протянул настоятель, — осведомленность ваша достойна удивления. Могу только заметить, что благочестивый люд считал за благо потрудиться во славу Божию. Ко всему, он обеспечивался пищей и ночлегом. И доходы монастырские на братии мало сказывались: у монаха по уставу нет личной собственности, едим и пьем за общим столом пищу самую простую...

— И все же монастырь, как говорят, с кухни строится... Вот мы и подошли к вопросу, ради которого явились к вам. — Председатель взглянул поочередно на насторожившихся

монахов. — Надеюсь, вы следите за событиями в стране и знаете, что жестокий неурожай поразил земли Поволжья...

— Свят господь наш, — сказал игумен, — он даст день, даст и пищу.

— Бог терпел и нам велел, — подхватил казначей. — А голод — за грехи. И призвание наше на сей день — молиться, чтобы исторгнуть прощение согрешившей земле, звать народ к покаянию.

— За грехи, говорите? — недобрым голосом отозвался председатель. — Уж не то ли вы грехом считаете, что народ дал по шапке царю?

Его тронул за локоть Гольцов:

— Ефрем Григорьевич...

Лоуа насупился. Ненадолго наступило тяжелое молчание, которое нарушил Гольцов:

— Для ликвидации голода в Поволжье организована Центральная комиссия помощи голодающим — ПОМГОЛ. Я — ее представитель в Абхазии. Комиссией организован сбор пожертвований в фонд помощи. Собранные продукты распределяются среди голодающих, а на деньги покупается хлеб у нас в стране и за границей...

Лоуа плохо слушал. Хмурия лоб, вглядывался в лицо казначей: «Он или не он?» — задавал себе вопрос председатель.

И действительно, трудно было узнать в осанистом, благостном иеромонахе того тощего, долговязого, потерявшего от злости человеческий облик послушника. Как неистовствовал он тогда! Было это пятнадцать лет назад. Крестьянское восстание в Гудаутах захлебнулось. И их, организаторов этого восстания, — Серго Орджоникидзе, его, Лоуа, тогда молодого партийца, и других — арестовали. Отправили этапом в Сухумскую тюрьму. По дороге на ночлег разместили в подвале брошенного монастырского строения.

Услышав, что привели политических, сбежалась монастырская братия, бросив все дела и молитвы. Обступили тесным кольцом, оттеснили конвой. Зверев на глазах, выкрикивали ругательства, наскakивали с кулаками, рвали одежду, плевали в лица...

Особенно бесчинствовал долговязый монах — собратья в криках повторяли его имя: Евлогий. А он, заходясь в ненависти, призывал ослепить «слуг сатанинских». И шло к тому, если бы кто-то из арестованных не выкрикнул: «Разве этому вас учит Евангелие?!» — и тем внес разлад в доселе единую в своей злобе толпу. Конвой с трудом выпроводил из подвала осатаневших монахов^[19].

От воспоминаний у Лоуа по спине пробежал неприятный холодок. Он еще раз остро взглянул на казначей, подумал: «Он, он! Ишь разъелся на монастырских хлебах! Глаза тусклые, бесцветные, в лице что-то хищное... Чекистов не мешает предупредить».

А Гольцов тем временем говорил:

— ...Заводы и учреждения открывают на свои средства детские дома для детей, вывезенных из Поволжья, оборудуют бесплатные столовые и больницы в голодных районах.

И опять почему-то ответил не игумен, а казначей:

— Гражданин уполномоченный, всецело разделяю вашу заботу, но скажу: ведь голой овцы не стригут. Председатель местной власти изволит знать, что государством у нас отобрано более двух третей хозяйства. Доходов имеем ровно столько, сколько нужно, чтобы содержать братию. Все-таки могу вам сообщить, что мы решили организовать тарелочный сбор^[20] в пользу голодающих.

— Но это же значит опять с простого народа возьмете, — мягко возразил Гольцов. — Неужели монастырь не располагает средствами, чтобы внести ощутимую лепту?

— Не скупитесь, благочестивые отцы, — вмешался Лоуа, — ведь дело идет о жизни и смерти ближних ваших. Рука дающего да не оскудеет: вспомните, немалые суммы жертвовали и царю, и Временному правительству.

— Цари брали, да давали, — негромко произнес настоятель. Председатель не сдержался, вспыхнул:

— Да, давали! И цари, и князья, и помещики... Им легко было жертвовать на церковь добро, награбленное у народа.

— Суесловие все... Чужие деньги считать — не разбогатеть, — промолвил Евлогий.

— Неприятное дело, а приходится.

В этот момент тонко звякнул невидимый колокольчик и все посмотрели на дверь. Вошел давешний мальчик-келейник, отвесил поясной поклон, произнес:

— Там солдат пришел, спрашивает председателя ревкома.

— Извините. — Лоуа выбрался из-за стола, вышел на галерею.

За дверью ждал вестовой; гимнастерка на его плечах потемнела от пота. Он шагнул навстречу:

— Товарищ предревкома, прислан с донесением от вашего заместителя, товарища Зайченко...

— Подожди. — Лоуа оглянулся. Проходивший по галерее монах замедлил шаги, но председатель так зыркнул на него, что тот моментально исчез.

Вестовой тихо продолжал:

— Банда из «Армии возрождения» захватила на побережье ближнее село. Телефонная связь прервана.

— Откуда известно?

— Крестьянин прискакал. Говорит, видел ихний разъезд в пяти верстах от города.

— От Зотова известия есть?

— Пока нет.

Председатель задумался. В городе после ухода зотовского отряда едва ли наберется с полсотни бойцов...

— Гони в ревком, — сказал он вестовому, — передай Зайченко, пусть разъезжаются по окрестным селам, сзывают крестьян из «Киараза». Место сбора у красноармейских казарм. У арсенала усилить охранение. Сам возьми в городе мою лошадь и возвратись сюда. Да в монастырь не въезжай, жди у ворот.

Красноармеец сбежал вниз и скрылся за углом собора. Согнав с лица тревогу, Лоуа прошел в приемную. После галереи здесь показалось душно: сгустившийся запах лампадного масла, шедший от иконостаса, перекрыл запахи смирны и лаванды. Что-то долго и монотонно продолжал говорить Гольцов.

«Как же так? — думал Лоуа. — Лишь позавчера разведка выследила банду Фостикова далеко в горах, Зотов выступил туда с отрядом, а банда тем временем оказывается на побережье, минуя наши дозоры? О предстоящей операции знало лишь несколько членов ревкома. Загадка, что и говорить».

Лоуа поднял голову и встретил взгляд Евлогия. Что за черт! — под усами отца казначея ему почудилась усмешка. Неужели что-то знает? Но монах отвел глаза и, обращаясь к Гольцову, сказал:

— Мы будем совершать богослужения во здравие голодных...

Председатель прервал его:

— Как вижу, дело не подвинулось. Предположим, монастырь не располагает денежными средствами. Но молиться ведь можно и перед иконами без золотых риз, служить можно без драгоценной утвари. Святые отцы, в храме, по сторонам алтаря, стоят два серебряных паникадила^[21] по 200 фунтов каждое. На деньги, вырученные от продажи паникадил, можно купить десять тысяч пудов хлеба. А им можно прокормить до нового урожая две тысячи человек. Ясно?

Но ожидаемого эффекта не получилось. Настоятель хотел было что-то сказать, но смешался и взглянул на казначея. А тот в наступившей тишине направился к стоявшему в углу ореховому секретеру:

— Вот, извольте ознакомиться.

Перед посетителями лежало, отпечатанное на гектографе^[22], послание патриарха^[23] Тихона. Нужные строки были предусмотрительно отчеркнуты карандашом.

Они гласили: «...Мы не можем одобрить изъятие из храмов, хотя бы и через добровольные пожертвования, священных предметов, употребление коих не для богослужбных целей воспрещается канонами вселенской церкви и карается ею как святотатство, мирянам — отлучением от нее, священнослужителям — низвержением из сана...»

— Понятно! — резюмировал председатель. — опередил нас его святейшество. Между прочим, знакомая личность: если не ошибаюсь, это бывший вдохновитель ярославских черносотенцев^[24].

— Не могу знать. Только обязаны мы чтить его слово, иначе совершим грех неповиновения, — сурово проговорил Евлогий, протягивая руку к бумаге.

— Минуточку! — Лоуа прихлопнул лист ладонью и некоторое время сосредоточенно разглядывал его. — Что-то не припомню такого документа ни в официальных поступлениях, ни в газетах; не датирован, без печати... Откуда он у вас?

— Из Москвы прислано.

Председатель достал из кармана галифе сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его, положил рядом с первым.

— Так и есть: отпечатано на той же бумаге, на том же гектографе... Прокламация. Доставлена в ревком одним из ваших паломников. — Лоуа стал читать вслух: — «Отбросы русского народа надеются, что, истребив буржуазию, они достигнут общего равенства, общего блага. Им нравится издеваться над теми, кому прежде они должны были кланяться. Во всем этом сказывается злая, черная зависть. Они были недовольны своей скромной долей. Они не хотели трудиться честно и усердно. Они умели только завидовать и искали предлога легко воспользоваться чужим достоянием, как это делают обыкновенные воры и разбойники...»

Лоуа поднял глаза.

— И дальше в том же духе. Схожесть этих бумаг дает основание думать, что обитель причастна к их распространению. Если учесть при этом, что проповеди некоторых ваших служителей больше смахивают на контрреволюционную пропаганду, то делом этим пора заняться нашему отделу ЧК.

Евлогий с подчеркнутым недоумением пожал плечами:

— Послание патриарха мы получили из канцелярии его святейшества. Что же касается прокламации, то впервые о ней слышу: своей типографии, сами знаете, обитель не имеет.

— Что ж, разберемся... Прощайте, святые отцы!

Лоуа, а вслед за ним и Гольцов направились к двери. Игумен наконец словно очнулся от сна и тоже поднялся:

— Гражданин председатель, сообразовайте задержаться! Я своего слова еще не сказал.

Лоуа остановился и хмуро смотрел на приближающегося отца Георгия.

— Мне прискорбно, что беседа наша приняла столь недружественный характер, — сказал игумен. — Не хочу, чтобы вы покидали обитель с ожесточенным сердцем. Обещаю, что в самом скором времени я соберу духовный и хозяйственный совет, дабы обсудить все сказанное вами и, выяснив наши возможности, найти средства для помощи голодным. Что же касаясь прокламаций, то одно могу сказать: к ним не причастен. В том даю слово...

— Отрадно слышать.

— И еще, — продолжал игумен, — прошу извинить за любопытство праздное, но не скажете ли, откуда проистекает осведомленность ваша о делах монастырских, а в языке наблюдается некоторая грамотность церковнославянская?

Лоуа, повеселев, ответил:

— Не ошибаетесь, ваше преподобие, — не случайно это. Еще в бытность вашу в сане иеромонаха в девятилетнем возрасте я был отдан в школу при вашем монастыре. Так вот: знаний больших не получил, но читать-писать выучился, а главное — за то вам нижайшее

спасибо — положил основу в овладении русским языком. — Он развел руками: — А священник из меня, уж извините, не получился.

— Да, воистину неисповедимы пути господни! — покачал головой игумен. — Ну что же, рад видеть и рад возвышению вашему на пути избранном, хотя и понимаю, что дороги наши сильно разнятся. Выражаю надежду, что не подвергнете гонениям церковь православную.

— Перед советскими законами все равны, отец настоятель. За религиозные убеждения преследоваться никто не будет. Вас прошу удержаться братию от опрометчивых поступков.

— Будьте покойны. — Игумен обернулся к казначею: — Отец Евлогий, сопроводите уважаемых гостей. Но сначала пригласите в трапезную: время обеденное, угостите чем бог послал.

— Спасибо, святой отец, уж не взыщите — недосуг нам расслаживаться.

Лоуа и Гольцов вместе с хмурым казначеем вышли.

Послушник сидел над книгой в углу келейной. «Не забыть посоветоваться в ревком, как быть с мальчиком — не место ему здесь», — подумал Лоуа, взглянув на согнутую фигурку.

Глава IV, знакомит друзей с третьим участником будущего союза

Прошло несколько дней с тех пор, как Федя поселился в Новом Свете. Свободного времени у него было хоть отбавляй. До открытия школы, по словам отца, еще далеко: нет ни помещения, ни учителей, ни учебников.

Каждый день Федя спускался к морю, толкаясь у причалов в порту, купался в одиночестве. Хотел было подняться на Святую гору, чтобы осмотреть крепость, но скоро уперся в непроходимую чащу деревьев и кустов и отступил. Углубляться в горы Федя вообще пока не решался, памятуя о предостережениях хозяйки. Рыжего монаха он, конечно, во внимание не принимал, но то, что в горах еще бродит недобитая белогвардейская банда, подтвердил отец. Оказалось, что в день их приезда один из отрядов банды захватил соседнее с городом село. Бандиты даже готовили нападение на Новый Свет, но их заставили отступить.

Отец принес ревкомовский паек: кукурузу, фасоль, растительное масло, сухофрукты — всего понемногу. Все отдал вдове, и она прилагала всю изобретательность, чтобы и без мяса посытнее накормить своих жильцов. В хозяйстве была буйволица, поэтому сыр и молоко всегда стояли на столе.

В общем, жилось скудно, но не голодно. Тинат души не чаяла в своих постояльцах, хотя и стеснялась Ивана Егоровича и в его присутствии прикрывала лицо платком.

Однажды, уходя в ревком, Иван Егорович взял с собой сына и разрешил ему рыться в книгах, предназначенных для городской библиотеки. Кое-что Федя отобрал для чтения и уже собирался уходить, когда взгляд его наткнулся на книгу, заглавие которой вызвало у него восторг и безмерное удивление. «Александр Дюма, — прочел он на обложке. — Путешествие по Кавказу».

Как?! Знаменитый романист, имя которого связывалось с образами отважных мушкетеров, который и сам-то представлялся не иначе как в плаще и со шпагой, бывал в России и где-то рядом бродил по Кавказским горам! Все это Федя узнал, прочитав первую страницу, и, не мешкая, захватив книжку, поспешил домой. Речь в ней шла о событиях весьма отдаленных, но Дюма есть Дюма, и вскоре Федя захлопнул прочитанную книгу. После этого время опять потянулось медленно.

Однажды утром, проводив отца до здания ревкома, он стоял на перекрестке улиц, раздумывая, куда бы направиться.

Город еще только начинал день: под навесами развешивали и раскладывали свой товар владельцы лавчонок, торговцы шашлыком устанавливали по сторонам улицы мангалы, покупатели спешили на базар. И вдруг Федя увидел Аджина. Как ни рано было, тот уже возвращался из леса. Рядом с ним непонятным образом двигалась огромная вязанка

хвороста. Лишь присмотревшись, Федя различил торчащую из-за прутьев ушастую морду с печальными глазами, а внизу мелькающие кончики копыт.

Аджина сопровождали двое мальчишек. Рядом бежал Худыш.

Во избежание новой, неминуемой, как ему казалось, потасовки, Федя решил уклониться от встречи. Но Худыш, радостно залаяв, подбежал к нему, надеясь на лепешку.

Встреча приняла неожиданный оборот. Аджин протянул Феде руку и, когда тот неуверенно пожал ее, представил своим спутникам:

— Это мой друг... из Москвы приехал. Его отец самым главным учителем у нас будет.

Его приятели в свою очередь принялись трести Федину руку и похлопывать его по плечу.

Федя чувствовал себя не очень-то ловко. В Москве он был лишь однажды, и так давно, что помнил только маленький грязный двор дома, в котором они остановились с отцом; по двору разгуливали куры и грелась в луже свинья. Смутно помнил еще тучи галок над кремлевскими соборами и пряники, что купил ему отец. Но к счастью, расспросов о Москве не последовало, так как Аджин не захотел делить с кем-либо общество столь почетного гостя и увлек Федю за собой.

Во дворике духана Аджин разгрузил ишака и, не показываясь на глаза Юсуфу, поспешил на улицу.

— Говори теперь, что будем делать, дорогой, куда пойдем? — спросил он Федю.

Федя раздумывал недолго: крепость на вершине горы манила его с первого дня, и он показал на нее.

— Святую воду хочешь пить?

— Что еще за святая вода? Крепость хочу посмотреть.

Аджину это желание показалось странным.

— Там только камни да деревья, — сказал он. Но пойти на гору с готовностью согласился.

Около мельницы, принадлежавшей монастырю, приятели свернули на сооруженный из жердей и виноградных лоз мостик через пенистую, озорную речку Монашку. У входа на мостик расположился какой-то предприимчивый фотограф. При известной храбрости тут можно было сняться в обнимку с ручным медведем или верхом на чучеле благородного оленя.

От мостика дорога серпантинном пошла вверх. Чем выше, тем гуще становился лес. Исполинские дубы, буки и вязы сходились над головой зеленым сводом, и путники шли как в туннеле.

Федя был счастлив. Наконец-то он не один. У него есть приятель. И как хорошо в такое утро шагать в гору упругим шагом, вдыхать этот воздух, видеть всю эту необыкновенную красоту. А впереди их еще ждет крепость...

Аджин не задумывался над своим состоянием, просто рад был случаю провести день за пределами чадного духана и отдавался беззаботному веселью. Он словно задался целью поразить нового друга своей ловкостью и проворством: скакал вокруг, как коза, оглашая окрестности воплями, раскачиваясь на ветках, как обезьяна. В одном месте он вспугнул белку и вслед за ней начал карабкаться на дерево. Белка поднималась все выше, временами останавливалась и поглядывала на своего преследователя, высовывая из-за ствола любопытную мордочку. Но когда казалось, что Аджин вот-вот схватит ее рукой, она сделала прыжок и преспокойно спланировала на соседнее дерево.

Ребята все чаще обгоняли паломников. Это были бедняки, одетые в лохмотья, с изможденными лицами. Они брели, опираясь на палки. Для Аджина зрелище было привычным, но у Феде при виде этих людей радость гасла.

Наконец вершина. Федя ступил на ее площадку и замер: вокруг на сотни километров простирались необозримые дали...

Море, серебряное от солнца, поднималось выше горизонта; далеко внизу лежал городок. Лодки и фелюги у причалов напоминали стайки рыбок, собравшихся у берега на кормежку. Дилижанс, кативший по сухумской дороге, казался ползущим тараканом. В стороне, противоположной морю, тянулись суровые и величественные горные кряжи, уходившие вдаль, и замыкались сияющей снежной белизной хребта.

Федя смотрел как зачарованный. Недаром обожаемый им Дюма писал: «Это был Кавказ, то есть театр, где первый поэт древности составил свою первую драму, героем которой был Титан, а актерами — боги... Понятно, почему греки заставили сойти мир с этих великолепных вершин».

Монахи неспроста оборудовали здесь смотровую площадку: в таком месте верующие невольно чувствовали себя букашками перед лицом творения всевышнего и примирялись с мыслью о бренности своего существования.

Аджин поглядывал на нового приятеля с таким видом, точно все окружающее — дело его рук.

Вслед за группой паломников мальчики прошли в ворота монастырского подворья^[25]. Оно занимало западную часть крепости.

Разве можно было предполагать, что здесь, на вершине горы, будет такое скопище народа! Люди сидели в тени стен и деревьев, толпились возле высившейся в стороне часовни. Длинная очередь тянулась к святому источнику. Безрукие, хромые на костылях и деревяшках, слепые с протянутыми вперед руками, матери с плачущими младенцами на руках.

Два монаха, поочередно черпая из отверстия в скале, разливали воду в подставленные бутылки, пузырьки, фляги. Стоявший на возвышении поднос на глазах заполнялся медяками. Сняв шапки, люди крестились, со слезами пили воду, ждали чуда.

— А это ли не чудо? — обращаясь к окружающим, воскликнул старик, сидевший неподалеку от мальчиков. — На вершине горы животворный источник столетиями утоляет жажду, рабов божьих исцеляет и, сколько ни черпай, не убывает ни на каплю.

Окружающие согласно кивали, истово крестились. Федя позвал Аджина:

— Пойдем отсюда, что-то это место смахивает на базар.

Чтобы добраться до основных крепостных сооружений, ребятам пришлось преодолеть беспорядочное нагромождение камней: они словно были призваны охранять от гомона паломников покой величественной, молчаливой цитадели. Остатки стен и башен громоздились, подпираемые скалами. Отовсюду из руин тянулись к небу деревца фиги и благородного лавра; из трещин и проломов, вцепясь в них когтистыми корнями, свисали побеги плюща; изумрудной стежкой пробивалась по швам между камнями трава. Тишина нарушалась лишь пением цикад. Великий всепобеждающий покой пришел на смену бурным событиям прошлого, свидетелями которого были эти стены.

У Феде загорелись глаза: здесь и на самом деле может случиться что-нибудь необычайное, чудесное! В таком-то месте!

Аджин, как оказалось, тоже был здесь впервые.

Они долго лазали среди развалин: обследовали многочисленные помещения крепости, прошли по узким переходам, заглянули во все башни. Дверные проемы в крепости были до того низкими, что Федя раза два стукнулся головой о верхний свод.

Пройдя цитадель насквозь с юга на север, приятели оказались на площадке, окруженной с трех сторон полуразвалившимися строениями; с северной стороны ее замыкал лишь невысокий парапет. Федя первый перегнулся через него. В тот же миг по спине его пробежал холодок, и он отпрянул назад: сразу за парапетом уходила вниз бездонная пропасть. За безопасность с этой стороны посаженные в крепости могли быть спокойны.

Аджин вдруг ойкнул, и Федя, проследив за его взглядом, увидел в одной из стен нишу. В ней высилась груда человеческих костей, венчаемая тремя черепами. Над нишей были высечены стихи.

Федя прочел вслух:
С любовью просим вас,
Посмотрите вы на нас.
Мы были такими, как вы,
Вы станете такими, как мы.

— Идем-ка туда, где повеселее, — предложил Федя, не глядя на черепа. И они быстрым шагом отошли подальше от стены.

Из всех башен хорошо сохранилась только одна — квадратная, самая высокая. Три ее этажа соединялись крутыми каменными лестницами; узкие окна выходили на четыре стороны света, позволяя обозревать все подступы к цитадели. Сюда для отдыха они и забрались. Уселись в проломе окна, свесив ноги наружу.

Солнце уже прошло половину своего пути, и небо обдавало зноем. Неподвижность, мертвая тишина царили в развалинах и в зарослях, обступающих крепость. Со стороны монастырского подворья, где были паломники, тоже не доносилось ни звука.

— Эх, — вздохнул Федя, — наверняка где-нибудь здесь клад запрятан: уж если черепа есть, то и клад рядом ищи...

— Какой клад? — не понял Аджин.

— Что, не знаешь, какие клады бывают? Ну, деньги там... или золото.

— Тогда давай найдем! Юсуф завтра в Сухум поедет, — дадим денег, пусть конфет, халвы привезет.

— Чудак-человек! Халвы, конфет... — Федя усмехнулся. — Если найдешь эдакий пузатый кувшинчик, набитый золотыми монетами, так весь сухумский базар можно купить, да еще останется.

Аджин недоверчиво взглянул на приятеля, поцокал языком. Потом спросил:

— А ты знаешь, как искать этот... клад?

— Знаю... — ответил Федя, но уже не так уверенно.

— Тогда скажи как, дорогой!

— Ну вот, например... Видишь то дерево? — Федя указал на огромный дуб, засохший от старости.

— Вижу...

— Надо встать под деревом, отыскать на нем самый большой сук и сделать тринадцать шагов в ту сторону, куда он указывает... Потом с закрытыми глазами повернуться несколько раз на одном месте и подбросить камень. Где он упадет, там и копай.

Аджин загорелся:

— Давай так сделаем!

— В другой раз как-нибудь. Лопаты-то нет: копать глубоко надо. Думаешь, так себе, присыпали землей, да и все? И копать надо не днем, а ночью.

Аджин озадаченно посмотрел на друга:

— А это зачем?

— Так уж водится... Хотел бы я знать, что ты будешь делать, когда у тебя в кармане окажется сто тысяч.

— Если бы деньги нашли, я бы коня у князя Цанба купил, ружье бы купил, саблю.

— А дальше что? Ездил бы по городу и коня своего показывал?

— Зачем, я абреком бы стал: богатых бы грабил, деньги бедным отдавал бы...

— Скоро у нас бедных и так не будет, — уверенно сказал Федя. — А я знаешь, что бы на эти деньги сделал? Купил бы оружия, коней, собрал бы отряд из таких, как мы, и в Персию или Турцию подался. Подняли бы восстание против тамошних богатеев, начали бы гражданскую войну... Вот это жизнь! Так или нет?

— Правильно, дорогой! Я твоим помощником буду!

Федя мечтательно улыбнулся, хлопнул Аджина по плечу:

— Потерпи, друг, наше от нас не уйдет. Дай время, и я что-нибудь придумаю. А пока пошли домой.

Чтобы выйти из крепости, мальчикам пришлось снова миновать дворик над пропастью. Федя вдруг остановился.

— Смотри-ка, — он указал на парапет. На нем стояли три большие глиняные, дочерна закоптелые плошки.

— Что за чертовщина! Час назад здесь ничего не было.

— Верно! Я тоже помню.

Кому и зачем понадобились они здесь? Аджин, суеверный, как все жители Нового Света, первый нашел объяснение:

— Здесь дело рук нечистого. Уйдем скорее.

Федя рассмеялся:

— Вон тебя куда понесло!

Впрочем, он тотчас же смолк; оба приятеля, как по команде, огляделись вокруг. Значит, пока они сидели в башне, здесь кто-то побывал. Не отставая друг от друга, мальчики обошли все прилегающие к дворику строения, обследовали каждый уголок. Но следов пребывания человека больше не нашли. Когда вернулись на площадку, Аджин предложил:

— Давай столкнем их в пропасть.

— Нет, придем в другой раз и посмотрим, что дальше будет.

Чтобы сократить обратный путь, ребята прошли напрямик через лес и вышли на дорогу, минуя подворье. Спуск прошел куда быстрее, чем подъем, временами они бежали под гору. Когда перешли мостик через Монашку, Аджин предложил:

— Давай к монастырю свернем, я место одно знаю, фейхоа можно нарвать.

Федя впервые слышал это слово.

— Ну, фрукты такие есть, самые сладкие, — пояснил Аджин. Через несколько минут они оказались у монастырской стены.

У того места, где Аджин не раз уже проникал в сад, на стене маячила темная фигура.

— О, сын злого духа! — ругнулся Аджин. — Что ему там надо?

Когда подошли ближе, оказалось, что это мальчик. Он сидел, обняв ноги так, что колени почти касались подбородка. Одетый в черную рясу и скуфейку, он походил на нахохлившегося галчонка.

— Эй ты, монах в синих штанах! — крикнул Аджин. Мальчик на стене невольно опустил глаза, словно хотел увидеть цвет своих штанов, но ряса скрывала его ноги, и даже носки ботинок не выглядывали из-под нее. В своем одеянии он больше походил на девочку. Да и лицо было как у девочки: большеглазое, с припухшими губами; волнистые светлые пряди волос спускались на плечи.

— Ты живой человек или пугало? — продолжал Аджин. — Чего сидишь, людей пугаешь?

— Я не пугаю, так сажу, — негромко ответил инок. Ему было не по себе под взглядами этих незнакомых мальчишек.

Федя поспешил вмешаться.

— Как зовут тебя, монашек? — спросил он мальчика.

— Я грешный послушник Василид, в монахи еще только готовлюсь.

Аджин нетерпеливо перебил его:

— Слушай, вот монахи говорят, что они добрые... Взял бы да принес фейхоа: человек из Москвы приехал, никогда не ел, надо угостить.

— Если надо — принесу.

— А если обманешь, уйдешь, а мы жди тебя? — подзадорил его Аджин. — Тебе и нарвать не дадут.

Василид даже слов не нашел от возмущения: уж кто-кто, а главный монастырский садовод отец Тиверий всегда благоволил к нему. Подумаешь, невидаль — фейхоа!

— Ждите! — крикнул он и скрылся.

Однако Аджин был недоволен; он опасливо озирался.

- Ты чего? — спросил Федя.
- А вдруг сторожей позовет...
- И поделом: в другой раз дразниться не будешь.

Аджин промолчал. Федя почему-то был уверен в добрых намерениях послушника. Он сидел, привалившись спиной к дереву, и спокойно ждал.

Времени прошло немного. Вскоре послышался шорох, и на верх стены, подталкиваемая невидимой рукой, стала корзинка, а следом за ней появилась голова в скуфейке. Осмелевший Аджин быстро подскочил и принял корзинку из рук Василида. Ого! Поверх плодов фейхоа, напоминавших лимоны, только размером поменьше и темно-зеленого цвета, лежали крупные как на подбор груши, гранаты и густо-фиолетовая кисть винограда. Из груш готов был брызнуть сок, и Аджин предложил начать пиршество с них.

Усевшись в тени, мальчики с наслаждением впились зубами в сочную мякоть. Послушник устроился в прежней позе на стене и удовлетворенно наблюдал за ними.

— Что же ты? — спохватился Федя. — Иди, ешь с нами.

— Нет, нельзя: по уставу не имею права обитель покидать... и вкушать без благословения старшего.

— Подумаешь! Никто и знать не будет.

— Нельзя — грех. Один грех, другой, а на том свете покою не будет.

— Ну и порядочки! — покрутил головой Федя.

— Кто всегда смотрит на небо, очень легко разбивает себе нос, — авторитетно добавил Аджин.

Послушник не ответил.

— Что же тебе тогда можно? — осведомился Федя.

— Молиться, послушания исполнять... работать, значит. Я в келейниках у игумена состою, его поручения выполняю.

— Да, не позавидуешь... И не скучно тебе?

Василид подумал.

— По правде говоря, скучно: во время службы иногда боюсь, как бы не заснуть... Я рисовать люблю; скоро у меня краски будут, тогда не скучно станет.

Федя приглядывался к послушнику. Монастырская жизнь давно интересовала его: что там, за высокой стеной, за тесным строем кипарисов? Рассудком он понимал, что монахи — обыкновенные люди, но таинственность, окружающая этот незнакомый мир, возбуждала любопытство. Не переставая есть фрукты, он расспрашивал Василида. Вдруг он заметил, что с Аджином творится что-то неладное. Тот не принимал участия в разговоре и ел едва-едва. Вскоре он вообще перестал заглядывать в корзину и оперся затылком о ствол дерева. Лицо его побледнело, на лбу выступил пот. Ничего не понимая, Федя спросил:

— Что с тобой?

Тот вяло отмахнулся и закрыл глаза.

— Может, объелся?

— Малярия... — понимающе качая головой, сказал Василид. — Погодите здесь, я лекарство принесу.

Он исчез за стеной.

А Аджину становилось все хуже. Приступ усиливался: пот заливал лицо, тело начинал бить озноб. Федя снял с себя рубашку и накинул на плечи приятелю. Ему впервые приходилось наблюдать приступ малярии — зрелище было тягостным. Моментами Феде казалось, что Аджин умирает.

Наконец за стеной послышалась возня. Запыхавшийся, распаренный Василид влез наверх, а затем, не раздумывая, спрыгнул к ребятам.

— Возьми, это хина, — срывающимся голосом сказал он, протягивая Феде пакетик с порошком. В руках у него откуда-то появилась кружка, он метнулся к ручью, протекавшему рядом, и вернулся с водой.

Аджин к этому времени уже лежал, скорчившись на земле и весь дрожал. Федя с Василидом приподняли его голову. Аджин безропотно проглотил порошок и запил водой; зубы его стучали о кружку.

Прошло несколько минут. Приступ шел на спад.

Близился вечер. Озноб сменился слабостью. Аджин поднялся с помощью ребят и для того, чтобы идти, вынужден был обнять Федю за плечи.

— Ну, пока, — сказал Федя Василиду.

— Прощайте... Храни вас господь!

Ни Федя, ни тем более Аджин не могли даже предположить, что творилось в душе у маленького послушника, как тягостно было ему оставаться одному после столь неожиданного знакомства.

Приятели отошли уже на порядочное расстояние, когда Василид нагнал их и сунул Феде корзинку с остатками фруктов.

— Гостинец-то забыли, — волнуясь, сказал он.

— Я не забыл, — возразил Федя, — корзинка-то твоя!

— Чего там, бери, может, когда и принесешь.

— Спасибо! Добрая ты душа...

В обнимку с пошатывающимся Аджином Федя стал спускаться по тропинке в город.

Глава V, где Федя знакомится с Асидой и абхазским гостеприимством

В этой части города Федя еще не бывал. Двор Аджина был окружен колючей ежевичной оградой, над калиткой торчал конский череп — заклятие от всякого зла.

У калитки Федя начал было прощаться, но Аджин с горячностью упрашивал его войти и что-то крикнул по-абхазски в сторону двора. Тотчас у калитки появились две женщины. Одна оказалась матерью Аджина, другая — сестрой. Аджин сказал им несколько слов, и на Федю обрушился град приветствий и пожеланий: можно было подумать, что он спас Аджина от неминуемой смерти.

Федя не заметил, как очутился во дворе. Его провели под раскидистую орешину. Здесь, на коврике, подогнув по-восточному ноги, сидел столетний дед Аджина Алхас.

В залатанной черкеске и толстых вязаных носках, старик был, тем не менее, преисполнен достоинства и приветствовал гостя с княжеским величием.

Впрочем, и Аджин представил Федю с такой важностью, словно он был заморским принцем.

Когда Федя, поздоровавшись, сел рядом с Алхасом, старик поинтересовался его здоровьем, здоровьем его отца и всех близких гостя. Он был явно огорчен, что на единственной тетке перечень Фединых родственников обрывался. Узнав о приступе малярии у Аджина, старик не преминул напомнить о своем возрасте:

— Слабый народ пошел нынче. Я вот до ста лет не болел, ни знахарей, ни докторов не знал. На свадьбе мог танцевать сколько хочешь. Никакой работы не боялся. Да, кто в молодости меня не видел, тому лучше бы не видеть меня и в старости. Мало кому уступал я в меткой стрельбе и в лихой джигитовке, мог один съесть полбарана, был желанным гостем на всех праздниках...

Рассказывая, он мастерил алабашу. В отличие от обычной алабашы — принадлежности пастуха и охотника, эта должна была стать нарядной тростью. Для такой трости вырубался подходящий ствол из ореха или самшита. С дерева удалялась кора, а мелкие боковые ветки не срезались, и, пока они не потеряли гибкости, мастер в соответствии со своей прихотью обвивал их вокруг основного ствола. Еще наряднее трость становилась после высыхания, когда дерево приобретало цвет старой кости.

Изделия Алхаса охотно раскупались паломниками на память о святых местах, и это помогало семье сводить концы с концами.

Аджин предложил Феде осмотреть их жилище. Небольшой домик под камышовой крышей был сплетен из прутьев рододендрона и обмазан глиной. Если о достатке семьи здесь судили по количеству подушек и одеял, которые абхазцы складывают горой на

видном месте, то у Аджина в доме эта горка была невелика; от лежавшего сверху одеяла, сшитого из лоскутков, рябило в глазах. Колышки в стенах, служившие для подвешивания оружия, бурок и прочей одежды, почти все пустовали. Так же и в амаурте — летней кухне — крючки, на которых обычно висят корзины с фасолью и кукурузой, копятся мясо и сыр, были пусты. Вся посуда в доме была деревянной.

Между тем в кухне и на заднем двореике шла суета; женщины шмыгали мимо, озабоченно переговаривались.

Когда приятели вернулись к Алхасу, возле него уже стоял низкий столик с закусками, в центре высился кувшин с восковой водой — прохладным, пахнущим медом напитком. Следом за ними появилась Асида — так звали сестру Аджина — с кувшином для омовений.

Федя уже начал привыкать к остроте кавказской кухни и теперь отдал должное фасоли, перетертой с грецкими орехами и красным перцем, свежемусу сыру, огородным травам и кореньям.

Когда с едой было покончено, Аджин предложил перейти к другому столу, чтобы поужинать. Федя был немало удивлен, полагая, что ужин уже позади. Ничуть не бывало: в глубине двора возле очага, под открытым небом, стоял другой стол, где их ждала горячая мамалыга. Старый Алхас с помощью Аджина поднялся и, опираясь на посох, тоже перебрался к очагу. Здесь все сели по-европейски — на низкие самодельные табуретки.

Мамалыга была приготовлена с молодым сыром. Федя не заставил себя упрашивать и наелся изрядно. Но едва он отодвинул пустую тарелку, как на столе появилось блюдо с кусками зажаренной курицы. Хотя обилие кушаний никак не вязалось с бедностью жилища, Федя сделал вывод, что горцы живут не так уж плохо. И несмотря на сытость, он отдал должное и этому блюду, макая мясо в фруктовую подливку.

— А почему они не едят с нами? — спросил он Аджина, показав глазами на мать с дочерью, хлопотавших возле кухни.

— Разве им место здесь?.. Застолье — дело мужское.

— Вот уж не ожидал от тебя такого! — шепотом возмутился Федя. — И это после того, как у нас произошла революция...

— Э-э, дорогой, при чем здесь революция? Они и так много распоряжаться стали.

В присутствии Алхаса Федя не стал продолжать разговор, но твердо решил провести с Аджином разъяснительную беседу, как только представится случай.

У матери Аджина — Харихан было озабоченное, усталое лицо; улыбка проступала на нем лишь в тех случаях, когда она обращалась к гостю. Возможно, раньше она была привлекательной, карие глаза были по-прежнему красивы, но лицо исхудало и покрылось ранними морщинками. Жилистые, покрытые мозолями и шрамами руки красноречиво говорили о годах непосильной работы. Но перед юностью дочери жизненные невзгоды пока были бессильны. Асида прислуживала мужчинам с бессознательной грацией. Иногда Федя перехватывал ее взгляд, исполненный веселого любопытства, и мальчику приходилось употреблять немало усилий, чтобы не засматриваться на Асиду.

Между тем пир еще не кончился: девочка унесла остатки курицы и поставила на стол чашку с пирожками. Это было уже слишком! Но как ни отговаривался Федя, хозяева заставили съесть хоть один пирожок.

— Кушай еще, дорогой, — настаивал Аджин. — Кто тебя уважает, тот и живот твой уважает.

— Ну, уж нет, хватит! — решительно возразил Федя и для убедительности похлопал себя по животу — он и впрямь был как барабан.

Асида унесла столик, мужчины остались сидеть возле очага. Темнота уже опустилась на землю; пламя вспыхивало и опадало, то урывая у ночи широкий круг света, то снова сужая его. Мать с дочерью устроились с вязаньем поодаль, оттуда доносилось их шушуканье. Старый Алхас закурил трубку и окружил себя облаком дыма.

Федя блаженно вздохнул. На душе у него после обильного угощения было очень хорошо. К тому же: было так или ему только казалось, что девочка лукаво поглядывает на него из полумрака и в улыбке посверкивают ее ровные зубки? И вообще, было ли реальностью все вокруг? Над головой его простиралось темно-лазоревое небо с непривычным расположением звезд; из темноты вздыхало море, погружаясь в сон; слева, заслоняя звезды, высилась гора с венчающим ее силуэтом крепости. А рядом, покуривая трубочку, сидел старец, которому перевалило за сто. Шутка ли — такой возраст! Вот уж, наверное, повидал на своем веку!

— Дедушка, что это за крепость на вершине горы, кто ее строил? — спросил Федя.

Алхас не спешил с ответом, он глубоко затянулся дымом из трубки, помешал палкой угли в очаге, помолчал.

— Против кого и когда строилась, не скажу, про то у ученых людей спроси, — сказал он наконец. — Но стояла она и при наших дедах. Одну историю помню, ее мой отец рассказывал.

Долгое время эта крепость пустовала, как вдруг объявился в наших краях какой-то человек. Был ли он князем или сам себя князем нарек, аллах его ведает — никто в его родословной не копался. Только в недобрый час появился он на нашей земле. Поселился в крепости, собрал вокруг себя людишек, изгнанных отовсюду за разные преступления или сбежавших от наказания. Словно чужа добычу, слетелись они, как воронье на утес. Угощал их князь вином пополам с гашишем^[26] и внушал: служите мне верно — живыми в рай попадете.

До его появления жили крестьяне, как все: трудились на своих полях, пасли скот, железо ковали, охотились на зверя, скрашивали песней и пляской свою нелегкую жизнь. Но вот объявил себя князь правителем этих мест, и жизнь крестьян стала сплошным проклятием. Потерявшие страх головорезы князя грабили всех и каждого. Сам князь кормился мозгом отборной дичи, проводил время в разгуле и безделье. Прятались все по домам, когда, случалось, проезжал он по селению.

Стоило ему увидеть красивую девушку, как его подручные отнимали ее у родителей или у суженого и приводили в княжеский гарем. Не стало слышно на нашей земле музыки и песен, нищета поселилась в каждом доме.

Укрепившись на горе, князь наглел все больше. Стал он нападать на проходящие мимо караваны, а затем и на торговые суда; захваченных купцов держал в плену до тех пор, пока не получал за них богатый выкуп. Серебряные и золотые монеты, драгоценности и украшения, дорогое оружие — все это богатство скапливалось в подвалах крепости, и скоро князь стал самым богатым человеком в крае...

Аджин не выдержал:

— Хайт! Неужели на этого разбойника управы не было?

— Что говорить, по этому негодяю давно уже тосковал хороший абхазский кинжал. Жаловались на него и ограбленные купцы, и местные жители. Но такое уж трудное время было. Владетельному князю Абхазии Келешу Чачбе приходилось вести борьбу с султанской Турцией. Впрочем, делал он попытки захватить князя. Но недосыгаем был разбойник. Три ряда укреплений защищали единственную дорогу к его гнезду.

И однажды случилось вот что.

Жила в нашем селе веселая, красивая девушка по имени Шасия. Долгое время прятал ее от княжеских глаз отец — старый кожевник. Но трудно удержать взаперти красавицу, когда на улице весна. В одно недоброе утро вышла она в сад и запела, точно птица, которая радуется теплу и солнцу. На ее беду, в этот час возвращался правитель с ночной охоты. Подъехал он к дому и увидел Шасию. По знаку владыки вбежали в сад его слуги, схватили девушку и увезли в крепость.

А у девушки той был суженый по имени Таркил. Красавец был парень: и ловок, и силен, и мастер, каких мало сыщешь. Только был он в то время в отлучке — ездил учиться у кубачинских мастеров работе по металлу. В тот же недобрый день вернулся он в родное

село, узнал о случившемся и дал клятву вернуть девушку. Решил он сначала идти просить князя об ее освобождении.

Его допустили пред очи князя. Тот сидел, развалиясь на подушках, в окружении своих ашнакма^[27]. Он холодно спросил:

— Кто ты, дерзкий, что нарушаешь мой покой? Что тебе надо в моих владениях?

Назвал себя юноша и рассказал о том, как давно и сильно любят они с похищенной девушкой друг друга.

— Долго я учился своему ремеслу, — продолжал Таркил, — и говорят люди, что нет мне равных в наших местах. Буду работать днями и ночами, сделаю тебе оружие, какого нет ни у кого, только отдай мне мою Шасию.

В ответ князь рассмеялся — смех его больше походил на визг шакала. Засмеялись и придворные, льстивые, как лисицы перед волком. Внезапно, оборвав смех, князь произнес:

— Ничего ты не получишь, глупец, а в наказание за свою дерзость посидишь в яме. Время излечит тебя от гордости.

Побледнев от гнева, Таркил выхватил кинжал и бросился на обидчика. Но телохранители, следившие за каждым его движением, кинулись к нему и скрутили руки.

— Подрежьте полу черкески у этого наглеца^[28], — распорядился князь.

Выполнив акт бесчестия, стражники увели юношу и бросили в глубокую каменную яму. Он остался один среди тишины и мрака.

Много недель томился узник, едва отличая день от ночи, питаясь теми объедками, что бросали ему княжеские слуги. Недаром говорится: что такое враг, знает пленник; что такое погоня, знает хромой. Временами в душе бедняги угасал последний луч надежды, и он готов был разбить голову о камни. Но в эти мгновения возвращалась мысль о мести.

«Ну, погоди, князь, — думал он. — Если судьба даст мне еще случай поохотиться, то никакая крепость не спасет тебя от пули или удара кинжала». Он уже потерял счет дням и ночам, когда однажды услышал, как кто-то окликает его сверху:

— Добрый человек, если ты еще жив, слушай меня, — говорил незнакомый голос. — Я знаю, что привело тебя сюда и хочу помочь тебе, как брату. Зовут меня Соулах, я такой же мастер, как ты, и не по своей воле оказался здесь... А сейчас наберись терпения и жди ночи потемнее.

Слушал Таркил и ушам не верил: даже в этом разбойничьем гнезде есть, оказывается, хорошие люди...

Алхас замолк. Он отхлебнул несколько глотков из кружки и начал возиться со своей трубкой: выколотил золу, не спеша набил табаком. О слушателях точно забыл, хотя они ерзали от нетерпения. Он знал, что делал, опытный старый рассказчик.

В этот момент Асида, выйдя из темноты, подбросила несколько веток в затухающий очаг. Вспыхнувшее пламя осветило девочку, и Федя вновь залюбовался ею.

Наконец, затянувшись дымом, Алхас продолжал:

— Прошло двое суток. Снова услышал юноша голос, а затем увидел спускающийся сверху конец веревки. Вытащил его Соулах из ямы, дал выпить настоя из корня ашхардаца^[29]. Крадучись, прошли они между крепостными постройками, и по приставной лестнице, припасенной Соулахом, поднялся Таркил к окну, что одиноко светилось в этот час. С радостью услышал он в ответ на свой призыв голос любимой. Но тут-то и подстерегал его неожиданный удар. Отказалась Шасия бежать с ним. То ли прельстил ее князь дарами, то ли разлюбила юношу — никто не знает.

В ту страшную минуту сознание едва не покинуло Таркила. Но превозмог он слабость и с помощью нечаянного друга спустился на веревке в пропасть. А там конь его ждал. Подъехал Таркил к своему дому, попрощался с родителями и, прихватив оружие, умчался в горы. И вовремя: стража хватилась узника, и князь разослал во все стороны погоню. Но беглеца и след простыл.

С этого времени началась у них с князем охота друг на друга. Понимал жестокий владыка, что ждет его пуля на каждом шагу, и почти не показывал носа из крепости. Зато подручные его рыскали повсюду. Немало их сразил Таркил из своего ружья, но и ему нелегко приходилось: десятки раз с трудом уходил он от погони. И не сносить бы ему головы, если бы не помощь земляков: под каждой крышей он мог найти кров, и хозяин ее рад был поставить перед джигитом последнюю тарелку мамалыги...

Что плохо приходит, то плохо и уходит, говорят в народе. К этому времени владетельный князь Абхазии Келеш Чачба, искавший союза с русскими, пал от руки своего презренного сына Асланбея и турецких агентов. Но другой сын Чачбы — достойный Сафарбей — обратился к русскому царю с просьбой принять Абхазию под покровительство России.

С помощью русских турки были изгнаны с нашей земли. Тогда настала и очередь ненавистного князя. Русская эскадра подошла к нашим берегам и стала бомбардировать разбойничье гнездо. Как крысы побежали из крепости разбойники. Всем им было уготовано пасть от рук разгневанного народа. Но самого князя не нашли — как сквозь землю провалился.

Много было радости по случаю избавления от двойного ига. Народ устроил пышные проводы русским морякам. Пир тянулся не один день. Лишь Таркил не принимал в нем участия: он разыскивал князя. Что-то подсказывало ему, что разбойник затаился и, выждав удобный час, попытается покинуть негостеприимный берег. Так и случилось. Переодетый в крестьянскую одежду, с перекрашенными усами и бородой, князь собирался сесть в фелюгу, чтобы уплыть в Турцию. Но Таркил узнал своего врага; орлом налетел он на князя и всадил ему в грудь кинжал по самую рукоятку. Но и сам в ту же минуту был сражен пулей с фелюги.

Привлеченный выстрелами, сбежался народ. Тело презренного владыки было брошено на съедение шакалам, а благородного мстителя народ похоронил с почестями...

После паузы старик закончил свой рассказ словами:

— Уже немного осталось в нашем крае людей, которые могут передать молодым эту историю.

Некоторое время все молчали. Утомленный столь длинной речью, Алхас сидел сгорбившись, забыв о потухшей трубке.

— А что стало с сокровищами? — спросил Федя.

— Точно никто не знает. Говорили, что незадолго до бегства князь спрятал сокровища, а тех, кто знал об этом, приказал умертвить. Видно, собирался вернуться за награбленным. Искали люди богатство, но не суждено было найти его никому.

Федя хотел было задать новый вопрос, но, взглянув на Алхаса, увидел, что тот свесил голову в старческой дреме. Аджин тоже смотрел осоловелыми глазами. Женщины, отложив работу, сидели понуро. Федя понял, что чересчур засиделся: ведь всех, кроме него, утром ждала работа.

Все семейство, за исключением старого Алхаса, который так и не проснулся, проводило Федю до калитки.

— Да возвратишься ты, куда бы ни пошел.

Это традиционное среди абхазцев напутствие, сказанное Асидой на прощание, Федя понял слишком буквально и шагал по затихшим улицам городка, не чувствуя усталости...

— Не мешало бы пораньше возвращаться, — недовольно проговорил Иван Егорович при появлении сына. — Уж не прикажешь ли хозяйке для тебя в полночь ужин разогревать?

— А я есть не хочу, я в гостях был, — с гордостью сообщил Федя. — Сыт на много дней вперед. Не так уж бедствуют крестьяне, как ты говорил. Я вот курицу у них ел, мамалыгу, пироги — всего и не упомнишь.

— Да-а, вижу, ты даром время не терял... — протянул отец. — А не подумал, что эта курица могла быть последней?

— Да нет... там, кажется, еще бегали...

— Не очень-то ты знаком с местными обычаями. Если у абхазца гость, он все, что есть хорошего в доме, на стол поставит. Сам потом будет голодный сидеть, лишь бы соблюсти священный закон гостеприимства.

Федя вспомнил, с какой беззастенчивостью уплетал все, что подавалось на стол, и вспыхнул от стыда.

— Мне это и в голову не приходило, — покаянно сказал он. А отец, не щадя его, продолжал:

— Я слышал, есть в этих местах любители пользоваться чужим гостеприимством: только и знают, что ездят по родственникам и знакомым. Тем и живут...

Федя готов был сквозь землю провалиться. Только теперь он вспомнил, что Аджин почти ничего не ел за столом, да и старый Алхас тоже не торопился с едой. Он улегся в постель, долго молчал, потом тихо спросил:

— Пап, а пап, ты не спишь?

— Нет еще...

— А когда Абхазия к России присоединилась?

— В 1810 году... Под игом царизма абхазцам тоже не сладко жилось, но все же куда лучше, чем под турецким владычеством. Вот и революция сюда раньше пришла...

— Революция-то пришла, а женщины до сих пор с мужчинами за стол не садятся.

— Ишь быстрый какой! Эти обычаи складывались веками, а ты за полгода их вытравить хочешь. Много еще предстоит в сознании людей переделать... Вот кровная месть, например: сколько еще жителей Кавказа из-за этого обычая гибнет или в бегах находится!

Федя скоро услышал ровное дыхание отца. Но сам продолжал лежать в темноте с открытыми глазами, заново переживая события дня. Вот и друг у него появился. Хорошо! Потом подумал об Асиде и тревожно и радостно забило сердце. Напоследок вспомнился ему и маленький монашек. Жаль, что нельзя с ним ближе познакомиться...

А еще он решил изучать местный язык и обычаи, чтобы не попадать больше впросак. Это решение его сразу успокоило, и Федя уплыл в сон, когда небо в окне уже побледнело.

Глава VI, повествующая о многозначительном разговоре в обители, о находке

Василида и сюрпризе настоятеля

Новость о посещении монастыря председателем ревкома в тот же день облетела братию, и это не могло не вызвать многочисленных толков. Вся братия была взволнована в ожидании близких перемен. Большинство предрекало мрачные времена. Лишь некоторые усматривали в этом визите признаки примирения с новой властью и надеялись на упрочение святой обители.

Внешне жизнь монастыря шла своим чередом. Изю дня в день над горами, над морем гудели колокола, сзывая иноков на молитвы и послушания. И никто не предполагал, что под покровом повседневных будней притаилась буря.

Происшедшее пока меньше всего задело Василида. В тот день он, сидя в келейной, слышал весь разговор игумена и казначея с председателем, но мало что понял из него. Расстались они с миром, — значит, и думать не о чем. Правда, вслед за тем отец Георгий занедужил, но такое случалось и прежде. У постели игумена дежурил брат милосердия, и Василид был относительно свободен.

Часы и дни тянулись однообразно, и Василид ниоткуда не ждал перемен. Но, сам того не ведая, он уже вступал в круговорот событий, в которых ему предстояло сыграть не последнюю роль.

Как-то утром в начале ноября, когда игумен несколько оправился от болезни, Василид явился на звон его колокольчика. Он давно уже изучил все оттенки настроения своего покровителя и теперь видел, что игумен проявляет признаки нервозности и беспокойства. Настоятель приказал ему тот же час разыскать и привести отца казначея.

Василид с неудовольствием принял это поручение. При виде Евлогия он ощущал неприятное чувство, особенно в тех случаях, когда взгляд казначея останавливался на нем. Наградит же господь такими глазами!

Повстречавшийся инок сказал, что видел отца казначея на втором этаже монастырской гостиницы. Василид направился туда. И верно: за дверью в конце коридора он услышал голос Евлогия. Василид постучал; Евлогий вышел.

— Чего тебе? — Взгляд его был подозрительным: очевидно, он подумал, что Василид, перед тем как постучать, подслушивал у двери.

— Святой отец, вас к себе владыко требует.

Несмотря на то, что дверь из номера открылась лишь на миг, оттуда пахло табачным дымом. Курение в пределах монастыря строжайше пресекалось, и снисходительность казначея вызвала удивление. Странно, что в номере еще кто-то был — в этот утренний час гостиница обычно пустовала. Пользуясь прохладой, благочестивые постояльцы проводили время в прогулках по окрестностям, разглядывая руины древних христианских памятников или совершая подъем на Святую гору.

Раздумывая над этим, Василид шел за Евлогием, но перед дверью в игуменские покои монах остановил его:

— Стой здесь и никого не впускай, пока я не выйду. Понял? Здесь стой! — Он посмотрел на мальчика долгим взглядом.

«Ишь ты, — сердито подумал Василид, — в свою келейную и зайти не смей...»

Спустя минуту негодование сменилось у него простым любопытством. Что-то в поведении и настоятеля и казначея настораживало. Страх перед гневом Евлогия сдерживал послушника, но, в конце концов, он не удержался и с бьющимся сердцем проскользнул в келейную. Через маленькое окошко в двери Василид мог слышать, а если подняться на цыпочки, то и видеть все, что происходило в приемной игумена.

Отец Георгий сидел во главе стола, казначей прохаживался из угла в угол. Разговор шел о будничных монастырских делах, но вдруг, после паузы, отец Георгий сказал:

— Давай теперь подумаем, как быть с лептой для голодающих.

Евлогий остановился:

— Владыко, разве мы не решили этот вопрос в день визита к нам председателя?

— Ты понимаешь, что такие вопросы решаются без посторонних. Если помнишь, в конце беседы я некоторым образом обнадежил его. Давай же, призвав на помощь всевышнего, прикинем, что можем отдать без большого ущерба.

Казначей развел руками:

— Премного удивляюсь вашим словам, отец настоятель: все наши духовные отцы уже обращались с амвона к прихожанам с призывом жертвовать на голодных. Доход от тарелочного сбора отныне будет сдаваться властям. Разве мало этого?

— А много ли? Народ оскудел, деньги обесценились... К таким грошам стыдно даже сопроводительное письмо писать. Надо и голодным помочь, и новую власть упестовать.

— Это вы называете властью? Власть антихристов, богоотступников, церкви разрушителей... Нам ли ей способствовать?

Отец Георгий насупился, но ответил примирительно:

— Не будем в политику вдаваться. Какая бы власть ни была, мы не можем допустить, чтобы народ христианский с голоду умирал. Одной молитвою не поможешь, нужны и добрые дела. Часть золотых и серебряных вещей из храмов можем пожертвовать.

— Бездонную кадку водой не наполнишь, хватит того, что даем. Не всех едино бог карает — кому суждено, и так выживет.

— Странное толкуешь. Если тебя послушать, выйдет, что голод — дело рук господних.

— Все в мире творится его судом... И без того обитель нашу разорили, им же еще и помогай...

— Не преувеличивай, брат, не так уж худо живем. Наша обитель что остров среди моря бедности людской.

Тусклые глаза Евлогия наливались злобным огнем, голос утратил почтительность.

— Уж не прикажете ли акафисты петь большевикам? Я, как казначей, патриаршей воли нарушить не могу. И вам премного удивляюсь, что против него идти призываете.

Отец Георгий, казалось, был смущен и некоторое время сидел молча, опустив голову. Послушник был вне себя от изумления: почему всемогущий глава обители терпит дерзкие речи от недостойного казначея?

Настоятель поднял наконец голову и заговорил:

— Ладно, да будет так, — сказал он. — Но ты-то знаешь, что есть способ помочь голодающим, не нарушая воли патриаршей.

Евлогий зорко, настороженно взглянул на него:

— Это каким же образом?

— Ты знаешь, о чем я говорю, — тихо произнес игумен. Василид подался вперед и весь обратился в слух. Казначей передернуло от этих слов.

— Господь с вами, владыко, — так же тихо ответил он, — в том, о чем намекать изволите, все будущее благополучие обители. Господь сподобил братию особой милости, так пусть этот дар лежит неприкосновенным и ждет своего часа.

— Час настал, час бедствий народных, и пора вспомнить о том, что лежит втуне. Люди умирают от голода, а мы копим презренный металл. Тем паче, что золото, о коем речь, не есть священные предметы культа.

Евлогий уже не сдерживал кипевшей в нем злости:

— Неужели вы не понимаете, что золото пойдет не голодным, а на кольца комиссарским женам! Законная власть придет, как ответствовать будете перед ней?

Игумен вспыхнул:

— Как смеешь настоятельно грозить! Я властью церковной над вами поставлен — я и в ответе за все!

Василид видел, как менялся в лице настоятель, как дрожали его старческие руки, слышал, как срывался голос, и мысленно призывал на голову ненавистного Евлогия господнюю кару. Но кары не последовало, и казначей нанес последний удар:

— Воля ваша, а только скажу: дни ваши сочтены, скоро на Страшном суде будете ответ держать. А я на земле в ответе буду. Что хотите делайте, а того, о чем говорить изволите, — не отдам.

Ухватившись за ручки кресла, игумен резко поднялся. Взгляд его блуждал, рот открылся и судорожно ловил воздух. Он хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова; силы оставили его, он рухнул в кресло и схватился за сердце.

Какая-то сила подхватила Василида. Забыв обо всем, обливаясь слезами, он вбежал в приемную и бросился к старику.

Казначей, помедлив несколько мгновений, стремительно пошел к выходу. На пороге он резко обернулся и кинул на послушника взгляд, от которого у того похолодела спина.

Василид нагнулся над стариком — он был почти без чувств.

— Склянку из спальни принеси, — прерывающимся голосом проговорил отец Георгий. Василид опрометью бросился туда, вернулся и накапал в стакан жидкости из пузырька.

Игумен выпил лекарство и замер. Василид с тревогой следил за его лицом. Отец Георгий постепенно приходил в себя. Старческий румянец появился на щеках, руки дрожали не столь сильно. Он поднял глаза на послушника.

— Так ты, выходит, слышал все?

Василид потупился.

— Да-а, — протянул игумен. — Воистину сказано — не всяк свят, кто церковный пол топчет. — Потом добавил: — Подслушивать — грех... О том, что слышал, — молчи.

Прибежал запыхавшийся монастырский доктор в сопровождении брата милосердия. Они помогли игумену добраться до кровати. Старик отослал мальчика с наказом не отлучаться из келейной.

Сидя в полумраке комнаты, Василид снова и снова переживал случившееся. Зрелище униженного владыки и торжествующего казначея было мучительным для него. Какая-то тайна крылась в их отношениях. Что за золото, о котором шел спор? В чем причина безнаказанной дерзости казначея? От этих мыслей голова шла кругом.

Пробыв с полчаса, доктор ушел. Еще через полчаса Василид явился на звон настоятельского колокольчика. Запах лекарств стоял в комнате. Игумен лежал в постели, руки его бессильно вытянулись вдоль тела. Слабым голосом он велел келейнику вызвать к себе членов монастырского совета. Спустя немного те из них, кого удалось разыскать, прошли в спальню. Василид не мог слышать, о чем они говорили с настоятелем, но видел, как, проходя назад, уставщик^[30] и эконоом, усмехаясь, обменялись удовлетворенными взглядами.

Наступила ночь. Продолжая думать, Василид долго не мог заснуть. Что-то подсказывало ему, что прежней безмятежной жизни пришел конец. Ясно, что Евлогий не простит ему подслушивания. Уж если над игуменом он имеет какую-то непонятную власть, то ему, Василиду, следует держаться от казначея подальше. Природная доброта отступила на этот раз перед негодованием, и Василид нарисовал в своем воображении отрадную картину: за все содеянное Евлогий попадает в ад и в окружении ликующих чертей поджаривается на сковороде. Картина эта несколько утешила его сердце, и Василид наконец заснул.

Весь следующий день настоятель не поднимался с постели, но утром второго дня велел заложить фаэтон и, несмотря на протесты доктора, стал собираться в дорогу. Василид без труда заключил, что отец Георгий направляется в Сухум, к церковному начальству.

Мальчик отстоял службу в храме и, чтобы не встречать постылого казначея, пошел бродить по парку. Уже много лет здесь трудилась армия садовников во главе с ученым братом Тиверием. Свезенные чуть ли не со всего света растения отлично чувствовали себя в климате благословенной Колхиды, а человеческие руки с любовью довершали работу природы. Одних пальм здесь насчитывалось с десятков видов. Гималайский кедр соседствовал с русской березой, кавказская ель — с индийской азалией. Между деревьями росли японский банан, турецкая сирень, вирджинский можжевельник, пампасская трава...

Наступающая осень давала себя знать: многие кусты уже сбросили свой наряд, осыпались некогда пышные папахи гортензий. Но тем и славен был брат Тиверий, что создавал цветники таким образом, что, исключая разве только время с декабря по февраль, парк был полон разнообразных красок. В этом райском месте на маленького послушника всегда находило умиротворение. Но сегодня и здесь тягостные мысли не оставляли его.

Обойдя цветники, Василид вышел к монастырской стене, в том месте, где несколько дней назад разговаривал с мальчишками из города.

Познакомиться познакомились, а доведется ли снова встретиться?

Вздыхнув, Василид направился вдоль стены и шел до тех пор, пока она не уперлась в скалистый выступ Святой горы. Подножие ее тонуло в разросшихся диких кустах. Из-под них вытекал ручеек. Откуда он берется? Василид раздвинул первые ветки, но и дальше за сплошной стеной зелени все равно ничего не было видно. Тогда он опустил на колени и пополз на четвереньках. Трава в зарослях была мягкой, густой — свидетельство того, что здесь до него еще никто не бывал.

В конце пути Василид был вознагражден: под прикрытием кустов пряталась расщелина. Она уходила в глубь скалы и в нескольких метрах от входа делала поворот, оттуда шел дневной свет. Ручей вытекал из расщелины, оставляя место для прохода.

Василид с минуту постоял в нерешительности — одному пускаться в неизвестность было страшновато. Но, собравшись с духом, шагнул в глубину. В тот же миг он упал ничком, такой шум обрушился на него сверху. словно десятки гарпий^[31] ринулись с небес и наполнили воздух шумом крыльев. Помертвев от ужаса, Василид ждал, когда они вцепятся в него своими когтями. Но они лишь летали над ним, изредка касаясь крыльями. И уж слишком знакомым было их попискивание...

Василид встал и с досады сплюнул — какого труса он спраздновал! Он отряхнул рясу, затем поднял голову. Так и есть: наверху, в сводах расщелины, висели целые сонмы летучих мышей. По вечерам эти твари надоедливо метались перед носом в любом уголке монастырских владений. Так вот где они прячутся днем! Словно наказывая себя за трусость, Василид решительно прошел в глубину расщелины. Здесь у него перехватило дыхание от восторга — до чего хорошее местечко!

Просторная пещера. Вверху стены перекрывались огромной плитой. Одна из стен не доходила до потолка, и в просвет лилось солнечное сияние. Пол тоже был каменный, по стенам местами тянулись гирлянды плюща.

Василид прошел в глубину пещеры. В углу, в центре небольшого каменного водоема, бил родник, в его водовороте кружились золотистые песчинки. Из водоема по узкой ложбинке вода текла вдоль стены, оставляя сухой всю площадь пола.

До вечера оставалось еще много времени. Василид сбежал в обитель и, выпросив в поварне нож, вернулся к скале. В глубине зарослей он срезал лишние ветки. Теперь, раздвинув наружные кусты, можно было свободно проникнуть в расщелину.

В пещере он оставил самые крупные камни, предназначив их для сидения, остальные выбросил вместе с мусором, занесенным талой водой.

Звон монастырского колокола вернул его к действительности. Он вспомнил вчерашний неприятный разговор, и сердце у него снова заныло. Василид бросился на монастырский двор.

Игумен еще не приехал. Беспокойство все больше охватывало Василида. Кажется, впервые он понял, как дорог ему старец, заменявший в последние годы умершего отца.

Игумен занимал одно из видных мест в церковной иерархии края: не могло быть и речи о том, чтобы ему пришлось ждать приема у архиерея^[32]. Уж не напали ли на него разбойники? В прошлые годы настоятеля обычно сопровождали в поездке два казака из городского гарнизона. Со сменой власти эта привилегия отпала. А лихих людей на дорогах не убавилось... Отец Георгий вернулся лишь поздно ночью.

Василид, не раздеваясь, лежал в келейной, когда услышал шум подъехавшего экипажа. С трудом, опираясь на его плечо, старец поднялся в покои.

Но следующий день, вопреки ожиданиям, начался неплохо. Монастырская дисциплина приучила Василида подниматься с зарей. В шесть часов он был уже одет и прибран. Через полчаса из покоев донесся звон колокольчика. Игумен был как-то странно возбужден и приветлив — то ли ночь благотворно прошла для него, то ли в мыслях что-то переменялось.

Василид подошел к настоятелю под благословение. Старик перекрестил его и стал расспрашивать о том, как послушник провел время в его отсутствие. Но рассказ Василида был скуп: о том, что пережил в ожидании своего покровителя, он постеснялся рассказывать. Зато набрался храбрости и поделился мыслями о загробной участи отца казначея. Игумен, казалось, был разгневан и даже назначил послушнику небольшую епитимью^[33] за дерзкие мысли. Но сцена с поджариванием казначея на сковороде, как видно, понравилась ему — во время дальнейшего разговора в его глазах то и дело вспыхивали веселые огоньки.

— Скучаешь ты, отрок? — спросил он вдруг.

Василид пожал плечами: что он мог сказать? Жизнь его проходила на глазах старика, и в этой жизни не было ни игр, ни развлечений.

— Вижу, что скучаешь, — продолжал игумен. — Не обессудь — не взял вчера с собой. Зато нашел тебе заделье в город прогуляться. Сегодня после обеда оденься в мирское и ступай. Слышал я, что в городе митинг состоится, так ты побудь там да послушай, о чем говорить будут. Запоминай, как вернешься — мне все перескажешь. Тем паче слушай, если о нашей обители речь зайдет. А до и после митинга погуляй, в лавки загляни. Вечерню можешь пропустить. На вот на расходы, если что приглянется — купи. — Он достал из ящика стола несколько денежных бумажек и протянул Василиду.

Глаза послушника заблестели. Подумать только — самостоятельное путешествие в город, такого прежде не случалось, да еще с кучей денег в кармане!

— Все понял, сын?

— Да, святой отец. Как наказываете, так и сделаю.

— Ну и ладно. А теперь погляди-ка, что я тебе привез.

Отец Георгий указал в угол, где на сундуке высилась стопка вещей в бумажной упаковке. Василид подошел к сундуку и начал их разбирать. Старик наблюдал за ним, с довольным видом поглаживая усы и бороду.

Василид освободил от бумаги одну вещь, другую... Боже, ведь это принадлежности для живописи! За своими переживаниями он даже забыл об обещании игумена. Он и не предполагал, что рисованию сопутствует столько интересных предметов. Помимо набора масляных красок, здесь был плоский ящик с палитрой, разделенный на ячейки для красок, кистей и масленки; был складной деревянный мольберт; были вещи и вовсе незнакомые. Предстояло еще выспросить у монастырских иконописцев, как ими пользоваться.

Василид оглядывал, ощупывал это богатство, пока, наконец, не вспомнил о своем благодетеле. Он подбежал к отцу Георгию и, опустившись на колени, припал к его плечу.

— Ну, вот еще! Хватит, хватит, — проговорил игумен растроганно. — От судьбы, как видно, не уйдешь. Занимайся своими красками, когда время будет... Вот только ума не приложу, где бы тебе расположиться, чтобы братию в смущение не приводить.

Но опасался он, как видно, не братии... Василида вдруг осенило:

— Я знаю где!

И он рассказал игумену о своем тайнике. Чем не мастерская — и крыша над головой, и тепло, и сухо, и светло, а главное — знать никто не будет.

— Ну и ладно, коли так. Вот перенедужу, так приду посмотреть, как ты там устроишься. А пока рисуй во славу божью.

Пользуясь отсутствием посторонних, Василид перетащил драгоценный груз в келейную и спрятал под койку. Когда он вернулся в спальню игумена, тот лежал в кровати. Вид у него был неважный — на лице отражались нездоровье и забота.

Радость Василида поблекла от предчувствия несчастья.

Глава VII, где говорится о делах сердечных, а также о первых симптомах болезни под названием кладонискательство

Наутро после вечера, проведенного в гостях у Аджина, Федя встал с ощущением новизны всего мира. Он выспался, но продолжал действовать как во сне. Поспешнее обычного умылся, проглотил завтрак, а потом, гонимый непонятным томлением, оказался на улице, ведущей к дому Аджина.

Он прошел мимо дома туда и обратно, стараясь, однако, не смотреть в сторону двора и краешком глаза увидел лишь старого Алхаса, сидевшего под орешинной. Войти во двор или остановиться у калитки он не решился и устроил засаду неподалеку, возле дороги, рассчитывая, что рано или поздно мимо пройдет Асида. Ведь именно ради нее он прибежал сюда ни свет ни заря!

Минуло часа два, но Асида не появлялась. Зато неизвестно откуда взялся Худыш. Он покрутился возле Феде, недоумевая по поводу его странного поведения, затем сделал попытку пригласить Федю в дом: направился в сторону калитки, оглядываясь и усиленно размахивая хвостом. Убедившись в тщетности своих усилий, Худыш скрылся.

Асида так и не показалась. Федя ушел, весь день бродил по улицам, надеясь где-нибудь ее случайно встретить.

На следующее утро Федя снова сидел в засаде. Теперь все дни его начинались так... А Асиды все не было и не было.

Аджину о своих переживаниях Федя, понятно, не говорил. Они виделись ежедневно, вместе ходили в горы за сушняком для духана. Благодаря этим прогулкам Федя познакомился с окрестностями, побывал в соседних селениях.

Погруженный в свои думы, Федя не замечал, что его друг все чаще кидает на него хитроватые, веселые взгляды.

Но, как говорится, то, что имеет начало, имеет и свое продолжение.

Однажды, подходя к городу, Федя оказался у болотца, образованного протекавшим здесь ручейком. На берегу сидела Асида. Одета в пестрое ситцевое платье, она поднималась из травы подобно горному цветку.

Асида пасла буйволенка. Тот уже наелся и стоял с блаженным видом по брюхо в болотной жиже, пережевывая жвачку.

Как долго Федя ждал этой минуты! Сколько раз он рисовал себе эту встречу, сколько мысленно говорил красноречивых слов! Но сейчас, хоть тресни, не знал, как подойти и с чего начать разговор. В памяти не вовремя всплыла фраза: «Кавалер, честь дамы зависит от вашей скромности». Чего-чего, а скромности было предостаточно. Вернее, это была робость, от которой цепенел язык и подгибались колени.

Федя уже решил было повернуть назад, но, на счастье, Асида увидела его. Она ойкнула и прикрыла лицо платком, а лукавые глаза с любопытством смотрели на него. Едва передвигая ноги, Федя подошел и сказал:

— Здравствуй. — Назвать ее по имени у него не хватило смелости.

— Здравствуй, — ответила Асида и приспустила платок. Какой счастливый случай посылала Феде судьба! Но в голову опять лезли какие-то дурацкие слова: «Как счастлив я, мадам, быть сегодня вашим кавалером!» или «О благоуханная роза хорассанских садов!».

Асида оказалась находчивей.

— Садись сюда, — она показала на место рядом.

Он сел, преглупо улыбаясь, по-прежнему не зная, с чего начать разговор. Асида снова пришла на выручку:

— Расскажи, какая Москва?

Федя понемногу приходил в себя. Что ж, на этот раз он был не прочь рассказать про столицу и живописал ее с таким видом, точно вернулся оттуда вчера. При этом он вдохновенно черпал подробности из воспоминаний о родном Смоленске — благо там тоже был кремль, а Москву-реку с успехом заменял Днепр.

Скоро Асиде стало известно, сколь замечательное под Москвой купанье, какое там изобилие рыбы, ягод и грибов.

Асида уже перестала закрываться платком, и Федя во время разговора все чаще поглядывал на ее лицо. Черты его не были совершенны, но кожа золотилась от загара, и румянец на щеках был цвета спелого персика. А когда глаза ее — черные, блестящие — встречались с глазами Феде, у него сладко замирало сердце. Он находил, что Асида просто красавица.

— Какой ты счастливый, — сказала она, когда Федя замолчал, — везде побывал. А я нигде не была, только один раз в Сухум-Кале.

— Ничего, Асида, — Федя решился наконец назвать ее по имени, — у тебя еще все впереди. Здесь тоже неплохо, — добавил он великодушно.

Она повела глазами.

— Хайт! Только горы и море, больше ничего.

— Вырастешь — везде побываешь.

— Я женщина: мое место в поле и у очага. А замуж выйдешь, куда поедешь...

— А ты не выходи, кто тебя заставляет.

— Придется, — промолвила она, трогательно вздохнув. — На моей люльке еще при рождении зарубки сделаны.

В предчувствии недоброго Федя спросил:

— Какие еще зарубки?

Со слов девочки он узнал, что существует так называемое люлечное обручение, когда родители дружественных семей уже при рождении сына и дочери устраивают помолвку и в память об этом делают на люльке зарубки, а в изголовье кладут пулю с зарядом пороха.

— Так что, видишь, я должна подчиниться воле покойного папы, — закончила Асида. Личико ее при этом было озабоченно-важное.

— Варварский обычай! — взорвался Федя.

— Ведь в то время еще не было Советской власти, — простодушно возразила Асида. Федя проглотил комок в горле. Он не заметил, как девочка кинула на него лукавый взгляд из-под длинных ресниц.

— Кто же он? — сдавленным голосом спросил Федя.

— Кезым Маршан... Пока он живет в другом городе, но помнит обо мне, подарки присылает.

В сердце Феде бушевала буря. Живет в другом городе и шлет подарки, видите ли... Аджин говорил, что ей уже пятнадцать лет, по их обычаям замуж пора. Самым лучшим было бы сейчас встать и уйти. Или, по крайней мере, выказать полное равнодушие. Но вместо этого Федя тяжело вздохнул и опустил глаза.

— Ой, смотри! — воскликнула Асида и коснулась его руки. Другой рукой она указывала на буйволенка. На спину животного села птица с ярким оперением и принялась что-то выклеивать из его шерсти. Словно приветствуя ее, буйволенок повернул голову. Такое соседство устраивало, как видно, обоим.

Федя рассмеялся, хотя и думал сейчас о другом. Он согнул руку, и ладонь девочки оказалась в сгибе его локтя. Федя испытывал неведомое до сих пор блаженство.

Некоторое время они сидели молча, поглощенные, казалось, наблюдением, за птицей. Наконец Асида отняла руку и, затенив глаза ладонью, посмотрела на солнце.

— Домой пора...

— Посиди еще, — сказал Федя.

— Нельзя — дед голодный, буйволицу доить надо...

Федя с сожалением поднялся вслед за ней. С таким же сожалением птица вспорхнула со спины буйволенка. Асида погнала его к дому. Федя пошел провожать. Через несколько шагов девочка остановилась:

— Дальше не надо ходить.

— Почему? — спросил Федя. Все шло так хорошо.

— Не надо, — повторила она, — люди увидят — что скажут?

Взглянув на его опечаленную физиономию, она рассмеялась и убежала. Федя проводил ее взглядом, не зная, что думать. Поистине это была необъяснимая страна!

В один из дней, последовавших за этой встречей, Федя сидел на галерее и рассматривал в зеркало свое лицо. Пожалуй, впервые он делал это сознательно. Красив он или нет — этот вопрос с некоторых пор стал интересовать его. В зеркале он видел лобастую голову на крепкой шее. Кожа на лице успела потемнеть от загара, и от этого веснушки стали не так заметны. Федя с удовлетворением отметил этот факт. Нос прямой, но, пожалуй, коротковат, а губы не мешало бы иметь потоньше. Цвет волос, кажется, называется каштановым. С недавних пор Федя решил зачесывать их наверх, но волосы пока еще не привыкли к новой прическе и торчали во все стороны. Бровей почти не видно — так они выгорели на солнце. А глаза? Еще давно кто-то сказал, что глаза у него красивые. Так это или нет? Не то серые, не то голубые, с большими зрачками и длинными ресницами, — пожалуй, и правда, неплохие. Но нравятся ли такие женщинам? А вообще-то лицо как лицо, хотя до красавца Атоса ему далеко...

Уже не первую минуту он невольно прислушивался к странному гулу, доносившемуся с восточной части города. Трам-там! Трам-бам! Больше всего это походило на удары в барабан. Но барабана без оркестра ему еще не доводилось слышать.

Федя сидел и раздумывал об этом, когда с другой стороны донеслись звуки духового оркестра.

Федя схватил картуз и выбежал на улицу.

Мужчины, что были в этот час дома, выходили из калиток и устремлялись в сторону моря, на Приморскую улицу. По ней шла большая толпа горожан. Впереди с оркестром и знаменем ехал отряд конников. Из боковых улочек в процессию вливался народ, присоединялись завсегдатаи духанов и кофеен.

Впереди грянула песня:

С неба полуденного
Жара не подступись,
Конная Буденного
Раскинулась в степи...

Федя зашагал рядом с оркестром.

«Хорошо бы встретить Аджина», — подумал он и не успел оглянуться, как тот оказался рядом.

— Куда все идут? — спросил Федя.

— Митинг будет, говорить будут...

— Митинг? По какому случаю?

— Про голод говорить будут.

Федя начал догадываться. В последнее время все чаще упоминалось Поволжье. Газеты пока были редкостью, и толком мало кто знал, что там происходит.

За пределами города, от дороги полого поднимался безлесный участок горы, издавна служивший местом для народных собраний. У ее подножия рос вековой священный вяз, под сенью которого по обычаю заседал совет старейшин. Сейчас под деревом возвышался сколоченный из досок помост, а между ветвями протянулось кумачовое полотнище. На нем белой краской было написано: «Победили контрреволюцию, победим и голод!»

Колонна, пришедшая с оркестром, разлилась по склону. Прибывали люди и поодиночке. В ожидании начала сидели на камнях, на земле. Многие пришли прямо с полей и стояли, опираясь на мотыги. Между взрослыми крутились дети: гонялись друг за другом, скакали, оседлав палки. Женщин почти не было, и Федя напрасно высматривал в толпе смуглое личико Асиды.

Места ближе к трибуне были уже заняты, но Аджин, усиленно работая локтями и увлекая за собой Федю, пробирался вперед до тех пор, пока какой-то усач не остановил его. Аджин не мог успокоиться и, как боевой конь, приплясывал от нетерпения на месте. Федя слушал и приглядывался ко всему вокруг. И вдруг... Он толкнул приятеля локтем:

— Смотри-ка туда...

Впереди, возле высокой трибуны, примостился на камне тот самый мальчишка-послушник, с которым они познакомились возле монастырской стены. Сейчас он был в мирской одежде, его светлая голова выделялась среди черных шевелюр и папах.

— А еще говорил, что его в город не отпускают, — возмутился Аджин. Они решили не терять монашка из виду.

На трибуне появились люди. Из числа поднявшихся на помост вперед выступил видный абхазец в черкеске. Присмотревшись, Федя узнал в нем того человека, что остановил их потасовку с Аджином в злополучный день приезда. Федя запомнил его фамилию — Лоуа.

Председатель ревкома поднял руку и, когда установилась относительная тишина, заговорил:

— Добрый день, земляки, товарищи! Сегодня мы собрались здесь во второй раз после того, как добились свободы и равенства для угнетенных на своей земле. Многие наши соотечественники, ваши сыновья и братья, отдали жизнь во имя этой свободы. В наших отрядах «Киараз» сражались, как горные барсы, лучшие джигиты — абхазцы. Но силы были неравны, мы были окружены бушующим морем контрреволюции. И тогда, отвечая на наш зов, через гранитные отроги Кавказа русский пролетариат протянул нам руку помощи. Одиннадцатая дивизия Красной Армии помогла красным партизанам смести с

нашей земли князей, дворян, буржуев и их приспешников — грузинских меньшевиков^[34]. Международный капитал потерпел еще одно поражение. Вот что значит пролетарская солидарность! Вот как поступают настоящие интернационалисты!

Председатель на секунду остановился: слишком много народу собралось на площади и ему до предела приходилось напрягать голос, чтобы быть услышанным в последних рядах.

— Товарищи! — продолжал Лоуа. — Вы знаете, в какое трудное время мы живем. На Южном побережье Черного моря ждет случая вторгнуться на нашу землю армия барона Врангеля; в горах рыщет недобитая банда генерала Фостикова. Нам приходится вести борьбу с контрреволюцией, со спекуляцией и саботажем. Разоренное хозяйство оставило нам сбежавшее за море меньшевистское правительство. И все же наши трудности не столь велики по сравнению с теми, которые сейчас переживает Россия. В довершение ко всем испытаниям на русский народ обрушилось новое несчастье — голод в Поволжье.

Лоуа продолжал говорить, но ему все больше мешал чей-то голос в толпе. Немалую часть собравшихся составляли люди европейского вида — это были чиновники бывшей волостной администрации, владельцы городских магазинов и лавчонок, обитатели монастырской гостиницы. Они стояли несколько особняком, к ним жалась толпа паломников. Среди нее выделялся высокий костистый старик со встрепанной бородой и возбужденно блестящими глазами. Он что-то говорил, обращаясь к окружающим, и вдруг, воспользовавшись паузой в речи председателя, вскочил на камень и выкрикнул в сторону трибуны:

— За грехи господь карает, за грехи! — Подняв посох и потрясая им, точно мечом, он продолжал выкрикивать с пророческим видом: — Гласит «Второзаконие»: «Поразит тебя господь чахлостью, горячкою, воспалением, засухою, палящим ветром!» Никакими людскими силами не остановить гнев господень. Покайтесь в своих грехах, плачьте и молитесь!

Он слез с камня и пропал из виду. Толпа паломников одобрительно гудела. Лоуа поднял руку.

— Молиться, говоришь, старик? В нашем народе тоже есть немало христиан, но даже они говорят так: сперва привяжи осла, а потом поручи его богу... Товарищи! — продолжал он. — Нет сомнения, что враги Советской власти, спекулируя на голоде и религии, попытаются раздуть кадило контрреволюционной пропаганды, свалить причины голода на большевиков. Кстати сказать, голод охватил районы, где еще недавно действовали белоказачьи, колчаковские банды. Уже сейчас в пострадавших районах хлеб готовят из лебеды с картофельной шелухой, из дубовой коры, из земли с подсолнечной кожурой. Вот что пишет газета «Известия». — Он раскрыл газету, которую до сих пор держал в руке: — «Матери голодающих детей являются в волисполком, заявляя, что дети по несколько дней не видят съестного, ввиду чего грызут себе ручонки, так что приходится их связывать». Рабоче-крестьянское правительство предпринимает героические усилия, чтобы обеспечить хлебом голодные районы. Товарищ Ленин обратился к международному пролетариату с призывом о помощи своим братьям по классу. Наш уездный ревком принял решение о выделении в пользу голодающих кукурузы и фруктов из своих скудных запасов. Для борьбы с голодом при ВЦИК^[35] создана Центральная комиссия помощи голодающим — ПОМГОЛ. С мандатом комиссии в наш уезд прибыл из Москвы товарищ Гольцов. Даю ему слово.

В толпе вытянули шеи, чтобы получше разглядеть незнакомого человека. Впрочем, вид у представителя ПОМГОЛа был на редкость будничным, особенно рядом с обладателями черкесок и кинжалов.

— Товарищи! — начал он. — Позвольте передать вам пламенный революционный привет от трудящихся России!

Одобрительный гул прокатился по рядам слушателей и замер возле толпы паломников.

— Комиссия помощи голодающим, от имени которой я обращаюсь к вам, развернула деятельность по всей стране. По ее призыву идет сбор пожертвований, организуются колонии-школы для размещения детей, вывезенных из голодных районов. На территории Поволжья создаются бесплатные столовые и больницы. Все мероприятия по борьбе с голодом проходят под лозунгом: «Десять сытых кормят одного голодного». Весь народ включился в борьбу с царем-голодом. Например, рабочие оружейного завода в Туле взяли обязательство прокормить за свой счет 1150 человек взрослых и оборудовали детский дом на 350 детей. Владимир Ильич Ленин отдал в фонд помощи свою единственную золотую вещь — медаль за отличное окончание гимназии; от неизвестного мальчика Коли поступила копилка с 12 рублями 85 копейками. Тысячи людей делают добровольные отчисления из жалований и пайков. Обращаюсь к вам, граждане свободной Абхазии! Щедрость и гостеприимство ваши славятся издавна. Знаю, что вам тоже нелегко, но все-таки призываю помочь братьям по классу...

Гольцова прервал голос из толпы:

— Почему не вывезти из Поволжья всех голодных? Где три человека за столом сидят, и четвертому место найдется.

— Отвечу. Во-первых, сделать это в короткий срок невозможно, с транспортом туго. Но главное — земли Поволжья останутся незасеянными. Ближайшая задача — вывезти детей, а население снабдить продовольствием и семенным зерном. Правительство Абхазии приняло решение организовать в республике колонию-школу на сто пятьдесят детей...

Федя глазами отыскал в толпе Василида. Тот слушал с недетским вниманием, брови его были нахмурены, губы сжаты.

— Неделю назад, — продолжал Гольцов, — мы с товарищем Лоуа побывали в здешнем монастыре. Оказалось, что половина монастырской гостиницы пустует. Ревком считает вправе временно занять половину здания для размещения детей из Поволжья...

Негодующий вой паломников заставил умолкнуть оратора. Возбуждение охватило всю толпу. На камень, вновь превращенный в трибуну, взобрался кто-то из паломников. Но и ему пришлось ждать, когда утихнет толпа.

— Братья во Христе! — закричал он, обводя широким жестом окружающих и словно призывая их в свидетели. — Да что ж это творится! Сто пятьдесят варнаков хотят вселить в святое место. Да какая уж тут иноческая жизнь! Конец благочестию! Православные, куда смотрите? Встаньте на защиту угнетаемой и оскорбляемой церкви, иначе погибнет вера!..

Ему не дали договорить. Общий негодующий вопль потряс площадь. В нем потонули отдельные крики, и невозможно было понять, кто выступает за и кто против оратора.

Из толпы абхазцев вскочил на камень кузнец Астан. Лицо его было багровым от ярости. Он долго размахивал зажатой в руке папахой, прежде чем привлек к себе внимание. Когда гомон смолк, Астан громко, как только мог, заговорил:

— Нечего из себя мучеников строить! Я сам верующий христианин и знаю ваши плутни. Да среди вас сейчас, — он сделал негодующий жест в сторону паломников, — добрая половина монахов переодетых, они и науськивают народ... А монастырь давно потрясти надо: монахам князья да дворяне надарили золота и серебра, добытого потом народным, так долго ли они, как кощеи, будут сидеть на своих сундуках, когда народ христианский голодает?

Он соскочил на землю под одобрительные крики толпы. Воспользовавшись паузой, снова заговорил Лоуа:

— Да, мы, конечно, понимаем, что соседство с колонией не по душе придется братии. Но соседство это временное, и другого выхода нет. Товарищи! — продолжал он. — Неизвестно, откликнутся ли святые отцы на призыв о помощи голодным, но уверен, что за вами дело не станет. С сегодняшнего дня в помещении ревкома начинает работать пункт

ПОМГОЛа по приему денег, ценностей и продуктов от населения. Сейчас этот пункт находится рядом с трибуной... Желает ли кто-нибудь выступить?

Из числа людей, стоявших на помосте, выступил согбенный старец в черкеске. Лоуа почтительно отступил, давая ему место. Старик передвигался с трудом, опираясь на алабашу, но, взявшись за перила, выпрямился и обвел собравшихся зорким взглядом.

— Слово к вам имеет наш земляк, старейший житель этих мест, уважаемый Дзапш-Ипа, — сказал Лоуа.

Но он мог бы и не говорить — этого человека знали все, от мала до велика на всем побережье. Старик обратился сначала к Лоуа:

— Председатель, я слышал, что люди в Поволжье уже умирают от голода. Правда ли это?

— Да, дадхейт^[36], — кивнул Лоуа, — такие случаи уже есть.

— Что же ты молчал об этом? — спросил старик. — Что же он молчал об этом? — повторил он вопрос, обращаясь уже к толпе. — Или боялся омрачить наши сердца? Напрасно. Пусть наши сердца еще сильнее отзовутся на чужое горе и ожесточатся против тех, кто останется равнодушным к нему. Земляки! — продолжал он. — Мы не можем обойтись словами сочувствия, ибо камень, катящийся с горы, не остановишь словом привета. Нужно доброе, щедрое сердце, нужны и добрые руки, которые соберут до последнего зерна урожай кукурузы и проса, соберут и высушат фрукты в наших садах и с окрестных гор, и тогда у нас будет чем помочь нашим страдающим братьям. Так случается, что бог дает хлеб одному, а аппетит другому. Раньше мы говорили: «Пошли бог такую беду соседу, а не нам». Отныне беда соседа — наша беда. Когда получаешь деньги за свой труд — вспомни о голодных; когда кормишь своих детей — не забывай обо всех детях! Я все сказал. Мир вам, земляки!

Площадь проводила его восторженными возгласами.

Митинг окончился. Народ начал расходиться, но часть людей уплотнилась возле помоста, где комиссия, выбранная из числа активистов, начала сбор пожертвований.

Федя схватил Аджина за руку и увлек туда, где маячила светлая голова Василида. Он сидел на краю помоста.

— Василид, здорово! — окликнул его Федя. — Ты как здесь оказался? Послушник испуганно вскинул глаза, но, узнав мальчиков, приободрился.

— Здравствуйте... Дело есть, вот и пришел.

— Пойдем с нами, — предложил Федя. Василид помедлил.

— Вот покончу с делом, а там видно будет.

Он слез с помоста и встал в очередь к столу ПОМГОЛа.

Мальчики стояли поодаль. Когда настала очередь послушника, они подошли ближе и увидели, как тот выложил на стол перед комиссией несколько денежных бумажек.

Аджин даже присвистнул: ни ему, ни Феде еще не доводилось держать в руках столько денег.

— От кого писать? — спросила девушка в красной косынке.

— От раба божьего Василида, — ответил мальчик и поспешно отошел.

Федя с любопытством смотрел на маленького послушника. Аджин остался верен себе.

— Где столько денег украл, дорогой?

— Не вору, отец игумен подарил.

— Ничего себе подарочек... — выдохнул Федя. Он машинально пошарил в пустых карманах.

Втроем они не спеша направились в город. Аджин развлекал нового приятеля разговорами; Федя шел опустив голову, о чем-то сосредоточенно думал. Затем стал многозначительно поглядывать на своих товарищей.

— Ты чего? — спросил наконец Аджин.

— Надумал кое-что... Давайте присядем.

После окончания митинга враз потянулись к небу пронизанные предзакатным солнцем дымы очагов. От ближнего дома нестерпимо вкусно пахло жареным луком. Мальчики проглотили слюну. Отвлекаясь от своих мыслей, Федя мечтательно сказал:

— В меня бы сейчас влезло ведро мамалыги...

Аджин вдруг овладел инициативой:

— Пойдем! — Он схватил за руки приятелей и потащил назад. Федя попытался остановиться.

— Куда ты?

— Идем, идем, дорогой... ужинать будем, там и скажешь, что придумал.

Ребята миновали окраину и вслед за Аджином начали подниматься по тропе, петлявшей среди кустов ежевики и смилакса. Тропой пользовались, как видно, не часто, но Аджин шел без остановок, уверенно поворачивая в нужных местах.

Спустя несколько минут маленькая компания оказалась на ровной площадке, окруженной деревьями лавровишни. По ее краю пробежал ручеек, в центре виднелись следы костра. Федя с Василидом переглянулись: местечко было замечательным.

У Аджина вид был таинственный и важный. Он распорядился:

— Ищите дрова, огонь разжигайте, а я скоро вернусь.

Костер уже пылал, когда Аджин появился из зарослей с охапкой кукурузных початков. Свалив их небрежно у костра, он вслед за этим опустошил свои карманы, и на земле выросла горка грецких орехов. Федя подозрительно оглядел это богатство, но Аджин, глаза которого светились плутовством, предупреждая вопросы, сообщил:

— Немного времени пройдет — жарить будем, ужинать будем. — Затем, обращаясь к Феде, великодушно разрешил: — Теперь скажи, дорогой, что придумал.

Сообщение, на взгляд Феде, было настолько значительным, что он поднялся с земли.

— Аджин и ты, Василид, слушайте! — Он выдержал паузу и оглядел приятелей. — Я предлагаю отыскать клад и пожертвовать его в пользу голодающих.

Аджин с Василидом уставились на Феде. Затем, почти одновременно, спросили:

— Где отыскать?

— На Святой горе, в крепости.

— Откуда знаешь, что он там есть? — спросил Василид.

— Его дед, — Федя указал на Аджина, — старый Алхас, об этом говорил — вот откуда. О том, что клад найден, никто не слышал. И некуда ему больше деваться, лежит в земле или в стене замурован и ждет счастливицков.

Он говорил с таким видом, будто стоит взяться за лопату, и копать золото, как картошку. Обращаясь к Василиду, он продолжал:

— Еще в тот раз, когда мы в крепости были, я говорил Аджину, что здесь клад должен быть. А его дедушка подтвердил — сто лет назад был спрятан правителем этих мест.

— Сто лет прошло, — с сомнением проговорил Василид, — и никто его не унес?

— А кому уносить? Сам князь при бегстве зарезан, а тех, кто прятать ему помогал, он прежде сам уничтожил...

Никогда еще Феде не приходилось произносить таких длинных и пылких речей. Он обрушил на головы приятелей множество историй, вычитанных из книг Стивенсона, Эдгара По, Марка Твена, Ирвинга, о пиратах, разбойниках и контрабандистах, о сокровищах и кладах. Были в его рассказах и сундуки со слитками золота, и шкатулки с драгоценностями, и пузатые бочонки с заморскими монетами, и пухлые мешочки с золотым песком. Много было сказано о счастливых обладателях этих сокровищ и о благодеяниях, совершенных ими.

Его волнение передалось друзьям. Очарованный, восхищенный послушник с жадностью ловил каждое слово. Аджин сверкал глазами и ерошил свою и без того косматую шевелюру, что служило у него признаком возбуждения. Впрочем, он не забывал и о деле. Когда костер прогорел, Аджин разгреб горячую золу и, уложив в нее кукурузные початки, засыпал сверху той же золой.

Федя, наконец, остановился и перевел дух. Потом спросил:

— Ну как, Аджин, пойдешь со мной в крепость?

Тот с готовностью вскочил:

— Джигит не спрашивает «куда», а спрашивает «когда»... Я и мешок для денег принесу.

— Ну вот и ладно! Только мешок рановато, лучше инструмент какой-нибудь захвати...

А ты, Василид?

Василид сник и подавленно молчал. Затем отрицательно покрутил головой.

— Неужели не хочешь клад найти?

— Как не хотеть... А только нельзя мне — устав не позволяет. Евлогий если узнает...

— Это кто такой?

— Казначей наш...

— Ты говорил, что только игумену подчиняешься...

— Так-то оно так, но казначей у нас какую-то непонятную власть имеет.

— Да плюнь ты на них, тайком приходи. Ведь сдохнуть можно от такой жизни!

— Где уж тайком. Да и грех это.

— Грех, грех... Сам подумай: клад найдем — несколько деревень голодных накормим! Сколько грехов с себя снимешь! Да тебя в святые произведут! — с жаром добавил Федя.

Послушник умоляюще взглянул на своего искусителя. Он еще боролся с собой. С одной стороны — жизнь тоскливая, но привычная и безгрешная; с другой — полная приключений и риска разоблачения. И если клад не будет найден, не миновать ему божьего отмщения: терзаний, пыток, казни огнем неугасимым... Смятение души отражалось в его страдальческом взгляде.

— Уж и не знаю как... Я подумаю, — сказал Василид.

— Думать некогда, решай, — отрезал Федя. — Может, завтра мы наткнемся на клад, а ты окажешься ни при чем. А грех, который лежит на монастыре за его жадность, падет и на тебя.

В наступившей тишине из монастыря донесся заунывный удар колокола, сзывавший братьев на вечернюю молитву. Его звук заставил вздрогнуть послушника и вместе с тем придал ему решимости. Он вдруг сказал:

— А все же, если клад найдем, про запас надо бы денег оставить: если кто заболит или в какую беду попадет — мы тут как тут, всегда помочь можем. — Он впервые робко улыбнулся.

— И то, правда! — отозвался Федя. — Это ты ловко придумал... Так как, согласен?

— Согласен, — сказал Василид и решительно кивнул.

— Вот и отлично! Завтра же начнем.

Все заговорили наперебой. Василид перестал стесняться новых друзей и вел себя с ними как равный. В оживленном разговоре едва не забыли про кукурузу. Спohватившись, Аджин разгреб золу: под ней лежали румяные огнедышащие початки. Кукуруза испеклась в самый раз, мальчишки перекидывали ее в ладонях и, как только позволял жар, вонзались зубами в молочную мякоть.

— Ешьте, как я, — сказал Аджин. Он разбил орех и отправил его в рот вслед за кукурузой. Друзья последовали совету. Василид заявил, что ничего вкуснее этого прежде не ел.

Солнце скрылось в водной пучине, но его лучи на вершине Святой горы еще долго не гасли, крепость горела точно слиток золота. Но вот и последний луч потух. Влажные ароматы поднялись с низин, первые звезды проступили на небе. Василид сонно прикрывал глаза. Аджин вдруг так зевнул, что щелкнули зубы.

В темноте с трудом выбрались на окраину городка. Перед тем как Василиду свернуть к монастырю, остановились.

— Давайте, — предложил Федя, — дадим клятву: держать в тайне то, что задумали.

— Нет, так не делают, — запротестовал Аджин.

— А как делают?

— Сегодня поздно, дорогой. Завтра покажу, как надо делать.

— Ладно. Только смотрите не проболтайте.

Условились встретиться возле моста через Монашку. Федя и Аджин попрощались с Василидом, вдвоем пошли дальше.

В городе царило оживление. Похрустывая песочком, на набережной прогуливались обитатели европейских кварталов; из открытых окон ресторанчика «Колхида» доносилась музыка струнного оркестра.

Попрощавшись с Аджином, Федя шел, преисполненный радостных надежд. Звезды, усыпавшие весь небосклон, казались ему тысячью светящихся серебряных монеток.

1921 год. Год больших перемен и начинаний в жизни маленькой Абхазии. Одним из новшеств был театр. Организованный первым абхазским просветителем Дмитрием Гулиа, он кочевал по республике на трех неуклюжих арбах. Они превращались в сценические подмостки там, где прежде и слыхом не слыхали о театре. И не беда, что занавес был залатан, что вместо живописного задника высились знакомые горы, что женские роли исполнялись мужчинами. Важно было то, что события, происходившие на сцене, заставляли сердца неискушенных зрителей биться чаще, звали к новой жизни.

В тот вечер театр давал представление в Новом Свете.

Скопище народа в столь поздний час не могло не привлечь внимание вездесущего Аджина. Выяснилось, что он пропустил большую часть представления. Но это не помешало ему, полегоньку раздвигая зачарованных зрителей, шаг за шагом приближаться к подмосткам. Оказавшись рядом, он стал следить за событиями и скоро разобрался, что к чему. Этому немало способствовало и поведение зрителей: действие они сопровождали цоканьем языков, негодующими или поощрительными возгласами. Один из актеров — княжеский ашнакма, льстивый и коварный — вызывал особенное негодование публики. Когда же этот негодяй стал клеветать на честного, благородного героя, Аджин не выдержал: с воинственным кличем он вскочил на сцену и бросился на ашнакму.

Свалка произошла изрядная: Аджин сбил злополучного актера с ног, а тот опрокинул стойку, подпиравшую княжеский шатер. Несколько человек, оказавшихся под упавшим пологом, барахтались в темноте под восторженные крики собравшихся.

Пока закрывали занавес и извлекали из кучи тел благородного мстителя, прошло немало времени...

Абхазцы не бьют детей. И все же проступок был столь значителен, что Аджин получил ощутительный толчок коленом пониже спины и вылетел по другую сторону подмостков. Размышляя о людской несправедливости, Аджин побрел домой.

Глава VIII, посвящённая пассажиру фелюги и пассажиру дилижанса

В нескольких километрах к западу от Нового Света высятся остатки огромной прямоугольной башни из окатанных валунов — часть большого укрепления, некогда охранявшего проход между крутым склоном горы и морем. За последние столетия море потеснило берег, и обезглавленная башня оказалась в воде, одинокая, заброшенная, исхлестанная ветром, омываемая штормовыми волнами. Башня и выступающие из воды остатки от нее развалины крепости образовали укромную бухту. Иногда рыбак, застигнутый непогодой, находит в ней приют. А еще бухта служит перевалочной базой для контрабандистов, но об этом мало кто знает.

В сумеречный час, предшествующий рассвету, в море недалеко от башни встала на якорь турецкая фелюга.

Через несколько минут от нее отделилась лодка. Гребец, стараясь не шуметь веслами, подогнал ее к подножию башни, и с кормы прыгнул на береговые камни высокий человек, а лодка, развернувшись в море, вскоре растаяла в тени фелюги. Спустя некоторое время и фелюга скрылась в предутреннем тумане.

Оставшийся на камнях человек, осторожно ступая, отыскал вход в башню, вошел в нее, зажег керосиновый фонарь и по полуразрушенным ступеням поднялся на второй этаж.

Здесь, выбрав место в углу, он улегся прямо на каменный пол, подложив под голову дорожный мешок.

Он спал чутко и недолго. Когда проснулся, в узкие амбразуры башни косыми лучами вливался утренний свет; переходя от одной амбразуры к другой, человек оглядел окрестности. Увидев на дороге группу людей, шедших в сторону города, он оживился.

Быстро спустившись к воде, он разделся и, держа одежду над головой, перешел вброд на берег. Здесь он умылся и проделал несколько гимнастических упражнений.

Приезжий был статен, высок ростом, и, если бы не густая длинная борода, ему можно было бы дать лет сорок. Когда он снова облачился в поношенный костюм, надел на плечи котомку и взял в руки посох, то стал похож на паломника.

Держа сапоги в руке, он вышел на дорогу и, присев, начал обуваться. Группа людей поравнялась с ним.

— Мир в дороге! — приветствовал он их.

— Спаси Христос! — ответил идущий впереди старик. — На богомолье? Идем с нами. Ночной пассажир легко встал и охотно зашагал с паломниками.

— Впервой, соколик, на Святую гору идешь? — спросила его шагавшая рядом старуха.

— Да, впервые.

— А я уж в который раз... Раньше сюда видимо-невидимо православных шло, а нынче не то — отходить стал народ от поры... Что лечить-то будешь?

— Зубы, — усмехнулся незнакомец. Но старуха приняла его ответ всерьез:

— Святой водой пополощешь да Варваре Великомученице помолишься — все и пройдет.

— А если малярия схватит, тогда как?

— От лихорадки Василий Новый помогает, от запоя — святой Вонифатий...

Не слушая старуху, незнакомец бросал взгляды по сторонам. Он узнавал пейзаж у дороги. Воспоминания были не из приятных: здесь он безуспешно пытался поднять свой батальон в контратаку. Красные не отпускали их, висели на хвосте, так что с английских крейсеров, поддерживавших отступающих, несколько снарядов попало в расположение его батальона.

Казалось, после горечи поражения, которую он познал тогда, не будет сил для дальнейшей борьбы. Но вот он опять в этих местах, и волнующее чувство опасности вновь будоражит душу. За этот дивный уголок земли проливали кровь финикийцы и египтяне, греки и римляне, воины Митридата и генуэзские наемники. Теперь и ему предстояло включиться в эту непрекращающуюся борьбу.

Дорога миновала небольшую седловину и вышла к первым домикам городка. Вдали, на склоне горы, уже виден был монастырь. Возбуждение овладевало незнакомцем, ему приходилось сдерживать шаг и горбиться, чтобы не выделяться из группы паломников.

Вышли на улицу, тянущуюся вдоль моря. Взгляд незнакомца упал на вывеску духана «Отдых под чинарой».

«Хорошо бы послушать, о чем говорят в городе, — подумал он. — В духан зайти, что ли? И позавтракать, кстати, не мешает». Но быть одному — значило привлечь к себе внимание.

— Отец, — обратился он к старику-попутчику, — давай зайдем перекусим.

— Не по карману мне деньгами сорить... Да и нехристи небось там одни сидят, — ответил старик.

— Сделай милость, составь компанию, я угощу. Здесь, говорят, кефаль отменная.

— Разве что и правда, рыбки отведать...

В духане за столом сидели охотник Тагуа, кузнец Астан и еще несколько горожан. Им прислуживал Аджин. Юсуф, кланяясь, сколько позволял ему шарообразный живот, проводил новых посетителей в угол и смахнул грязным полотенцем пыль со скамьи. Они заказали по порции жареной кефали.

Охотник продолжал рассказ, прерванный паломниками.

— Знаете Харихан? Ту, что в Эшерах живет?

— Знаем, знаем! — отозвалось несколько голосов.

— Так вот, работала она в саду и на тебе — откопала старинную золотую монету! Обрадовалась, сторговала на это золото у князя корову: детей у нее трое, молока не хватает. А тамошний священник прослышал о монете и уж тут как тут. «Пожертвуй, — говорит, — эти деньги на храм божий — зачтется во спасение души». И так умело обхаживал, что совсем было уговорил бедную вдову. Да тут, видно, сам бог ее вразумил. «Давай, — говорит она, — лучше сделаем так: я куплю у князя корову, а уж князь пусть пожертвует эти деньги на храм». Так и ушел поп ни с чем.

— Господи благослови и помилуй! — донеслось из угла, где сидели паломники.

Это восклицание потонуло во взрыве смеха, а Аджин заметил, что тот из паломников, что постарше, сидит, зло посверкивая глазами.

— Да, — отозвался кузнец, — попы уж если пронюхают, что у кого-то из прихожан завелись денежки, тянутся к ним, словно шакалы к курятнику. Здешние монахи тоже в этом деле не последние, даже за воду им плати...

— Боже, неужели нет святого места на грешной земле! — снова донеслось из угла.

— Ты что-то сказал, почтенный? — обернулся к паломнику Астан. Тот раздраженно ответил:

— Я пустился в дорогу, чтобы уйти от мирского безобразия, достиг святой земли, но и здесь слышу оскорбление господя!

— Успокойся, старик. Это дело хозяйское — иди куда вздумается. Но отцы наши и деды жили на этой земле и не подозревали, что она какая-то особенная. Жили себе, работали, детей растили. Наши священники и монахи такие же, как везде. И свет был бы слишком удобен для них, если бы мы позволили им окончательно сесть себе на шею. Может, мы и не очень усердные христиане и магометане, но зато с недавних пор живем в мире между собой: сидим вот за одним столом...

— То-то я и говорю, — прервал его старик, все больше распаляясь, — нехристи вы все! Сидите бражничаете, и нет среди вас твердых в вере христиан, чтобы обращать идолопоклонников в святую веру, а поганых магометан изгонять с этих святых берегов...

Настороженная тишина последовала за его словами.

Спутнику старика было явно не по себе, его лицо выражало беспокойство и досаду.

— Да, — нарушил молчание Тагуа. — Я христианин, и если верить тебе, старик, то лишь потолок отделяет меня сейчас от неба...

— Не богохульствуй! — закричал старик. — Не царствие небесное, а муки адовы уготованы тебе, грешнику!

— Да уж лучше в ад, чем с тобой. Ты-то небось в рай метишь?

Эти слова вызвали у присутствующих смех.

— Господи! — взмолился паломник. — Не отдай на посрамление раба твоего! Что за времена настали: власть в руках смутьянов, разбойников, церкви разрушителей!..

Его товарищ поднялся и, не говоря ни слова, покинул духан.

— Ну вот что, божий человек! — Тагуа ударил по столу ладонью. — Замолчи, или даже твои седины не спасут тебя. Иди своей дорогой, не порть нам застолья.

Голос его прозвучал так грозно, что богомолец поспешно засобиравшись, вышел и уже за дверью плюнул с ожесточением. Своего товарища он не нашел.

Отвязавшись от, не в меру, говорливого старика, пассажир фелюги почти бегом удалялся прочь от духана.

— Проклятый святоша! — бормотал он. — Не хватало из-за него в первый же день угодить чекистам в лапы...

А тем временем со стороны Сухум-Кале приближался к городу дилижанс — длинная телега на рессорах, с продольной скамьей, на которой под выгоревшим парусиновым тентом теснилось несколько человек.

Когда несмазанные колеса завизжали на спуске к городу, пассажир, сидевший последним в ряду, вдруг соскочил с дилижанса и бросился в заросли, начинавшиеся у дороги. Полусонный возница не сразу спохватился и не остановил лошадей, а из пассажиров никто и не подумал преследовать беглеца.

Между тем пассажир, так ловко избежавший платы за проезд, бегом петлял среди деревьев, пока не убедился, что погони за ним нет. Тогда он перешел на шаг и даже стал насвистывать, поигрывая тросточкой. Он был шупл и мал ростом, а по одежде больше всего напоминал мелкого коммерсанта, из тех, что заполнили в те времена приморские города. Он был одет в поношенные клетчатые брюки и темный пиджачок, под которым виднелась грязноватая сорочка с галстуком-бабочкой. Багаж состоял из одного узелка. Но вид у незнакомца был довольный. Он шел уверенно, словно вернулся в родные места.

Собственно, так оно и было. Два года назад он, Порфирий Смирягин, числился иноком Новосветского монастыря.

Однажды монастырский совет направил его с братом Акинфием в окрестные селения для сбора добротных подаяний на ремонт храма. В ночь, предшествовавшую возвращению в обитель, Порфирий сбежал, прихватив всю сумму пожертвований.

Два года скитаний не принесли ему удачи. Деньги разлетелись мгновенно; десятки перепробованных способов разбогатеть не только не оправдали себя, а привели его к полному краху. Сидя в тюрьме и пользуясь навязанным ему досугом, он стал вспоминать свою жизнь в обители и решил, что путь к его будущему благополучию лежит через нее.

Так беглый монах Порфирий Смирягин вернулся к родным местам.

Скорым шагом мнимый паломник направился к монастырю.

Перед входом в обитель он остановился и, сняв картуз, перекрестился на лик святого, выделанный в каменную кладку над воротами. Он ни в грош не ставил все эти святые места, но сейчас следовало играть свою роль до конца. Беспрепятственно миновав ворота, он обратился к первому встречному монаху:

— Святой брат, не скажешь ли, как повидать отца казначея?

Монах подозрительно оглядел паломника, — как видно, он не внушил ему особого почтения.

— Занят отец казначей... Может, обойдешься, кто саном пониже?

Мнимый паломник едва не влепил затрещину чернецу, но вовремя смирил себя.

— Нет, мне бы казначея... Лепту внести на обитель.

— Ладно, идем.

Они остановились у входа в канцелярию.

— Подожди здесь. — Монах указал паломнику на скамью. Но посетитель не обратил внимания на его слова, а стал читать надпись на мемориальной доске, где сообщалось о посещении обители царем и великими князьями, о проживании в ней наместника Кавказа, перечислялись фамилии крупнейших жертвователей на ее процветание.

«Да, — подумал паломник, — чего бы им и не гостить здесь — курорт хоть куда! Теперь и я авось поживу, отдохну малость. Только по части жертвований — дудки! Как бы самим не пришлось раскошелиться...»

На крыльце в сопровождении давешнего инока показалась высокая фигура монаха в клобуке, с нагрудным крестом.

«Ого! — подумал паломник. — Такому пристало бы больше гвардейский мундир носить».

Лицо у казначея — бледное, с правильными чертами, в обрамлении черной бороды — было бы красивым, если бы не неподвижные мутные глаза.

С высоты крыльца казначей оглядел посетителя.

— Спаси тебя бог... Что надобно? — без всякой приветливости спросил он.

— Хотел бы лепту внести во славу божью, а если позволите, то и пожить в обители, дабы отрешиться от мирского безобразия и обрести мир душе. Благословите, святой отец.

Казначей сошел с крыльца. Едва он приблизился, прибывший вполголоса произнес:

— «Горе смеющимся».

В глазах казначея мелькнуло что-то живое.

— Спаси тебя господь и пресвятая богородица! Спасибо за даяние, зачтется во спасение души! — Он перекрестил паломника и тихо добавил: — «Блаженны плачущие». — Вслед за этим он обернулся к иноку, стоявшему на крыльце:

— Брат Акиндин, вызови гостиника.

Монах скрылся.

— Ваше благородие, господин полковник, — возбужденно заговорил казначей. Но тот прервал его:

— Забудьте об этом, святой отец, для всех я — екатеринославский мещанин Алексей Михайлович Нежинцев, так и в документах у меня значится.

— Виноват, Алексей Михайлович. Давно вас ждем. Да будет благословен господь, подвигнувший вас пуститься в столь рискованный путь. Здесь вы в безопасности. Комната готова, гостиник вас проводит, на него можете положиться — наш человек. Я немного погодя зайду узнать, как устроились...

Комната мало походила на монастырское помещение: деревянная кровать, ковер на полу, дорогая люстра — все как в первой-классной гостинице. Лишь аналой в углу да две-три иконы над ним напоминали, что полковник находится в святой обители.

Монах-гостиник повел рукой:

— Располагайтесь! Если что понадобится, вызывайте звонком. — С этими словами он попятился и вышел.

Нежинцев прошел к окну. Оно было затенено подступавшими к зданию кипарисами. За ними пролегалась дорога, еще дальше раскинулось монастырское кладбище.

«Невеселое соседство, — подумал Нежинцев. — А впрочем, хорошо — безлюдно, тихо».

Он глянул из окна вниз. Высоковато, но в случае необходимости прыгнуть можно.

Итак, он здесь. Что сулит ему завтрашний день? Но что бы ни случилось, все лучше, чем сидеть в том пекле, откуда он вырвался и где изнывал до вчерашнего дня от нудной штабной работы. Мысли его перенеслись за море, в Турцию.

За день до отплытия его вызвал Врангель.

Когда Нежинцев вошел в кабинет, командующий стоял у окна. За окном расстилался унылый галиполийский ландшафт с пыльным плацем, где маршировали отупевшие от зноя солдаты. Врангель был приветлив.

— Присаживайтесь, полковник. Я вызвал вас не для обсуждения вашей миссии: и вы и я с ней хорошо знакомы. Просто хотелось сказать несколько напутственных слов. Итак, пришло время учиться конспирации у товарищей большевиков. Вам это предстоит одному из первых. Будьте осторожны в стане наших врагов. Осмотритесь, войдите в жизнь обители и города...

Продолжая говорить, Врангель прохаживался по кабинету. Несмотря на жару, он был одет в длинную белую черкеску и высоченную барашковую папаху; на животе висел кинжал. «Что за маскарад?» — с раздражением подумал Нежинцев.

— Ваше превосходительство, — спросил он, — не скажете ли, чем объясняется неудача десанта у Приморско-Ахтарской? Думаю, мне было бы полезно знать причину.

От Нежинцева не укрылось, как при этих словах Врангель передернул плечами. Но ответил он спокойно, сдержанно:

— Высадка десанта — ошибка. В тех местах еще было свежо воспоминание о нашем поражении, и приморское казачество не поддержало нас. Других причин нет. Теперь же обстоятельства благоприятствуют нам: голод в Поволжье и разруха всколыхнут недовольство Советами. Кавказское дворянство, хлебнувшее «сладкой жизни» при большевиках, примкнет к нам без колебаний. Возможная высадка десанта в Абхазии имеет и другие преимущества — с севера через горы Красной Армии не пройти, а узкие

проходы на побережье можно успешно оборонять в период собирания сил для последующего наступления на соседние области. Вы понимаете, насколько ответственна ваша роль в моих планах?

— Да, конечно, господин командующий.

— Помните, голод — наш ближайший союзник. На этом можно успешно строить агитацию против Советов.

Врангель сделал паузу.

— Теперь я вам дам личное задание. По некоторым сведениям, монастырь, где предполагается ваша резиденция, обладает большими ценностями. Вы знаете, как нуждается в деньгах моя армия, попытайтесь заставить обитель раскошелиться. В конце концов, дело, за которое мы проливаем кровь, принесет избавление от власти безбожников. Напомните святым отцам, как щедры были к ним во все времена русская монархия и русское дворянство...

Воспоминания были прерваны деликатным стуком в дверь.

— Войдите! — крикнул Нежинцев.

Вошел отец казначей, а следом за ним монах, прислуживающий в номерах. Он поставил на стол поднос, накрытый белой салфеткой, и тут же вышел. Евлогий стоял у дверей.

— Хорошо ли устроились, Алексей Михайлович? — спросил он.

— Отлично, даже не ожидал.

— Слава богу! Отдохнете или побеседуем?

— Не стоит откладывать, ибо сказано: что замыслил делать — делай тотчас.

Присаживайтесь.

Казначей снял салфетку с подноса:

— Не желаете ли подкрепиться с дороги?

На подносе стоял кувшин с восковой водой, икра, закуска из рыбы, фрукты.

— Охотно, если разделите со мной трапезу.

— Вкушайте во здравие! И я, пожалуй, присоединюсь. Знаете ли, в хлопотах иной раз и поесть недосуг... Ну, во славу божью! — Евлогий перекрестился. Нежинцеву пришлось последовать его примеру. — Да будет ваш приезд залогом успеха в нашем общем деле!

Они принялись за яства.

— Как дела обительские? — спросил Нежинцев.

— Да что там! Сил нет жить под пятой вероотступников. Скажите лучше, можно ли ждать перемен?

— Перемены, несомненно, будут. Но преуспеем мы или падем в борьбе — во многом зависит от вас.

— Что ж, мы готовы принять крест борьбы и страдания за церковь. Ведь сказал господь: «Изгоним лисиц и волков из виноградников наших». Будем и помогать, и благословлять ваше святое воинство.

— Что ж, командующий на вас очень надеется. Теперь скажите: у вас есть связь с отрядами Фостикова?

— Есть, Алексей Михайлович. Способ связи — древний как мир и очень надежный, а в случае нужды и верхового пошлем.

— А что за способ?

— Вечером вместе с нашим человеком на колокольню поднимитесь, сами увидите.

Будем извещать их о вашем прибытии.

— Кажется, я догадываюсь. А на месте какими силами можно располагать?

— Большинство князей и дворян с джигитами готовы хоть сейчас подняться, жаждут сразиться с Советами.

— Дворяне и князья — понятно. Но откуда джигиты?

— Видите ли, у абхазцев есть обычай, называется — аталычество. По этому обычаю дворянин, а случается и князь, берет на воспитание мальчика из бедной семьи. Это как бы

роднит бедняка со знатным человеком, и он невольно становится пособником своего покровителя. Ну, а кроме того, около богатого человека всегда крутятся бездельники, они за кого хочешь воевать будут, только плати.

— Н-да, — усмехнулся Нежинцев. — Что еще сообщить можете?

— Красных в городе немного осталось. Позднее я вам дам точные сведения о всех войсковых частях на побережье. Есть, правда, еще вооруженные крестьяне из бывших партизанских отрядов «Киараз», но немалое время нужно ревкому, чтобы их собрать. Места сборов мои люди знают точно.

— Я вижу, вы не теряли времени даром. С первой же оказией сообщу о вашем рвении барону Врангелю...

Он замолчал. Теперь предстоял нелегкий разговор, и Нежинцев не знал, как к нему приступить.

— Джигиты и дворянское ополчение — это хорошо, — сказал он после паузы, — но вооружение у них допотопное, шашками да кинжалами много не сделаешь. Есть возможность закупить в Турции современное английское оружие. Да и вообще, деньги, деньги... Ох, как нужны!

Казначей ответил не спеша, явно подбирая слова:

— Разве вам не известно, Алексей Михайлович, что в монастырском подвале есть склад оружия? Рискуя головой, мы сумели скрыть его от властей. У дворян тоже припрятано немало...

— Повторяю, святой отец: есть возможность приобрести настоящее современное оружие, от него, в большой степени, зависит успех дела. — Нежинцев решил идти напрямик: — По имеющимся у меня сведениям, обитель владеет немалыми ценностями.

Казначей уже понял, к чему клонит полковник.

— Кое-что есть, — заговорил он, откашливаясь, — но боюсь, что сведения ваши преувеличены.

«Ага, попался, старая лиса! — мысленно воскликнул Нежинцев. — Есть-таки золото!»

— Кроме того, — продолжал казначей, — наш игумен занял какую-то странную позицию по отношению к новой власти...

— Не хотите ли сказать, что большевикам сочувствует?

— Боюсь, что именно так. В свое время не пожелал вступить в «Союз Михаила архангела»^[37] и вообще... О складе оружия он не знает, но что касается денег, то наверняка заупрямится.

— Может, мне попытаться образумить его?

— Ни в коем случае! О вашем пребывании в обители ему не должно быть известно. Я обещаю подумать о вашей просьбе...

Его прервал стук в дверь.

— Кто там? — крикнул казначей. Из-за двери донесся детский голос:

— Отец Евлогий, вас к себе владыко требует.

— Видали — «требует»! А каково мне с ним разговоры разговаривать. Надо идти... Я пришлю уставщика, дабы он ознакомил вас с уставом и порядком служб. Посещайте иногда храм, пройдитесь по святым местам, чтобы не выделяться среди прихожан. Да пребудет с вами господь! — Он склонил голову и удалился.

После ночевки на голых камнях было приятно растянуться на хрустящем крахмальном белье. Засыпая, Нежинцев удовлетворенно подумал: «А золото из вас, святые отцы, я вытрясу. Даю в том свое дворянское слово».

Глава IX, в которой рассказывается не столько о поисках клада, сколько о кладоискателях

Первым пришел Федя. Чтобы приблизить долгожданный момент, в минувшую ночь он рано улегся спать, но воображение долго не давало ему уснуть и так же рано подняло с постели. Крепость на горе румянилась в первых лучах солнца.

Федя быстро справился с завтраком. Узнав, что к обеду он не вернется, хозяйка завязала ему в тряпку кукурузную лепешку и кусок сыра. Прихватив узелок и приготовленную с вечера лопату, Федя выбежал на улицу.

Следом за ним к месту встречи явился запыхавшийся Василид. И ростом и сложением он уступал каждому из друзей, и лом, который он тащил на плече, успел порядком измотать его. Ряса тоже не способствовала быстрой ходьбе.

— Самовольно ушел? — спросил Федя.

— Нет, отпросился у игумена святой воли испить и в часовне помолиться.

— А если бог покарает за вранье?..

— За что же карать? Я и вправду зайду туда помолиться, — серьезно ответил послушник.

В духане Аджину полагался свободный день, поэтому он выспался вволю и пришел с опозданием. Его сопровождал Худыш. Из инструментов Аджин принес лишь цалду — абхазский топорик для расчистки зарослей, похожий на томагавк.

Поход на Святую гору начался.

Больше всех радовался Василид: неожиданная свобода, новые друзья — это ли не счастье! Федя отнял у него лом и дал нести лопату. Шли, весело переговариваясь. Где-то на полпути Аджин сказал:

— Теперь идите за мной, — и свернул на едва заметную тропинку.

— С какой стати? — удивился Федя. Направление тропинки не совпадало с их маршрутом.

— Ты сам говорил, — что нужно клятву дать, — напомнил Аджин.

Переглянувшись, Федя с Василидом двинулись за ним. Тропинка часто петляла, огибая склон горы. Древесная сень над головами стала еще плотнее, здесь уже царили вечные сумерки. Но вот впереди посветлело. Аджин остановился и заставил ребят сложить вещи под деревом. Затем прошли еще несколько шагов. Здесь, на поляне, в окружении букового леса, высились три столетних платана. Между ними поднималась каменная глыба.

Федя спросил:

— Что это?

— Сейчас узнаешь.

Аджин вытащил из кармана цветную тряпочку.

— У вас есть что-нибудь?

Федя достал перочинный ножик — подарок отца. Аджин с сожалением осмотрел его:

— Нет... жалко.

Порывшись еще, Федя извлек кусок бечевки.

— Хайт, годится, — сказал Аджин.

У Василида карманы были пусты.

— Тогда найди что-нибудь, — сказал Аджин.

Василид пошарил взглядом и поднял с земли черный, с золотыми крапинками камешек. Аджин критически оглядел его:

— Подойдет.

Ребята подошли к каменной глыбе, на верху ее было углубление. Аджин и вслед за ним оба приятеля опустили в него свои вещицы. Там уже скопилось много подобных безделушек. Впрочем, попадались вещи и посolidнее: старые ножны от кинжала, кусок ремня с металлической пряжкой, почерневшая курительная трубка.

Аджин отвел ребят шагов на пять и поставил лицом к глыбе. Затем обошел все три дерева и сорвал с каждого по веточке; две вручил приятелям, одну оставил себе. Они, как и Аджин, держали веточки у груди. Аджин встал рядом.

— Теперь повторяйте за мной, — сказал он. — Я, сын трудового народа...

— Я, сын трудового народа, — повторили ребята.

— ...вступая в «Киараз», буду верой и правдой служить делу революции, — продолжал Аджин, и ребята повторяли за ним. — Не пожалею крови и жизни в защиту рабочих и крестьян, буду биться с врагами революции — дворянами и князьями до последней капли крови своей, о чем я торжественно заявил Ажире^[38] и народу, и пусть карают меня народ и Ажира, если я отступлюсь. Аджин помолчал, потом добавил:

— Пусть о наших замыслах никто не узнает: ни человек, ни зверь, ни птица. Клянусь, что буду хранить тайну.

Ребята и эти слова повторили вслед за ним.

— Все, — сказал Аджин и с довольным видом оглядел приятелей. — Теперь вам понятно?

Они кивнули, хотя поняли далеко не всё. Что такое «Киараз», Федя слышал от отца. Он объяснил Василиду, что так назывались партизанские отряды, помогавшие Красной Армии установить Советскую власть в Абхазии. Муж Тинат погиб в одном из таких отрядов. Но что такое «Ажира»? Это слово он слышал впервые и спросил о нем Аджина.

— Это что-то такое... — Аджин пошевелил в воздухе пальцами, — как дым...

— А ты видел этот дым?

— Нет, другие видели.

— Не хочешь ли ты сказать, что партизаны, вступившие в «Киараз», тоже здесь клялись?

— Конечно! Откуда же я клятву запомнил!

— И большевики тоже?

— И большевики, и главные командиры «Киараза» — все здесь клялись. Никто еще клятву не нарушил, если ее Ажире давал. Иначе плохо будет, — внушительно изрек Аджин.

Федя промолчал.

«Вряд ли, — подумал он, — коммунисты верили в этот обряд, но так уж, видно, повелось в народе, что иначе нельзя было. Все в этом крае необычно, и надо перестать удивляться».

Приятели подобрали свои вещи и вернулись на дорогу. Остаток пути прошел незаметно в разговорах.

В крепости Василид был впервые. Он слышал от братии, что это место пребывает во власти колдовских сил, и, оглядывая мрачные руины, подумал, что для нечистой силы место действительно подходит.

Присели на камнях в тени.

— Где будем копать? — спросил Аджин.

Федя уже не чувствовал в душе прежней уверенности.

— Как сами думаете, где бы правитель мог хранить сокровища? — спросил он в свою очередь.

— Под подушкой? — предположил Аджин. Василид хихикнул.

— Ну, уж ты скажешь... — Федя постарался придать своему голосу внушительность. — Не под подушкой, но где-то рядом со своей спальней, чтобы было всегда под рукой.

Аджину было все равно, лишь бы скорее приступить к делу.

— Тогда осмотрим крепость, — предложил Федя, — угадаем, какое из помещений служило спальней правителю.

Приятели углубились в развалины. Шли порознь, перекликаясь, неожиданно встречались в каком-нибудь помещении и снова расходились. Василид старался быть поближе к Феде.

Крепость поднималась уступами, повторяя неровности вершины. Помещения соединялись между собой узкими лестницами и тесными переходами. Стены, не говоря уже о потолках и сводах, во многих местах обрушились. Попробуй-ка разобраться, для чего предназначалось то или иное помещение.

Все же, благодаря Фединым познаниям, остановились на одном из них. В углу этой комнаты был сравнительно хорошо сохранившийся камин, а у одной из стен вытянулось каменное возвышение, на котором, как можно было предположить, когда-то стояла кровать. В стене над возвышением виднелись два углубления — возможно, прежде там крепился балдахин. В другой стене находилась ниша с конусообразным сводом. Часть свода обрушилась, и ниша была завалена строительным камнем и мусором.

— Видали? — таинственно понизив голос, сказал Федя. — Не иначе, эту нишу завешивал ковер, а вниз шел потайной ход.

Решено было расчищать завал.

Обязанности распределили так: Федя, как самый сильный, должен был работать ломом и отваливать камни. Аджин — грузить камни на приспособленную для этой цели высохшую коровью шкуру и волочить ее к выходу. Отсюда Василид катил их метра три по узкому проходу и сталкивал на лестницу.

— Ну, приступим! — Федя взялся за лом.

— С богом! — тихонько вымолвил Василид и перекрестился.

— Пусть нам добра не видать, если через час дело не сделаем! — воскликнул Аджин. Первые ходки он проделал с гиканьем и посвистами, однако спустя полчаса примолк. Скоро всем стало ясно, как тяжела и неблагодарна эта работа. Ворочать ломом казалось легко только в первые минуты. Многие камни были спаяны между собой раствором, волочить эти глыбы целиком было бы ни Аджину, ни тем более Василиду не под силу. Поэтому Феде приходилось разбивать их. Мышцы от тяжести лома все больше немели, а на ладонях появились волдыри. Но, преодолевая себя, он продолжал работать: остановившись на минуту, и остальным нечего будет делать.

Федя только мотал головой, когда пот заливал глаза. К своему удивлению, он обнаружил, что работа не мешала ему думать об Асиде. Он поймал себя на мысли, что не прочь ради нее прославиться. В самом деле, неплохо бы, например, овладев сокровищами, проехать мимо ее дома на белом коне в богатом одеянии и блеске оружия. Или на глазах всего народа — и конечно, в присутствии Асиды — высыпать на стол комиссии ПОМГОЛа гору драгоценностей, а ей на шею повесить сверкающее ожерелье.

Двум другим кладоискателям тоже приходилось несладко. Феде было жаль Василида — при его-то комплекции ворочать такие камни! Но работал он без жалоб, с достойной кротостью. В своей рясе он обливался потом.

— Да скинь ты эту хламиду! — советовал ему Федя.

— Нельзя — грех...

Все же спустя некоторое время послушник сдался. Вначале заправил полы рясы под брючный ремень, а затем и вовсе снял ее. Теперь он остался в брюках и нательной рубашке. Его приятели давно уже трудились голыми до пояса.

У Аджина работа была не столь тяжелой, но от нее скоро заболела спина. Он вкатывал камни на шкуру, не разгибаясь, пятился, волоча шкуру к выходу. Все чаще он с завистью поглядывал на Василида — с каким грохотом сталкиваемые им камни катились по лестнице! Аджину казалось — камни можно таскать в руках и с еще большим эффектом сбрасывать вниз.

— Слушай, друг! — обратился он, наконец, к послушнику. — У меня руки сильные, давай буду камни таскать.

У Василида были все основания удивиться. Он в свою очередь считал работу Аджина легче. Они поменялись местами. Но и такое разделение труда продолжалось недолго. Тяжесть камней оказалась непомерной для Аджина, а катать их по полу, как это делал Василид, — значило признать свою слабость. Теперь он приглядывался к Феде.

— Слушай, душа моей души, — сказал он. — Я этой штукой, — он указал на лом, — всю жизнь работал. Давай поменяемся?

Федя с Василидом рассмеялись. Аджин насупился:

— Почему смеешься, дорогой? Вот увидишь, как работать буду... Ах ты, сын злого духа! Стой! — крикнул он вдруг.

Восклицание относилось к Худышу. Выждав момент, когда ребята отвлеклись, пеструба ухватил узелок с едой и, крадучись по-кошачьи, направился к выходу. В этот момент его и увидел хозяин. Услышав крик, Худыш бросил ношу и с воем кинулся к выходу.

— Ладно, кончай работу, обедать пора! — скомандовал Федя.

Возражений не последовало, хотя для обеда было, пожалуй, рановато. Уж очень все утомились.

Отдыхать устроились на возвышении. На тряпице разложили съестное. Больше всех, как и следовало ожидать, принес Василид. Монастырский повар снабдил его пирогами с гречневой кашей, жареной рыбой и чурекком. В соединении с сыром и кукурузными лепешками, принесенными Федей и Аджином, обед получился вполне приличный. Федя стал громко звать собаку. Худыш, как видно, не ушел далеко, скоро его виноватая морда показалась в дверном проеме. Несмотря на ласковые увещевания ребят, он не скоро осмелился войти. Однако запах пищи победил. Понурый, с хвостом, зажатом между ног, он, наконец, приблизился. Друзья великодушно простили его и выделили долю съестного. Худыш расправился с ней в несколько секунд. Пообедав, ребята растянулись на прохладных камнях.

— Эх, скоро в школу придется ходить! — вздохнул Федя. — Не хочется.

— Не хочешь — не ходи. Читать, писать умеешь, чего еще... — отозвался Аджин.

— Школу откроют, и ты пойдешь.

— Мне зачем? Ты меня читать и писать научи.

— Как будто, кроме этого, учиться нечему...

— А чему еще? — серьезно спросил Аджин.

— Ну мало ли... Вот, например, закон Ньютона. По-твоему, если яблоко с ветки сорвется, то почему оно не вверх, а вниз полетит?

— Ты смеешься, дорогой? Куда же ему полететь? Неужели на небо?

— Понимаешь, — начал Федя, — Ньютон открыл закон земного притяжения. По этому закону все предметы, в том числе и мы с тобой, притягиваемся к земле...

— Ты, наверное, что-то путаешь, — перебил Аджин со снисходительной улыбкой. — Я еще вот таким был, — он показал на полметра от земли, — а уже знал, что никуда не полечу. При чем тут твой Ньютон?

Федя был сбит с толку. Видимо, нужно найти какой-то другой пример.

— Ну ладно, — сказал он, подумав. — А как, по-вашему, образовались Кавказские горы?

К этому разговору он решил подключить и послушника:

— Давай, Василид, как ты думаешь?

Василид, не ожидавший вопроса, несколько смутился, но, помолчав, начал бойко:

— Бог есть создатель солнца и огня, земли и неба и всех видимых и невидимых тварей. Земля была создана им на третий день... А потом ему, наверно, показалось скучно, что везде все ровное, и он сделал в одном месте горы, в другом — холмы, а где-то равнины оставил... Вот как это было, — закончил он, довольный, что справился со столь длинной речью.

— Да-а, — протянул неопределенно Федя. — А теперь ты расскажи, Аджин, как думаешь на этот счет.

— Я, конечно, сам не видел, — начал тот, — но наши старики рассказывают, что дело было так. Когда все еще было ровное, как у вас в России, жил здесь один крестьянин. Звали его Коблук. Он был хорошим хозяином — сажал кукурузу, охотился на коз, растил детей. И вот повадился ходить к нему аджныш, по вашему — черт. То очаг ему водой зальет, то мамалыгу съест, то камнем снаружи дверь припрет... Коблук долго терпел его шуточки, потом разозлился и сделал так: пошел будто бы на охоту, а сам вернулся

потихоньку домой, взял щипцы и положил в огонь. Немного времени прошло — аджныш идет. Коблух встал за дверью и приготовился. Только черт голову в дверь просунул, Коблух хватя его раскаленными щипцами за нос! Что тут было! Аджныш так начал от боли хвостом по земле колотить, что вместо ровного места и получились вот такие горы.

Аджин замолчал, вполне удовлетворенный своим рассказом. Феде нужно было сделать усилие, чтобы не расхохотаться.

— А теперь расскажу я, — начал он, — как объясняет происхождение гор наука. Он взял в руки камень, присмотренный заранее.

— Видите, в камне ракушка сидит? А можно найти даже такой, где рыба отпечаталась. Это означает, что на этом месте когда-то было море. Ракушки, дохлые рыбы и всякие другие предметы осаживались на дне моря. А реки приносили туда же ил, песок. Так что на дне скопилось несколько верст этих осадков. Вы про землетрясения слышали? — спросил он друзей.

— Хайт, слышал! — отозвался Аджин. Василид тоже кивнул.

— Так вот, — продолжал Федя, — те же силы, которые устраивают землетрясения, сжали землю. — Федя показал руками, как это было, — и дно моря вздыбилось как гора. А уж затем море отступило, реки прорезали в горах ущелья; ветры, дожди свое дело сделали, и горы стали такими, как сейчас. Но тянулось это тысячи, даже миллионы лет. Ну как, понятно?

Василид кивнул, но в глазах его было сомнение.

— Может быть, — пожал плечами Аджин.

Федя расстроился. Ему стало ясно, почему его объяснение не устраивало приятелей: их рассказы были куда занятнее. Впрочем, он утешил себя мыслью, что и ему будет о чем порассказать. Начитанность тоже кое-что значит. Битвы, дуэли, ужасы заточения, жуткие обычаи, невероятные обряды — от этих историй у его друзей волосы дыбом встанут. А пока он недовольно продолжал:

— Все равно учиться надо, столько узнаете, что самим будет интересно. Рано или поздно никому школы не миновать. Отец говорил, что взрослые и те будут учиться читать и писать.

Аджин возразил:

— Хайт цараби! Извини, что перебею твои золотые слова, но сам подумай: я учиться буду, сестра будет, а кто работать, кто нас кормить будет? Одна мать, да?

— Что-нибудь придумают, — без особой уверенности сказал Федя. — Вот с кормежкой станет легче, тогда и найдут выход, чтобы всех выучить. Зато выучитесь, так ты, например, инженером станешь, а Асида — врачом.

Аджин снова возразил:

— У нас говорят: «Сын кошки — мышку ловит». Разве так бывает: отец у меня — крестьянин, а я инженером буду?

— Не хочешь инженером стать, сельскому хозяйству учись.

— А это зачем?

— С помощью науки ты, к примеру, можешь в три раза больше кукурузы вырастить на своем участке.

Все помолчали и тихонько вздохнули. Заманчиво и в то же время туманно рисовалось каждому будущее.

— Хватит прохлаждаться, за работу! — скомандовал Федя. По желанию Аджина лом был вручен ему; Федя взялся за шкуру. Аджин старался на совесть, но через полчаса стало ясно, что работа ему не под силу. Наступил момент, когда он, вконец обессиленный, ргнулся по-абхазски и бросил лом.

— Ну как, хороша работка? — осведомился Федя.

— Чтоб ей добра не видеть!

— То-то... Отдохни немного, а потом работай, меняясь с Василидом.

Через некоторое время труды кладоискателей были в какой-то мере вознаграждены. В правой части ниши из-под груды обломков показалось отверстие. Чтобы определить, ведет ли оно вниз, надо было до конца очистить пол.

Солнце прошло уже больше половины пути, зной проник в помещение, и все обливались потом.

— Слушай, — не выдержав, обратился к Феде Аджин, — когда твой клад будет?

— Я не колдун, чтобы все наперед знать. Возможно, что вначале даже не сокровища найдем, а документы, в которых указано, где они хранятся. Так тоже бывало.

— Э-э, — разочарованно протянул Аджин, — ты же говорил...

— Вот тебе и «э»! Работай знай. Кто шагает, пройдет дорогу, — так ведь у вас говорят?

Аджин что-то буркнул в ответ по-абхазски. Они продолжали работать. За это время никто не обратил внимания на то, что Худыш куда-то исчез. И когда снаружи вдруг послышался его лай, мальчики были удивлены. Аджин, радуясь возможности отвлечься от работы, выбежал из помещения. Вернулся он через несколько минут вместе с собакой.

— Никого нет. — Он пожал плечами, отвечая на вопросительные взгляды приятелей. Но Худыш не сразу успокоился: часто поглядывал в сторону выхода и недовольно ворчал. Шерсть у него на загривке дыбилась от возбуждения.

— Может, кто из паломников забрел? — предположил Федя. — Надо быть настороже. Не хватает, чтобы вместо нас другие до клада докопались.

Работали уже из последних сил. Но вот, наконец, радостное восклицание Феде заставило приятелей подбежать к нему. Из-под расчищенного завала в боковой части ниши показалась ступенька лестницы. Глубоко ли шла лестница, можно было только гадать — весь проход был завален. Но Федя был рад и этому: подземелье хранило тайну, и шансы на успех пока не уменьшились. На сегодня со спокойной совестью можно было закончить работу.

Послушнику еще предстояло помолиться в часовне и выпить святой воды. Приятели подождали его на дороге, ведущей к водоему. Василид появился минут через двадцать, довольный, с просветленным лицом.

— Вот и слава богу! — сказал он. — Братья меня видели, если кто в обители спросит, подтвердят, что я там был.

Хорошо было идти под гору, чувствуя, как отходят натруженные руки. Все были веселы, довольны собой и друг другом.

Федю давно уже подмывало втянуть послушника в спор о религии. Считая, что для этого наступил благоприятный момент, он начал так:

— Вот ты веришь в бога, а я нет. А попы небось хотят, чтобы все верили. Говорят, раньше сколько чудес на свете было — и Христос из мертвых воскресал, и ангелы с небес слетали... Почему бы богу и сейчас какое-нибудь чудо не сотворить?

Василид чуть помедлил, потом в свою очередь спросил:

— А если чудо и вправду будет? Ну, спустится сейчас с неба ангел на лебединых крыльях — ты станешь после этого верить?

— Поверил бы... куда ж тут денешься!

— Вот видишь, если чудо случится, то всякий дурак поверит. А ты так поверь, без чуда.

Ответ был неожиданным и обезоруживающим. Федя молчал — второй раз его сегодня загоняли в тупик.

— То-то вот! — со вздохом добавил Василид. Подавляя досаду, Федя задал новый вопрос:

— Тогда вот что скажи. Возьмем, к примеру, революционера. Он всю жизнь за бедных борется, в тюрьме, на каторге за это мучается, а сам — неверующий. А какой-нибудь купец всю жизнь людей обкрадывает, по кабакам гуляет, грешит одним словом, а настанет пора умирать — он церковь на свои денежки построит. Так кто же, по-твоему, из них в рай попадет: купец или революционер? Ну-ка, ответ попробуй!

На этот раз был озадачен Василид. Он закусил губу и, видимо, мучительно искал ответ.
— Надо будет отца Георгия спросить. Знаю только, что для богатых труден путь в царство небесное.

Удовлетворившись этой маленькой победой, Федя предпочел перейти к другим темам, не оставляя, впрочем, мысли при каждом удобном случае сеять семена неверия в душе послушника.

До монастыря было ближе всего, и первым от компании отделился Василид, затем Федя расстался с Аджином.

Федя шел и думал о своих новых друзьях.

Аджин — смуглый, лохматый, подвижный, веселый, дурашливый. Недаром аджныш — слово, созвучное с Аджином, — означает «черт». По всему видать — плут изрядный, с таким не соскучишься.

Василид — маленький, хрупкий, с лицом ангелочка. Голубые его глаза на бледном лице смотрят с неизменно кротким, ласковым выражением. Даже когда он улыбается, на лице его больше грусти, чем радости.

Вечером, когда они с отцом ложились спать, Федя вспомнил о своем разговоре с послушником.

— Папа, я тут с одним монашком познакомился. Так вот, мы с ним о религии заспорили. Уж чего, казалось бы, проще: ведь нет бога. А я его не смог убедить.

Отец усмехнулся:

— Мало каши, видно, ел. Еще удивительно, что он тебя в свою веру не обратил.

— Чего не хватало!

— Я серьезно говорю. Попадись ты в лапы к хорошему проповеднику, он тебя живо окрутит. Много ли ты знаешь, чтобы с ним спор выдержать?

Федя вспомнил, как он оконфузился сегодня, и промолчал.

— Об религию не одна коса ступилась, — продолжал Иван Егорович, — борьба с ней идет уже много веков, и умы побольше, чем наши с тобой, на этом головы сложили. Наскоком тут не возьмешь. Агитация нужна каждодневная, серьезная, научная... А еще важно вовремя помочь человеку в беде, чтобы он не в бога, а в людское добро верил. Вот избавим людей от голода, болезней, несправедливостей, — тогда и с религией бороться легче станет.

— Я об этом и сам думал, — сказал Федя. — Вот, к примеру, у нас на горе источник есть, так монахи воду из него святой объявили. Знаешь, сколько там увечных и больных собирается — ужас просто! А была бы возможность вылечить вовремя этих людей — им бы и святая вода не понадобилась. Ведь правда?

— Еще бы!..

И разговор затянулся надолго.

Глава X, рассказывающая о том, как протекала болезнь кладоискательства, а так же о событиях, её сопровождавших

Раскопки продолжались. Это был труд, от которого в конце дня горели ладони и ныла спина.

К счастью или несчастью, интервалы между днями работы были довольно продолжительными — то Василид не мог вырваться из обители, то Аджина не отпускал из духана хозяин. И вот пришел день, когда выдалась возможность поработать втроем.

С вечера была назначена встреча у мостика, но Федя решил зайти за Аджином, чтобы, если повезет, увидеть Асиду.

Их двор был безлюден, и Федя направился к дому. На полдороге он остановился — за стеной плетеного сарая кто-то доил буйволицу. Сердце у него екнуло от радостного предчувствия. Он заглянул в сарай. Его радость сменилась не меньшим изумлением. Аджин, этот сорванец и насмешник, сидел под необъятным животом буйволицы и доил ее. Федя поздоровался и ждал, как его друг будет смущен тем, что его застали за делом, столь недостойным мужчины. Однако, на лице Аджина не появилось и тени смущения.

— Здравствуй, дорогой, подожди немного, — ответил он и преспокойно продолжал свое занятие. А оно — можно было не сомневаться — было привычным: долбленный из тыквы подойник быстро наполнялся.

Вздумай Федя доить корову у себя на родине... Да от мальчишек проходу не будет — засмеют! Мог ли Федя думать, что вскоре краснеть придется ему.

Покончив с делом, Аджин гулко шлепнул буйволицу по брюху и направился в кухню, унося подойник. Федя оглядывался вокруг, но ни Асиды, ни Харихан не было видно.

— А где ваши женщины? — спросил он вернувшегося Аджина.

— На базар пошли.

Друзья вышли из калитки и направились к месту встречи.

— Как Асида поживает? — снова, как можно равнодушнее, спросил Федя.

— Ничего живет: очаг топит, обед готовит, буйволов пасет. Что еще хочешь знать, дорогой?

В голосе Аджина прозвучало нечто, заставившее Федю насторожиться. Он покосился на друга.

— Ты чего?

— Ничего, — отозвался Аджин, ухмыляясь.

— Ты что-то подумал? — краснея, спросил Федя.

— Чего думать, дорогой? И так все ясно...

— Вот еще... Что ясно?

— Я тебе друг или не друг? Почему сам не говоришь, зачем в кошки-мышки играешь?

— А ты откуда знаешь? — Федины щеки уже полыхали.

— «Откуда, откуда»... — передразнил Аджин. — Около дома все ходишь — вот откуда; на черта стал похож — вот откуда; немного сумасшедшим стал — вот откуда.

— И она все знает? — с убитым видом спросил Федя.

— Я знаю, Худыш знает, а она неужели не знает?

«Хорошенькое дело», — подумал Федя. Он хотел бы провалиться сквозь землю. Они подошли к мостику.

— Что дальше будешь делать, дорогой? — спросил Аджин, глядя на друга веселыми, навывкате глазами.

— Нечего мне делать, — буркнул Федя.

— А я думал, ты джигит, — сказал Аджин.

— При чем тут джигит?

— Могу сказать, если ты не знаешь, что должен делать джигит, когда ему понравилась девушка. Он должен взять черную бурку, горячего коня, а потом дожидаться темной ночи...

Федя ошалело вскинул глаза:

— Чтоб тебя! Ты что, и вправду меня за сумасшедшего считаешь — украсть советуешь?

— «Украсть, украсть»... — передразнил Аджин. — «Умыкнуть» это называется. Джигит сам берет, что ему нужно. Трусливая гиена ты или горный барс? Зачем ждать? Твое время настало.

— Ухацхы^[39]! Я помогу, душа моей души!

Ероша косматые волосы, он вопрошающе посмотрел на друга. Федя не мог прийти в себя от столь ошеломительного предложения. Вдруг он спохватился:

— Да как можно — ведь у нее жених есть!

— Что-о?! — Изумиться настала очередь Аджина. — Кто тебе сказал?

— У нее было люлечное обручение, она сама мне призналась.

Аджин расхохотался:

— Я ей покажу обручение! Она кому хочешь голову заморочит. У нас и люльку давно выбросили.

Федя боялся верить.

— Так ты считаешь... — нерешительно начал Федя. Дальнейшие события развивались как-то независимо от его воли.

— Так, — думал вслух Аджин, — бурка деда Алхаса совсем износилась...

— А для чего бурка? — вставил вопрос Федя.

— Во что заворачивать будешь невесту? Хайт цараби! Возьмем у Тагуа. Коня нет, и взять негде. Украсть, что ли?

— Ты спятил, опять украсть?

— Ладно, обойдемся ишаком Юсуфа. А где будет ваша амхара^[40]?

— Я подумаю, — ответил Федя.

— Да будет в прошлом твоя печаль, дорогой! — заключил Аджин и подмигнул другу. На дороге показался Василид.

Находясь под впечатлением своего замысла, друзья не обратили внимания на то, что послушник запоздал порядочно и вид у него был невеселый.

Подъем на гору стал привычным, и ребята скоро достигли крепости. Все было так, как они оставили в последний раз: лестница очищена от завала метра на три вниз, спрятанный инструмент — на месте. По всем признакам вход в подземелье был близок. Но и трудов прибавилось: работать в узком проходе стало неудобно; высвобожденные камни приходилось таскать вверх по лестнице.

Федя трудился не жалея сил, но на душе час от часу становилось хуже. Что делать, если клад не окажется там, где они ищут? С самого начала он втайне понимал, что с таким же успехом можно рыться в любом уголке крепости. Но в то время главным было увлечь друзей. А что сказать им сейчас?

Василид тоже был удручен.

Что касается Аджина, то он пребывал в отличном настроении.

К обеду наработались до изнеможения. Поели всухомятку и, как обычно в это время, устроились на отдых. В мыслях об Асиде Федя почти не спал минувшей ночью и теперь сам не заметил, как задремал.

Василид сидел пригорюнившись, оперев локти в колени и положив подбородок на сжатые кулачки.

Аджин тем временем повел себя странно. Тихо ступая, он направился к выходу, там обернулся и, приложив палец к губам, поманил за собой Василида.

Покосившись на спящего Федю, тот последовал за Аджином.

— Куда это ты?

— Идем, дорогой, — громко шептал Аджин. — Я, конечно, в кладах не очень понимаю, но думаю, нашел кое-что.

Они остановились среди развалин.

— Стой здесь и смотри, — сказал Аджин. Сам он подошел к стене и с немалым усилием извлек из нее камень.

У Василида рот открылся от удивления — в стене был тайник.

Насладившись произведенным эффектом, Аджин начал извлекать содержимое тайника: толстую папку с бумагами, тетрадь в кожаном переплете, карандаш, несколько свечей и коробок со спичками, узелок с сухарями и сушеными фруктами. Еще была какая-то жидкость в большой бутылки — густая, маслянистая.

— А где же золото? — спросил Василид.

— Не спеши, друг, все будет. Садись. — Аджин был преисполнен важности. — Золото здесь, — заявил он, многозначительно похлопав по тетради. — Федя сам говорил, если найдем документы, там будет сказано, где золото искать. Вот я нашел!

— Давай Федю позовем! — горячо воскликнул Василид.

— Э-э, дорогой, зачем Федя? Мы сами разве дураки? А то он думает, что один все знает. — Мысль утереть Феде нос, как видно, очень прельщала Аджина. — Сначала все узнаем, потом позовем, — решил он.

— Зачем же ты меня позвал?

— Неужели не понимаешь? — с некоторым раздражением воскликнул Аджин.

— Ах, да! — Василид совсем забыл, что все написанное для друга было темным лесом. — Давай посмотрю.

Василид раскрыл тетрадь; сбоку учащенно дышал Аджин.

— Что же ты? — нетерпеливо сказал он.

— Ничего не пойму... не по-нашему написано.

В тетради были заполнены лишь три страницы. Слева помещались какие-то непонятные знаки: крестики, нолики, треугольники; справа, напротив каждого знака, шел текст, но буквы были незнакомые. Нет, хоть убей, он не мог ничего понять.

— А ты не умеешь, что ли, не по-нашему?

— Откуда я знаю, по-каковски это... Давай другие бумаги посмотрим.

Аджин с готовностью открыл папку. Она была набита пожелтевшими бумагами, отпечатанными на мимеографе^[41].

— Вот это другое дело! — воскликнул Василид.

— Читай, читай! — торопил Аджин.

Василид взял первый лист:

— «Приказ от 21 мая 1909 года, — начал он. — В районе Гагринской климатической станции, в особенности около гостиниц, развелось слишком много кошек. Предписывается владельцам кошек надевать на них ошейники. Кошки без ошейников будут уничтожаться...» — Василид остановился и с озадаченным видом посмотрел на Аджина.

— Может быть, ты не так читаешь, дорогой? — спросил Аджин.

— А как еще читать, по-твоему?

— Ладно, в другом месте читай, где про золото. Василид взял из папки другой лист:

— «а) Исключаются из списка два осла за № 8 и 11, из которых один пропал, а другой издох от объедения, забравшись ночью в гостиничную кухню.

б) Штрафуется официант Никита Ладный за дерзкий ответ дворянину Нашакадзе.

в) Производятся из телят в коровы за достижением надлежащего возраста № 6 и 10, о чем объявляется по управлению поселка...»

— Вот тебе и клад! — Василид рассмеялся.

— Еще где-нибудь почитай, — неуверенно попросил Аджин.

— Читай не читай — одни глупости. Ну и умора! «Производятся из телят в коровы»... Федя узнает — обхохочется.

— О чем я узнаю? — спросил Федя, появляясь из-за стены.

— Аджин говорит, что в этих бумагах про клад написано.

— Где нашли?

— Да вот... — буркнул Аджин, кивая на открытый тайник.

Федя поспешил туда, осмотрел углубление в стене, потом присоединился к друзьям.

— Ишь ты! Кто нашел?

— Он и нашел, — сообщил Василид.

— Как же это, когда?

Аджин с неохотой отозвался:

— Худыш нюхал, нашел, потом мне показал.

— И молчал до сих пор. Хорош гусь!

Аджин сплюнул с досадой:

— Хотел этот... как его... подарок сделать.

— Сюрприз, ты хочешь сказать? — вежливо осведомился Федя. Аджин молчал, глядя в сторону.

— Ну ладно, что там написано?

— Глупости одни, — отмахнулся Василид. Федя бегло ознакомился с содержимым папки.

— И верно, чепуха какая-то.

Но тетрадью он заинтересовался.

— Жаль, не по-русски написано. Что же делать?

Василид вдруг оживился:

— Постой-ка! У отца Георгия книги вроде бы такими же буквами написаны, поллатыни. Давай я ему покажу тетрадку!

Федя подумал немного:

— Нет, не годится. А вдруг тут важное что-нибудь кроется, незачем ему знать. Сделаем так: спишем три слова, ты дай ему перевести, а там видно будет. Только не говори, откуда взял.

Так и порешили, благо карандаш и бумага были под рукой. На обрывке листа Федя печатными буквами тщательно скопировал первые попавшиеся слова и вручил бумагу Василиду.

— Кого сюда, кроме нас, леший носит? — раздумчиво произнес Федя.

— Не поминай нечистого, — тихо попросил Василид.

За разговорами как-то забыли, что у тайника есть хозяин. Все разом опасно оглянулись по сторонам. Но Федю просьба послушника раззадорила.

— Может, это Рыжий монах? Выгляни он сейчас вон из-за той стены, я бы не удивился.

— Проглоти язык! — буркнул Аджин.

— Царица небесная! Страсти какие! — зашептал испуганно Василид. — Не говори так, беду накличешь.

— Уж и пошутить нельзя. Если что кому непонятно, так сразу Рыжий монах мерещится. Ты его видел? — спросил он, толкнув локтем Аджина.

— Я не видел, люди видели. Один раз он вон там сидел, — Аджин указал на склон соседней горы, — и на город смотрел. А ночью после этого такой холод был — хайт цараби! — все цветочки на деревьях замерзли. Фруктов в том году совсем не было. А Накопи-Смил как-то гнал домой буйволицу. Его на дороге встретил. Думает — быть беде. Встал утром — нет буйволицы.

— Подумаешь! Всё случайности, совпадения.

Как бы то ни было, тайник оставлял обширное поле для догадок. Посоветовавшись, решили пока все уложить на место.

Заложив тайник, вернулись к своим раскопкам.

После часа работы Федя вдруг почувствовал, что камни завала готовы прийти в движение. Охваченный волнением, он остановился. Клад ли, не клад, но оказаться в подземелье, где уже сотни лет не ступала нога человека!

— Аджин, Василид! — позвал он. — Спускайтесь сюда. Василид, свечи захвати: кажется, докопались.

Через минуту все трое стояли перед остатками завала. Федя примерился и, размахнувшись ломом, ударил по одному из камней. После третьего удара камень выскочил из гнезда, соседние камни начали оползать, и, наконец, вся стена обрушилась, открыв зияющий неровный проход.

С минуту, пока оседала пыль, мальчики вглядывались в глубину подземелья. Но на лестнице было сумрачно, а дальше и вовсе темно. Оттуда тянуло сыроватым прохладным воздухом.

Держа над головой горящий свечной огарок, Федя первый двинулся вниз. Миновав последние ступени, оказались в подвале. Василид зажег свечу и укрепил ее на выступе стены.

Аджин разочарованно свистнул.

Вдоль неоштукатуренных, почерневших стен просторного подвала валялись лишь кучи хлама, среди которого можно было разобрать треногую скамью, деревянную ступку с пестом, тоже деревянным, дырявый чугунный котел, глиняный кувшин, заткнутый деревянной пробкой.

Заглянув во все углы и не найдя ничего интересного, друзья собрались возле кувшина.

— Может, в нем и есть золото? — спросил Василид. Федя благоразумно промолчал, а Аджин отозвался:

— В нем золота не больше, чем в моем кармане.

Федя с трудом наклонил кувшин. Ничего похожего на звон не донеслось из его глубины.

Аджин взял камень и несколькими ударами расшатал пробку. Василид поднес к отверстию свечу. На две трети кувшин заполняла густая тягучая масса золотистого цвета. Аджин сунул в нее палец, потом лизнул его.

— Мед! — сообщил он.

Но Феде было сейчас не до меда.

В стене, противоположной от лестницы, начинался узкий, как щель, проход, но уже в метре от начала он был завален обрушившимся сводом. Федя приглядывался к нему.

Мальчики присели кто где. Да, ничто не вознаградило их за труды: о кладе они знали сегодня не больше, чем в тот день, когда приступили к раскопкам. Неловкое молчание затягивалось.

Федя поймал на себе сочувственный взгляд Василида и спросил с неестественным воодушевлением:

— Ну, когда дальше будем копать?

Аджин, растянувшийся в блаженной позе на куче тряпья, взглянул на Федю снисходительно, как на больного.

— Что-нибудь другое спроси, душа моей души. Я не дурак, чтобы еще из-за одного кувшина столько времени тратить.

Но у Феде еще теплилась надежда. Он указал на заваленный проход:

— А вдруг каких-нибудь, два метра и отделяют нас от настоящего клада. Как ты думаешь, Василид?

Послушник смутился — очень не хотелось огорчать друга.

— Сейчас нет времени работать: отцу Георгию нездоровится, нельзя его оставлять.

— Не огорчайся, дорогой, — снова заговорил Аджин. — Ты же не колдун, чтобы найти то, чего нет.

Федя закусил губу.

— Ну, домой пойдем, — сказал, поднимаясь, Аджин. — За золотом после с ишаком придем.

В молчании они подобрали инструменты, загасили свечи и поднялись наверх. Федя шел последним.

За то время, что они провели в подземелье, вокруг все изменилось. Горы затянуло зловещей сизой мглой. В небе время от времени погромыхивало. С севера тянуло холодным ветерком.

— Дождь будет, — сообщил Василид, — надо поторапливаться.

Аджин, усмехнувшись, отозвался:

— Сейчас такое, дорогой, будет, что никуда торопиться не надо.

Словно в подтверждение его слов, на мгновение тусклый зеленоватый свет озарил все вокруг и страшный удар грома, обрушившийся с небес, заставил ребят пригнуться.

— Господи, Илья Пророк! — вскрикнул Василид. Он упал на колени. Федя с Аджином втянули головы в плечи.

Налетел холодный ветер. Он хлестнул по деревьям и, сорвав с них последние листья, засвистел среди ветвей. Тучи, одна чернее другой, бурлили в небе и почти касались вершины Святой горы. Мрак сгустился еще больше, его то и дело прорезали вспышки, вслед за ними оглушительно взрывался гром. На глазах у мальчиков молния ударила в склон соседней горы, и стоявшее на нем одинокое дерево разом вспыхнуло.

Еще минуту спустя полил дождь. Его потоки все уплотнялись и наконец слились в сплошную стену от земли до неба. Мальчики стояли под каменным навесом, но ветер,

метавшийся среди развалин, то и дело швырял в них щедрые брызги. Рясу послушника вздувало выше головы.

— Бежим в подвал! — вскричал Аджин. — Даром мы, что ли, его откопали! — Он бросился к лестнице, за ним Федя и Василид.

В подвале теперь было куда теплее и тише, чем наверху.

— Здесь нас никакой Афы^[42] не достанет, — сказал Аджин. Друзья сняли верхнюю одежду и развесили ее по стенам сушить. Возбуждение, вызванное неистовой бурей, подняло у всех настроение. Снова засветили оставленную свечу.

— Давайте мед есть! — воскликнул Аджин. Не дожидаясь согласия ребят, он бросился вверх по лестнице и, спустя немного, принес в котелке дождевой воды и очищенную от коры палку. Палку он разломил на три части и две протянул друзьям.

— Это вам вместо ложек.

Сам он опустил палку в кувшин и накрутил на нее густую тягучую массу.

— Отравишься еще... — предупредил Федя, — ведь сколько лет стоит.

Аджин отмахнулся. Он откусил с палки мед и отхлебнул воды из котелка.

— Хорошо! — поцокав языком, сообщил он.

Федя и Василид, хоть и с опаской, последовали его примеру, а попробовав, уже не могли оторваться.

— Ешьте! — подбадривал Аджин, — здесь на неделю хватит.

— Тепло-то какое от меда в животе, — улыбаясь, сказал Василид. Федю еще не оставляли сомнения.

— Странно: с чего бы это хозяева столько меда бросили?

— Дураки были, — снисходительно отозвался Аджин. Предположение Василида было рассудительнее:

— Вход камнями завалило, вот и остался кувшин меда несъеденным.

Пиршество друзей продолжалось. Блаженная теплота разливалась по их телам.

Вдруг они поняли, что страшно симпатичны друг другу. Василид то и дело беспричинно смеялся и был разговорчив, как никогда. У Феде отлегло от сердца, улетучились переживания, связанные с Асидой; Аджин был горд тем, что сумел ублажить друзей. Разговор стал оживленным. Говорили все сразу, почти не слушая друг друга.

— Пойду еще воды принесу, — сказал Аджин и вскочил на ноги. Но его качнуло так, что он сел, где стоял, и превесело рассмеялся. Глядя на него, расхохотались и Федя с Василидом.

— Сиди уж, — сказал Федя.

Они не замечали, как замедлились движения их рук, а языки отказывались служить. Они потешались друг над другом, когда кто-нибудь не мог выговорить слово. У Василида перед глазами разливался радужный свет, в котором вспыхивали лучистые звездочки. И когда блаженство в душе достигло предела, он ощутил на лице легкие дуновения: то, мягко трепеща крыльями, слетали к нему с небес херувимы. Он что-то пролепетал, свесил голову на грудь и замер.

— Смотри-ка, спит, — сказал Федя и хотел указать на послушника, но рука ему не повиновалась. В смехе он запрокинул голову и откинулся к стене, да так и забылся в этой позе. Во сне он увидел плывущий по морю корабль. Низкий, но с одинаково высоко поднятыми над водой носом и кормой, под треугольным оранжевым парусом, корабль рассекал отливающие изумрудом волны. Под парусом стоял он, Федя, в медном шлеме, похожем на те, что носят пожарные, в малиновом плаще, с коротким мечом у бедра. Он вглядывался в приближающийся берег, туда, где за пенистой кромкой прибоя начинался узнаваемый и в то же время непривычный пейзаж. Знакомыми были изгиб бухты, силуэт Святой горы, бегущая к морю Монашка. Но ни города, ни монастыря, ни людей не было и в помине. Он будет первым, кто взойдет на этот берег Колхиды и где-то там, среди гор, отыщет сверкающее крутыми завитками Золотое руно^[43].

Аджин не сразу заметил, что слова его остаются без ответа. Тараща глаза, он, наконец, разглядел, что друзья его крепко спят.

— Хайт цараби! А еще называют себя мужчинами! — проговорил он коснеющим языком. Он решил во что бы то ни стало разбудить Федю, но встать не смог и подполз к нему на четвереньках. Тут силы оставили его, и он уснул, привалившись к Фединым коленям. Сказочный конь Араш понес его над горами, легко касаясь копытами вершин. Вместо залатанного бешмета на Аджине была малиновая черкеска с серебряными газырями, за плечами развевались хвосты дорогого башлыка.

И все было как на ладони. Новый Свет — белокаменный монастырь, здание ревкома у берега, базарная площадь. Люди ходят по базару, по улицам, не подозревая, что он, Аджин, пролетает над ними. «Смотрите, смотрите, это я!» — кричит им Аджин. Но губы едва шевелятся, и никто не слышит его. Все спят.

Минуты шли за минутами, часы за часами. Свеча сгорела, почадила и погасла. Буря за стенами крепости начала стихать; громохание и шум дождя ушли на юг. Тьма непогоды сменилась темнотой сумерек; на вымытом грозой небосклоне ярко засветились звезды. Их свету вторили огоньки в городе и монастыре.

На западной части вершины, на подворье у святого источника, тоже было тихо. Большая часть паломников спустилась в город, унося с собой надежды на счастье и исцеление. Дежурившие у святой воды монахи заперли на замок дверь колодца и удалились в часовню, унося дневную выручку.

Час-другой тишина ничем не нарушалась. Но вот скрип двери в часовне возвестил, что кто-то еще бодрствует. От пристройки позади часовни отделилась черная, как тень, фигура. Человек пересек подворье и неслышно направился в сторону крепости.

Федя первым пришел в себя. Он открыл глаза, но ничего не увидел, словно на глазах лежала черная повязка.

С трудом он припомнил события, предшествовавшие сну. Что-то давило на его колени. Он нащупал голову и плечи, понял, что это Аджин. Федя потряс его. Но Аджин не сразу пришел в себя. К счастью, уцелел огарок, зажгли его и при свете разбудили Василида, блаженно улыбавшегося во сне.

Пробуждение от грез было тягостным. Лица были пасмурные, онемевшие руки и ноги плохо повиновались. Сколько прошло времени — они не знали. Ясно было только, что ночь наступила. Василид готов был расплакаться.

— Что я в обители-то скажу? — горестно повторял он. Аджин угрюмо молчал. У Феде тоже кошки скребли на душе.

— Ты что голову морочил — разве это мед? — хмуро спросил он Аджина.

— Мед, — упрямылся Аджин. — Только я не знал, что сумасшедший мед.

— Какой-какой?

Теперь ему ответил Василид:

— Мне наш пасечник, брат Варсонофий тоже рассказывал, что такой мед бывает. Когда пчелы живут близко от зарослей самшита или азалии, их мед одурманивает.

— Вот оно что... — пробормотал Федя.

Гусяком поднялись наверх. Здесь напились дождевой воды, вдохнули свежего воздуха — стало полегче.

Стараясь не оступиться в темноте, пошли к выходу из крепости. Развалины высились черными зловещими зубьями. Не дай бог в такую пору оказаться здесь одному.

Чем дальше удалялись от места раскопок, тем светлее становилось. Но свет был какой-то странный...

Аджин оказался на несколько шагов впереди. Он вдруг замер на месте, потом попятился.

— Там... там... — проговорил он перехваченным голосом, указывая вперед трясущейся рукой.

Страх его передался друзьям.

Федя обошел Аджина и выглянул из-за стены.

Да, было отчего испугаться. Площадка — та, что граничила с пропастью, — была озарена пламенем. Три конуса огня полыхали вовсю, посылая в небо тысячи искр. А перед кострами двигалась черная фигура монаха. Тень ее, увеличенная и втроекратно умноженная, уродливо металась по стенам развалин.

Василид тоже выглянул было из-за стены, но тотчас же спрятался, зубы у него стучали. Страх понемногу оставлял Федю, сменяясь любопытством. Он слышал, что здесь можно встретить всякую чертовщину, но человек у огня был вполне реален. Федя повернулся к друзьям:

— Кто это?..

— «Кто-кто»... — хриплым шепотом передразнил Аджин. — Борода-то какая?

Рыжая...

Федя снова выглянул. Черт ее знает, рыжая она или нет. Со стороны огня вся фигура казалась рыжей.

Монах между тем делал что-то странное. В его руках оказался ковш с длинной ручкой. Перебегая от одного огня к другому, он надевал этот ковш на пламя, и оно на несколько мгновений опадало, почти гасло. Временами монах отступал за развалины. Тогда и тени исчезали. Но он снова выбегал и, взмахивая широкими рукавами рясы, продолжал свою непонятную работу.

— Что это он делает? — снова спросил Федя.

— Неужели непонятно? Сначала бурю наколдовал, а теперь ему еще что-то надо, — отозвался Василид.

Его и Аджина по-прежнему била дрожь.

— Да уймись вы, наконец! Монах как монах, только делает что-то непонятное... Может, подойдем?

— Господь с тобой! Погубить нас хочешь? Он колдовство напустит или в пропасть скинет.

Аджин согласно кивал Василиду.

Упоминание о пропасти охладило Федю, он вспомнил, что и днем-то возле ее края стоять жутко.

Все прекратилось неожиданно. Переходя от одного огня к другому, монах плотно накрыл их ковшом, и пламя погасло. Тьма после этого стала кромешной.

Свыкаясь с темнотой и прислушиваясь, мальчики несколько минут переждали. Затем покрались обходным путем.

Казалось, обратной дороге не будет конца. Шли, то и дело спотыкаясь, царапая лица о ветки.

Василид замирал от страха при мысли, что ждет его в обители. Не дай бог, пошли на розыски! Федя с Аджином, не сговариваясь, проводили его. Остановились в тени деревьев неподалеку от входа в обитель. В окошке вратаря теплился свет. По сторонам от ворот, в тени монастырских стен, спали паломники.

— Ладно, бодрись, — сказал Федя. Он потрепал Василида по плечу.

— Если обижают будут, нам скажи, — добавил Аджин, хотя было неясно, чем друзья в этом случае могут помочь послушнику.

Василид перекрестился и, подойдя к окошку вратаря, робко постучал. Дверь сторожки распахнулась, и послушник скрылся в темном проеме.

Федя с Аджином постояли с минуту и, не услышав больше ничего, направились по дороге в город.

Глава XI, в которой незримо присутствует Рыжий монах, а Тагуа принимает гостей

Прошла неделя после злополучного дня окончания раскопок. Это время из-за непогоды Федя и носа не мог показать из дома. Шли непрерывные дожди. Туманы подступили к побережью, и море уже в сотне метров от берега сливалось с небом; редкие суда,

подходившие к пристани, возникали внезапно, точно призраки. А бывало и так. Выйдет Федя днем на галерею — светло, а кругом ничего не видно: ни гор, ни домов, ни людей, — он один в этом бесплотном пустынном мире. Его душевное состояние было под стать погоде.

Аджин не появлялся. Федя тоже не пытался увидеть его — не было надежды убедить друга продолжать раскопки. Впрочем, мысли о кладе все чаще вытеснялись размышлениями по поводу таинственных событий в крепости. Тайник, огни, монахи, колдовавший над ними, — все это, как казалось Феде, звенья одной цепи. Федя чувствовал, что прикоснулся к куда более удивительной тайне, чем основанная лишь на легенде тайна клада.

Он был далек от мысли объяснить все эти непонятные явления действиями легендарного Рыжего монаха и, подобно друзьям, увязывать это с колдовством.

Рыжий монах не выходил у него из головы. А когда наступала ночь, Рыжий монах снился ему на тысячу ладов. Он гонялся за Федей по крепости; рукава его рясы метались среди развалин, точно крылья черной птицы. В конце концов, он загонял Федю в кольцо из горящих костров, выход из которого был лишь один — в пропасть. Он просыпался с колотящимся сердцем. Но и бодрствуя в безмолвной тишине ночи, не мог думать ни о чем другом, как о Рыжем монахе, о тайнике, о спичках в этом тайнике, о каком-то осле, подошедшем от объедения в гостиничной кухне, о тетради с записями на незнакомом языке...

В первый же погожий день Федя отправился к Василиду. Они договорились, что будут приходить оба ежедневно к монастырской стене между одиннадцатью и двенадцатью часами.

К приходу Феде Василид уже сидел на стене.

— Узнал про те слова? — сразу же спросил Федя.

— Узнал, да что толку... — Василид достал из-под рясы клочок бумаги. — По-латыни написано, как я и думал.

Под словами, выписанными из тетради, рукой настоятеля было выведено: «обитель... дозором... приемлет...». Федя на минуту задумался, потом вздохнул:

— Да, не много же мы узнали. Вот если бы всю тетрадку перевести... Спрашивал игумен, откуда ты слова взял?

— Спрашивал.

— А ты что ответил?

— Сказал, что бумагу на Святой горе нашел, просто на земле валялась.

— Правильно ответил. Надо будет в крепость подняться, еще несколько слов переписать, а потом еще. Тогда и узнаем, что все это значит.

— Не так-то это просто — перевести.

— Почему?

— Неужто сам не понимаешь: отец Георгий допытываться начнет. До каких же пор мне изворачиваться? Его сейчас грех обманывать, он и так болен, а тут еще наши попы на него ополчились. Их целая шайка во главе с Евлогием-казначеем. А с ним лучше не связываться — злой и жадный, как сам сатана.

— Ты мог бы этого и не говорить: давно известно, что все монахи злые и жадные.

— Неправда! — горячо возразил Василид. — Среди монахов есть очень хорошие люди. Того же отца Георгия возьми: сколько страждущих он утешил, скольким бедным помог!

— Если он такой добрый, — перебил Федя, — почему голодающим отказывается помочь?

— Он-то как раз и хочет помочь, а те, что вместе с Евлогием, противятся.

— Так я тебе и поверил. Ведь настоятель — самый главный у вас, кто ему запретить может?

— Не так это все просто. В обители духовный совет большую силу имеет, а в него все казначейские дружки входят. А над игуменом епархия^[44] стоит — там тоже, смекаю, у Евлогия рука есть.

— Ишь ты... А почему бы игумену советским властям не пожаловаться? В ревкоме были бы рады помочь.

— Скажешь тоже... Всю жизнь монастырю посвятил — нелегко против своих выступать. Евлогий-то не для себя деньги бережет — говорит, что не хочет разорения обители.

— Да, удивительные дела, — без особого энтузиазма отозвался Федя. У него стал пропадать интерес к этому разговору.

А Василид продолжал:

— Что-то будет? Отец Георгий и без того стар, а тут еще болезнь и всякие напасти...

— Ладно тебе, рано еще хныкать. Поправится твой игумен. У вас же больница есть, свой врач.

— Дай-то господи!.. Как Аджин поживает? — спохватился Василид.

— Не знаю.

— Не приходит?

— Нет.

— А почему сам к нему не пойдешь?

Федя помолчал, потом хмуро ответил:

— Видишь, погода какая стоит.

Прошло еще несколько дней. Тянуло наведаться в крепость, но один Федя на гору идти не решался — как-никак, а у тайника был хозяин и встреча с ним с глазу на глаз не сулила добра. Да и погода по-прежнему не располагала к дальним прогулкам. Федя только и был занят тем, что раздумывал над словами: «обитель... дозором... приемлет...». И его охватывало смутное беспокойство.

Но вот снова над побережьем выглянуло солнце, а вместе с ним явился и Аджин.

— Здравствуй, дорогой! — приветствовал он Федю. — Да не знает голова твоя забот!

— Здорово... — неуверенно ответил Федя, еще не чувствуя, как надо держаться с другом после стольких дней разлуки.

А Аджин вел себя так, словно они расстались лишь вчера. Его нисколько на занимало то, что мучило Федю. Как истинного горца, его волновало другое — замысел похищения Асиды.

— Понимаешь, друг, какая удача! — возбужденно говорил он, не давая Феде прийти в себя. — Завтра сестра пойдет на гулянье, а с него — к бабушке ночевать. Умыкнем ее, никто не хватится, а хватятся — поздно будет. Понял?

— Понял... — Феде опять стало не по себе от этого замысла: он предпочел бы действовать не столь решительно. Но боязнь снова оттолкнуть Аджина своим отказом удержала от того, чтобы сказать «нет». К тому же он возлагал надежду на какой-нибудь случай, который сорвет их планы.

Но Аджин для того и явился, чтобы вместе с другом идти к Тагуа за буркой, столь необходимой, по его словам, для умыкания.

На это Федя согласился охотно; познакомиться с легендарным охотником было заманчиво.

И они, не мешкая, отправились в другой конец города. Худыш, поджидавший хозяина за калиткой, потрусил рядом.

Друзья миновали набережную и порт, когда исчезавший временами Худыш вдруг нагнал ребят и, призывно лая, увлек за собой.

Они углубились вслед за псом в лабиринт из порожних ящиков и бочек, пахнувших рыбой, солью и апельсинами. У самой воды, привалившись спиной к ящику, спал человек.

— Хайт цараби!.. Отдыхает, — сказал Аджин, почесывая затылок. — Придется разбудить.

— Может, не надо? — засомневался Федя.

Но Аджин уже тряс своего родича, приговаривая что-то по-абхазски.

Вдруг спящий открыл один глаз; Аджин предусмотрительно отступил на шаг.

— О, сын злого духа, ты что, решил из меня душу вытрясти? — произнес Тагуа.

В голосе Аджина появились заискивающие нотки:

— А ты, дадхейт, почему днем спишь? Или тебе ночи не хватает? Видишь, друг из Москвы приехал, дело к тебе есть.

На охотника это сообщение произвело немалое впечатление. Он с любопытством уставился на Федю.

— Хайт цараби! Неужели я стал такой важной птицей, что ко мне из Москвы приезжают?

— Здравствуйте! Только я не из Москвы... — сказал Федя.

— Здравствуй, мальчик! Как вам это понравится: один говорит — из Москвы, другой — не из Москвы.

Вслед за этим он что-то сказал Аджину по-абхазски.

Аджин сделал пируэт на пятках и, прежде чем Федя успел спохватиться, умчался в сторону города.

Тагуа широким жестом указал мальчику на соседний ящик, предлагая сесть.

— Про отца твоего я слышал, — сказал Тагуа. — Хороший, говорят, человек, ученый... А жить где устроились?

— Нашу хозяйку зовут Тинат.

— Это вдова, что на улице Трех Кипарисов живет?

— Да.

Тагуа с каким-то новым интересом посмотрел на Федю. Он выспросил, каково хозяйство Тинат, много ли скота и как она кормит своих постояльцев.

Вернулся Аджин. Он успел побывать на базаре и держал в руках объемистую корзину. Тагуа поднялся на ноги.

— Идите за мной, джигиты.

Возглавляемая Тагуа маленькая компания через окраинные улочки поднялась в гору.

Хижина охотника стояла за пределами городка. Это была обычная апацха^[45], сплетенная из прутьев рододендрона и обмазанная глиной. Задней стеной она прилепилась к скале, и, кажется, только это обстоятельство не давало ей упасть — до того она была ветха. Рядом не было ни кукурузного участка, ни хозяйственных построек. Зато вход в жилище украшали огромные рога кавказского тура. Когда Федя заглянул в хижину, то не обнаружил там окон — свет проникал только через прорехи в стенах и отверстие в крыше. Ложе хозяина, кое-как сооруженное из жердей, застилало шкуры. На рогах, укрепленных на стене, висело охотничье снаряжение: ружье, кинжал в ножнах, кожаная сумка, пороховница из рога. Этим убранство помещения, собственно, и оканчивалось. Даже очага — непременно украшения абхазского жилища — здесь не было. Вместо него в центре хижины разжигался костер, от него к выходу тянулся сухой древесный ствол, который по мере сгорания подтягивался к костру. Дым уходил через отверстие в крыше.

Все это говорило не о бедности, а скорее о полном равнодушии охотника к удобствам и уюту. Так оно и было, если вспомнить, что основную часть времени Тагуа проводил или на охоте, или в духане Юсуфа.

Но Федя был в восторге от хижины; от ружья он просто не мог оторвать глаз. Необычно выглядело это ружье. Ствол его был граненым; приклад — узкий и длинный — составлял одно целое с ложем, которое украшали серебряные пластинки. Металлические части были отделаны чернью.

Аджин снял ружье со стены.

— Обойди хоть все побережье — другого такого не найдешь! — Он указал на множество черточек, зарубок, лунок и крестиков на ложе. Оказалось, что черточки

означают количество подстреленных оленей, зарубки — медведей, лунки — зубров и, наконец, три крестика — снежных барсов.

Федя осмотрел эти свидетельства бесстрашия и меткости хозяина дома, после чего получил право собственноручно повесить ружье на прежнее место.

Через несколько минут все трое сидели вокруг костра, разведенного на воздухе, и насаживали на шампуры куски мяса вперемежку с дольками лука. Рядом Худыш пускал голодную слюну и от нетерпения переступал передними лапами.

Все было хорошо, не считая того, что Федя до сих пор не научился сидеть на земле по-восточному — поджав ноги, так, как сидели Тагуа с Аджином. Он не однажды пытался это делать, но ноги скоро затекали. Вот и сейчас, промучившись несколько минут, он вынужден был пересесть на камень.

Впрочем, огорчаться было не время.

Личность абхазца-охотника даже в глазах земляков была окружена неким ореолом романтики. Правда, в обычные дни он мало отличался от крестьянина. Но как преображался на охоте! Горы и лес — его стихия. Куда девается его ленивая медлительность. Головоломные подъемы и спуски, бурные реки он преодолевает с завидной ловкостью. А как подбирается к дичи! Не звякнет его ружье, упрятанное до поры в черный косматый чехол, не блеснет кинжал, спрятанный на груди; беззвучно, как у кошки, ступают ноги, обутые в чупьяки из сыромятной кожи.

Жизнь, проходящая в одиночестве, наложила на него отпечаток. Он суеверен, видит во всем предзнаменования и слышит неведомые голоса, отчего ореол таинственности выделяет его среди людей. Он скромнен и щедр: своей добычей он готов поделиться с каждым встречным, а на вопрос, как была убита дичь, чаще всего отвечает: «Ружье выстрелило и убило». В горах его ежечасно подстерегает опасность сорваться в пропасть, быть разорванным медведем или барсом. И поэтому каждый встречный приветствует его словами: «Да возвратишься ты, куда бы ни пошел!» или «Да милуют тебя горы!».

Обо всем этом Федя был наслышан и теперь жаждал узнать из уст охотника какую-нибудь удивительную историю. И тем больше было его изумление, когда Тагуа вдруг заявил:

— Вот начнутся холода, брошу навсегда охоту.

— Ты уже не первый год так говоришь, — отозвался Аджин.

— Нет, клянусь бородой моего отца — брошу охоту: не тот возраст, не те ноги, не те глаза... И дичи в наших горах поубавилось; если дальше так будет, совсем зверья не останется.

— Да как можно бросать такую жизнь! — воскликнул Федя.

— Каждый мечтает о счастье на свой лад, — задумчиво произнес Тагуа. — Было время, когда я не помышлял об охоте, трудился, как все крестьяне, и был доволен...

Федя понял, что за этим признанием кроется что-то, и спросил:

— А как стали охотником?

— Это невеселая история, — ответил Тагуа. — Жил я не богато, но у меня был свой очаг, были жена и сын... Земли было не много, но она давала все необходимое. К щедрости нашей земли мы привыкли и забывали о том, что она во все времена была лакомым куском для всяких пришельцев. В мои годы она стала добычей монахов. Появились они еще при моем отце, но сначала держались смиренно: сами расчищали лес под пашни и сады, сами пахали и сеяли, растили скот. Но из года в год аппетиты монастыря росли. Начали святые отцы под разными предлогами наши земли захватывать. Не раз наш маленький народ с оружием в руках пытался отстоять землю своих отцов. Но что поделаешь, когда на стороне монахов князь, а сам наместник Кавказа — брат царя — частый гость в обители. Конная стража наводила порядок. Пришло время и мне сложить пожитки и убраться со своего двора. Дали мне участок вдали от моря, где не то что кукуруза, чертополох не взойдет. Бился я, бился на новой земле, вижу, из нужды не выбиться, хоть в абреки иди. А тут, прослышав о наших горестях, появились в народе

турецкие лазутчики. Нашептывают нам: «Переселяйтесь в Турцию, она вам матерью родной будет. Земли там такие плодородные, что тыквы вырастают величиной с бочку, а кукуруза ростом с всадника».

Я, как и многие другие, поддался на эти уговоры. Думал, хуже чем есть, не станет. Будь проклят я в тот момент, когда запер за собой дверь отчего дома.

И вот погрузили нас ночью на турецкую фелюгу. Добро наше не разрешили взять — там, говорят, сразу разбогатеете. Загнали в трюм; набилось нас там — как зерна в кукурузном початке — не продохнуть. Это, турки говорят, для того, чтобы русский сторожевой корабль вас не обнаружил. А на самом деле уже за пленников считали, везли как скот. От такого плавания трое наших богу душу отдали.

Наконец приплыли. Выпустили нас на палубу, и тогда все ясно стало. На сколько хватает глаз, дикий пустынный берег протянулся. А на берегу солдаты поджидают. Ссадили с фелюги и повели под охраной в глубь этой земли. Через день пути оказались мы в таких местах, где прежде и нога человеческая, кажется, не ступала. Дома хоть горы зеленые, ручьи прозрачные текут, море синее глаза радует. А здесь — голая выжженная равнина да река мутная течет.

Спрашиваем конвойных: «Как же на этой земле обещанные вами урожаи получать?» А те скалят зубы, смеются: «Вот польете землю своей христианской кровью — будет вам и урожай».

Так и получилось: чуть не каждый день начали мы хоронить своих земляков. Один лишь труд стал нашим уделом. Эх, что говорить — как вспомнишь то время, тоска за сердце берет!

Мы с женой бились изо всех сил, чтобы выжить и сберечь сына. Жена моя, незабвенная Лейла, переносила невзгоды безропотно, ни разу не упрекнула меня за роковой шаг. Но вот горе пришло и в мой дом: от какой-то незнакомой болезни умерли в один день и жена и сын...

По лицу охотника скользнула судорога, и он замер, устремив взгляд на догорающий костер. Заговорил он не скоро.

— Остался я один. Когда пришел немного в себя, решил на родину бежать. А дело казалось безнадежным: турки с нас глаз не спускали, границу охраняли строго. И уж если попадался беглый, то расправа была короткой — резали на месте. Не хотелось им, чтобы правду о нас на родине узнали. Но я так решил: лучше в пути погибнуть, чем в неволе умирать.

Собрали земляки припасов в дорогу, и однажды ночью сбежал я. Неделю до границы добирался, сначала по безводной пустыне, потом через людные места. Обходил стороной поселки, шарахался от каждого встречного. Два раза уходил от погони. Уже на границе, у Батума, попал в засаду... — Тагуа коснулся шрама на лбу: — Эту зарубку я не на охоте получил — турецкая сабля след оставила. И несдобровать бы мне на этот раз, но и тут повезло — русские солдаты у турок полуживым отбили.

Очнулся в русском госпитале. Рассказал властям о том, кто я, повинился за прошлое. А надо сказать, что жена моя была православной и веры своей даже в туретчине крепко держалась. Перед смертью попросила меня: если на родину вернешься, прими христианство, тогда на том свете увидимся.

Не верил я в поповские сказки, но, выполняя волю покойной, объявил, что готов принять православие. За наши души борьба между верами шла. Обрадовались попы такому случаю, окрестили меня задним числом и мучеником христианским объявили. На радостях дали мне немного денег и отпустили на родину.

Вернулся я домой, а там уж ничего моего не осталось. Вот тогда-то купил я абхазскую кремневку и занялся охотой. Тем и жить стал. А зачем живу, сам не знаю. Времена, кажется, хорошие наступают, я за них в «Киаразе» дрался, но мне своего не вернуть. Так, видно, и пройду одиноким путем до конца жизни... Да минует вас такая участь!

Стало тихо.

Тагуа смотрел на огонь с омрачившимся лицом, потом спохватился:

— Хайт! Нашел чем гостей развлекать! Желудок не терпит длинных историй. Давайте-ка за дело приниматься!

Из двух плоских камней он соорудил мангал и всыпал в него угли из прогоревшего костра. С камня на камень перекинулись первые порции мяса на шампурах. Аджин тем временем разложил на земле содержимое корзины: сыр, свежий лаваш^[46] и зелень — кинзу, петрушку, укроп. Потом произнес:

— Давайте возрадуемся и возвеселимся, как говорят монахи. Да будут успешны все ваши дела! Будьте настоящими джигитами сердцем и в делах!

Мальчики принялись за еду. Федя, подобно истинному кавказцу, охотно жевал с хлебом посыпанные солью пучки зелени.

А с мясом тем временем творилось что-то невероятное. Оно пускало сок на угли, и они яростно шипели, вскидываясь веселым пламенем. Невообразимо вкусный запах поднимался вместе с дымом и заполнял все вокруг. Тагуа не забывал то и дело поворачивать шампуры. Наконец мясо было готово. Тагуа посыпал его молотым барбарисом.

— Доставим удовольствие желудку, — сказал он, протягивая своим гостям по шампуру.

Господи, до чего это было вкусно! Мальчики ели, стараясь не спешить, хотя чувствовали себя голодными волчатами — уж очень стосковались по мясу. Рядом от нетерпения поскуливал Худыш. Но настала и его очередь: охотник заблаговременно пристроил на углях кабаньи кости с остатками мяса и, когда они достаточно пропеклись, кинул псу. Худыш бросился к ним, но ожегся и взвыл от досады. Впрочем, ждал он недолго — скоро послышалось щелканье зубов и хруст разгрызаемых костей.

Тагуа разворошил угли и пристроил над ними новую партию шампуров.

Наступил вечер. Рогатый месяц выполз из-за Святой горы и уселся на крепостной башне. В лесу неподалеку шакалы начали пробовать голоса.

Худыш продолжал трудиться над костями. Но в его поведении Федя первый заметил странность. Ухо у пса приподнималось, он то и дело косился в сторону леса и недовольно урчал.

— Что-то почуял, — сказал Федя, — наверно, шакал близко. Все посмотрели в сторону леса, но там уже настолько стемнело, что ничего нельзя было разобрать. Худыш наконец бросил кость и с лаем кинулся к опушке. Аджин отозвал его назад. Худыш вернулся возбужденный, с взъерошенной на загривке шерстью. В лесу встревожилась какая-то птица.

— Там человек бродит, — сказал Тагуа. — Эй, кто там, выходи! — крикнул он.

Неясная фигура появилась из-за деревьев.

— Подходи, если ты с добром! — снова крикнул охотник.

Человек медленно, с опаской приблизился и остановился в нескольких шагах от костра. Федя подбросил в костер сушняка, и пламя осветило незнакомца. Вид его был бы смешным, если б не был столь жалок. Маленькие воспаленные глаза его смотрели тоскливо, лицо обгорело под солнцем, нос шелушился; в нечесанных волосах запутался мусор, торчала свалявшаяся бородка, костюм был мятым и грязным, галстук-бабочка смешно обвис.

Нетрудно догадаться, что это был монах-расстрига Порфирий Смирягин, прибывший несколько недель назад сухумским дилижансом. Но сидящие у костра видели его впервые.

— Добрый вечер, незнакомец, — сказал Тагуа. — Да будут назавтра удачны твои дела. Садись, подели с нами ужин.

— Приветствую добрую компанию, — ответил Смирягин. — А я иду мимо, дай, думаю, посмотрю, что за народ собрался...

Одолев свою робость, он присел к костру; его страдальческий взгляд остановился на мясе.

Тагуа налил гостю амачар и протянул всем по новой порции шашлыка.

От такой щедрости у Смирягина даже слезы выступили на глазах. Мальчики ели теперь не торопясь, смакуя каждый кусочек. Новый гость пытался сдерживаться, но это ему не удавалось, он ел с жадностью, чавкая, лязгая зубами.

Из деликатности, присущей абхазскому гостеприимству, хозяин не спрашивает гостя, кто он, и не выведывает ничего, пока тот сам не заговорит о себе. Молчал и Тагуа.

Смирягин понимал, что пора уже как-то объяснить свое появление здесь, у костра.

— Случается же такое, — начал он, — ехал верхом из Сочи в Гудауты, и вот — превратности судьбы — напали абреки и ограбили дочиста.

Тагуа с сочувственным видом поцокал языком:

— Удивительный случай... Но в жизни случается такое, во что и поверить трудно.

Смирягин подозрительно взглянул на охотника: как понимать его слова? Однако он решил истолковать их в свою пользу.

— Да, — продолжал он, — еще два дня назад ваш покорный слуга квартировал в лучшей гостинице, обедал в ресторане, а сегодня сидит без копейки у костра. Поистине неисповедимы пути господни!

Федя с Аджином понимающе переглянулись. А Порфирий продолжал разглагольствовать:

— Сегодня я делю с вами скромный ужин, одет в рубище, неприкаян и гоним, но пройдет немного времени, и вы будете гордиться знакомством со мной.

— Мы и без того рады знакомству, почтенный, — вставил Тагуа.

— Не подумайте, милейшие, — продолжал Смирягин, — что я забуду вашу хлеб-соль, этот чудесный вечер среди диких гор и беседу с вами. И поверьте — награжу по-царски.

Аджин незаметно для него выразительно покрутил пальцем у лба.

— Ты говоришь загадками, незнакомец, — улыбнувшись, сказал Тагуа.

— Никаких загадок, — торжественно изрек Смирягин. — Ты, добрый хозяин, скоро будешь курить дорогой кальян^[47] вместо трубки, а твоя бедная черкеска украсится золотыми газырями... Впрочем, и черкеску я куплю тебе новую. Тебе, сын гор, — сказал он, обращаясь к Аджину, — я подарю шелковый бешмет и кинжал, украшенный серебром, ибо уже сейчас видно, что ты будешь настоящим джигитом. Что же касается тебя, мой светловолосый соплеменник, то ты получишь от меня... пусть это будет ружье, не сомневаюсь, что ты хотел бы стать охотником, подобно хозяину нашего застолья.

Тагуа, находившийся в прекрасном расположении духа, вдруг сказал:

— Извини, дорогой, но ты забыл, что среди нас есть еще живое существо.

— О да! — воскликнул Смирягин, всплеснув руками. — Ты прав, и я готов казнить себя за забывчивость. Вашего почтенного пса я накормлю обедом, а также найду искусного лекаря, чтобы тот зашил ему ухо, порванное в славном бою.

Худыш, один не разделявший благодушия присутствующих, что-то проворчал на собачьем языке.

Сказав столь продолжительную речь, Смирягин склонил на ладони голову с намерением принять глубокомысленный вид, но уже не смог поднять ее, подался вперед и свалился бы в костер, если бы мальчики не подхватили его. Втроем его отнесли в хижину и уложили в углу на шкуре.

Впервые за много дней бедолага спал под крышей, пьяный от сытости, без тревог и сновидений.

Хозяин и гости снова сели у костра. Ночь уже наступила. Все были в превосходном настроении. Охотник вдруг рассмеялся.

— Ты чего, дадхейт? — удивился Аджин.

— А то, что, если новый бешмет у тебя будет, жениться надо.

— Это тебе жениться пора, — пробурчал Аджин, — на охоту пойдешь — кто кальян караулить будет?

Рассмеялись все вместе. Худыш, продолжавший глодать кости, с недоумением посмотрел на них.

— А твоему другу с ружьем еще делать нечего: как был холостяком, так пока и останется, — сквозь смех сказал Тагуа.

Ребята переглянулись и принялись хохотать с новой силой.

Но теперь охотник не понял, что их так насмешило.

Этот разговор напомнил друзьям о цели их прихода. Аджин без труда уговорил охотника на один-два дня расстаться со своей буркой. Она оказалась огромной: мальчики свободно помещались в ней вдвоем.

Чтобы вешать на стену будущее ружье, Тагуа подарил Феде ветвистые рога благородного оленя. Когда уже попрощались, он тронул мальчика за руку, намереваясь что-то сказать, но передумал и скрылся в хижине. Аджин свистнул собаку, и Худыш двинулся за хозяином, прихватив в дорогу кость.

Глава XII, призванная напомнить о судьбе второстепенных второстепенных участников повести

Проснувшись после столь неожиданного пиршества, Порфирий Смирягин обнаружил, что лежит в углу хижины на отличной меховой подстилке. Привыкнув видеть опасность во всем новом, Порфирий вскочил на ноги и выглянул за дверь.

Недалеко от порога, на том же месте, что и вчера, горел костер, и в воздухе плыли сладостные запахи жареного мяса.

Хозяин сидел у огня и ждал пробуждения гостя, чтобы, по обычаю, разделить с ним утреннюю трапезу.

Минувшие недели Смирягин провел в безуспешных попытках увидеться со своим монастырским приятелем. Памятуя о прошлом, он вынужден был прятаться от каждого встречного, ночевал в провалившейся могиле на краю кладбища, питался объедками, что выбрасывали из окна монастырской поварни. И теперь, измученный одиночеством и голодом, охотно дал уговорить себя погостить день-другой под кровом великодушного хозяина, да как-то так получилось, что «день-другой» обернулись долгими днями.

Тагуа, равнодушный к хозяйству, не противился тому, что благодарный гость прибирал хижину и запасал топливо.

По вечерам у костра довольный, что у него есть слушатель, Порфирий предавался красочным воспоминаниям, а Тагуа, покуривая неизменную трубку, с интересом слушал его, не утруждая себя заботой отделять в рассказе гостя выдумку от правды.

Однажды вечером Смирягин попросил своего благодетеля раздобыть для него карандаш, бумагу и конверт. Тагуа выполнил просьбу на следующий же день, благо путь от хижины к духану Юсуфа пролегал мимо почты. Весь остаток дня Порфирий корпел над письмом. После долгих раздумий и перечеркиваний оно, наконец, выглядело так:

«Премногоуважаемый и премноголюбимый брат во Христе и среди иноческой братии Акинфий! Да будет к тебе благорасположение господа нашего и пресвятой богородицы! Пишет тебе пребывающий в огорчениях приятель твой Порфирий. Не стану утруждать тебя описанием своей многогрешной жизни, а попрошу скорее свидеться со мной в удобный для тебя день, чтобы я смог изложить цель моего прибытия в эти благословенные места. Дабы подстрекнуть тебя к свиданию, скажу еще, что дело, задуманное мной, касается не меня одного, и при сем уверяю, что убытка от этой встречи ты не понесешь, а бог даст, и выиграешь. Уповаю на то, что не забыл ты нашей многолетней дружбы и простил мне мои прегрешения, коль скоро я пред тобой виноват. Пусть местом встречи будет то, где ты изволил потерять свои четки после памятных нам обоим обстоятельств. Буду приходить туда каждодневно от трех часов до пяти, ибо знаю, что в это время ты больше свободен от обительских хлопот.

Помяни меня в своих святых молитвах к господу богу. Припадаю к стопам твоим и снова говорю: приди!

Грешный, пребывающий в надежде Порфирий».

Смирягин тщательно заклеил конверт и написал на нем имя адресата. Теперь надо было переправить письмо в обитель. Отказаться от услуг почтового ведомства у Смирягина были все основания: он знал, что письма к братии проходят цензуру духовных отцов, а это никак не устраивало Порфирия. Поэтому, направившись от хижины охотника напрямик через лес, он вышел к монастырской дороге в полукилометре от ворот. Здесь он приглядел одинокого странника, внушившего ему доверие своим благостным видом, попросил его разыскать в обители брата Акинфия и передать ему в собственные руки письмо. «В собственные руки», — повторил Порфирий, пообещав, что за услугу брат Акинфий поможет страннику с ночлегом и едой.

Стоит ли говорить, что в тот же день Смирягин задолго до условленного часа пришел на место свидания. Можно было надеяться, что брат Акинфий не забыл этот живописный уголок кладбища, неподалеку от калитки в монастырской стене, — слишком памятным был тот случай, когда, уединившись вдвоем, они предавались здесь карточной игре и, увлекшись до того, что пропустили две службы и не выполнили дневных послушаний, оба заявили в обитель в непотребном виде, и дело едва не кончилось изгнанием. Выручило Акинфия неожиданное заступничество отца Евлогия. Заодно пощадили и Порфирия. Проступок обошелся обоим епитимьей. Как теперь понимал Смирягин, заступничество Евлогия имело свои причины и подтверждало его догадки о причастности Акинфия к делишкам казначея.

В ожидании приятеля Порфирий успел пересчитать все кипарисы на кладбище и все видимые глазу могилы. Но брат Акинфий так и не пришел. То ли письмо не успело попасть к нему, то ли он решил для начала поманежить своего приятеля.

С невеселыми мыслями вернулся Смирягин в жилище охотника, но утро опять вселило в него надежду, и, едва дождавшись условленного часа, он побежал к месту свидания.

Спустя полчаса открылась монастырская калитка, и вышедший из нее монах направился в сторону кладбища. Да, это был Акинфий — узнать его было просто во все времена. Из-за округлости фигуры он среди братии жил под кличкой Кинь-Колобок.

Порфирий поспешил к нему навстречу, и приятели обнялись.

Смирягина даже слеза прошибла — столько воспоминаний наваяла на него встреча со старым товарищем. Брат Акинфий держался снисходительно.

— Эк, тебя жизнь-то потрепала, — сказал он, отстраняя Смирягина и оглядывая его с ног до головы. У него самого вид был прямо-таки цветущий, он не говорил ни о воздержании, ни о безропотном отречении от благ земных. Толстые румяные щеки по сторонам картофелинки-носа так подпирали глазницы, что от глаз оставались лишь щелочки, а все лицо имело хитрое выражение.

Смирягин взирал на приятеля с восторгом. Потом засуетился, начал смахивать платком пыль с могильной плиты.

— Ну что, душа заблудшая, все волком по земле ходишь? — спросил чернец, усаживаясь на приготовленное ему место.

— Каким уж там волком, аки пес бездомный мыкаюсь.

— Долго ждали тебя здесь... — многозначительно проговорил Акинфий и, окинув взглядом нищенскую одежду приятеля, добавил: — Не больно-то, я вижу, разжился на те денежки.

— Не говори, попутал бес...

— «Бес, бес», — передразнил Акинфий, — в господу, видно, совсем веру потерял.

— Не потерял, а толку что... Ты-то как живешь-можешь? — спросил Порфирий, уходя от неприятного разговора.

— Я-то? Да ничего, господь милует. Новая власть хоть и попрехала обитель, а все жить можно. Я у отца эконома в первых помощниках хожу, — похвастался инок.

Собравшись с духом, Смирягин коротко поведал о своих злоключениях. Слушая бывшего монаха, Акинфий с ехидцей кивал головой.

— С твоим бы счастьем да по грибы ходить, — резюмировал он. — Пора бы уж бросить все да о душе подумать.

— Где уж, — махнул рукой Смирягин. — Вот если бы деньгами обзавестись да на божеское дело пожертвовать, тогда другой разговор.

— Ловок ты, как погляжу...

— Так зачем бог послал? — спросил, наконец, Акинфий.

— Дело-то вот какое... Смекаю я, что есть возможность разжиться... с твоей помощью.

— Господи! Этот человек никогда не исправится!

— Слышал я, что в обительских подвалах золотишко есть...

— Пустое болтают... От кого слышал?

— Да сам же ты и говорил.

— Ишь ты, не забыл!

— Я не только от тебя слышал, — добавил Порфирий.

— Может, и вправду есть что-нибудь, а тебе-то какой прок от этого? У всякого добра хозяин есть.

— Всегда ли ты так рассуждал? — напомнил Смирягин.

— Я не люблю пустые затеи. Ну и что же ты хочешь от меня? — вслед за этим непоследовательно спросил монах.

— Брат любезный, скажи, где тот подвал находится, сделай милость! — с жаром воскликнул Порфирий.

— Похоже, здесь у тебя не прибавилось, — ответил монах, постучав себя по лбу. — С какой это стати я буду тебе рассказывать? Какой мне резон?

— Да ведь надоело по земле мыкаться, одна надежда на тебя. Ты мне только укажи, где то добро лежит, а если дело выгорит, я все к твоим ногам принесу — распоряжайся! А мне что дашь, на том спасибо...

Он на секунду споткнулся, затем продолжал горячо:

— Ведь ты в тот раз похвастался, что в том золоте и твоя доля есть. Но ведь только доля... И к тому же сам посуди: время такое — ни за что ручаться нельзя. Того и гляди, власти все отберут. А не отберут, так Евлогий тебя с носом оставит — знаю я его.

— А если дело не выгорит, тогда что? Сам попадешься и меня за собой потянешь?

— Твоя голова светлей моей, но одного ты не смекнул. Я же расстрига, если поймают, то судить могут только мирским судом. Они мне шею намнут да и отпустят восвояси. Понял?

На этот счет у монаха было другое мнение. «Если попадешься — храни тебя Христос!» — с жалостью подумал он. Акинфий задумался, и Порфирий поздравил себя — клюнуло!

Не очень-то убедительным было то, что говорил Смирягин, но в одном он попал в точку. Акинфий был в числе сообщников казначея, но не настолько близок к нему, чтобы быть уверенным в обогащении; хитрость и коварство Евлогия он знал не хуже Смирягина. Если исключить немногие подачки за свое пособничество, то он должен был довольствоваться весьма туманными обещаниями. Ход его рассуждений сейчас был таков:

«Чем черт не шутит, а вдруг... Ведь случается, что и дуракам везет. Если дело выгорит, хорошо — деньги пополам. А если Порфирий попадется — все шишки на него. На худой конец, если выдаст, кто наводчиком был, то можно и стрекача из обители дать. Про черный день кое-что припасено».

Порфирий с нетерпением ждал, когда Акинфий заговорит.

Оттягивая решение, тот сказал:

— Добудешь ты золото, а потом и улепетнешь с ним, как с монастырской кружкой. Подвел ты тогда меня, брат!

Ничуть не оспаривая этого в душе, Смирягин тем не менее сделал вид, что такое предположение чудовищно.

— Господи, благослови и помилуй! — воскликнул он и как бы в ужасе замахал руками. — Совсем я, что ли, совесть потерял! Те деньги ничьи были, общественные. А это дело совсем другое. Неужто я своего приятеля ограблю! Готов страшную клятву дать, что каждый день буду тебе докладывать о том, как дело идет, — всегда меня проверить можешь. — Порфирий продолжал божиться и даже пустил слезу — средство, к которому он прибегал не раз в подобных случаях.

— Ладно! — прервал его Акинфий. — К завтраму я это дело обмозгую. Приходи сюда в то же время.

Смирягин решился спросить:

— А много у вас в подвалах-то?

Акинфий усмехнулся:

— Много ли, не много, а если десятую долю унесешь, то обоим по гроб жизни хватит.

Они расстались. Смирягин возвращался в хижину охотника не чуя ног от радостной уверенности, что в длинной цепи его неудач наступил перелом. Он торжествовал: нет, не изменился его старый приятель, грош цена благочестивым разговорам, которыми он встретил Порфирия. Сладостные видения с новой силой охватили Смирягина, приняв форму золотых чаш, нагрудных крестов, усыпанных драгоценными камнями, серебряных дарохранительниц и прочих соблазнительных вещей.

И действительно, на следующий день брат Акинфий появился в условленном месте почти одновременно со Смирягиным. Он приволок с собой переброшенные заблаговременно через стену лом, кирку и лопату. А спустя несколько минут извлек из-под рясы и развернул перед Смирягиным начертанный неумелой рукой план хозяйственного корпуса с прилегающими к нему службами и участком монастырского парка. С полчаса приятели сидели, согнувшись над планом, выискивали кратчайший путь к манившему их подвалу.

Другой охотник до монастырского золота — пассажир фелюги, врангелевский полковник Нежинцев, как мы помним, не испытывал тех тягот, кои выпали на долю монаха-расстриги. Он был принят с почетом и вселен в первоклассный номер монастырской гостиницы. По утрам, вслед за легким стуком в дверь, появлялся молчаливый служка, ставил поднос с завтраком и, если не было приказаний, бесшумно исчезал.

Верный своим привычкам, Нежинцев, поднявшись с постели, несколько минут отдавал гимнастике. Затем брался за дела. Он принимал подручных Евлогия и выслушивал их донесения, касающиеся политических и военных дел в округе; на основе этих сведений он составлял рапорты Врангелю и извещал Фостикова о замеченных передвижениях красных частей.

Благодаря световой сигнализации, применяемой монахами, он поддерживал с генералом надежную связь. Отряды Фостикова находились на значительном расстоянии от побережья, но через нарочного генерал заверил Нежинцева в своей готовности в нужный момент спуститься с гор для соединения с повстанцами на побережье.

Утром того дня, когда на монастырском кладбище проходило знаменательное свидание двух приятелей, полковник нажал кнопку звонка и, когда в дверях появился служка, сказал:

— Передайте отцу казначею, что я хотел бы повидать его. Будет исполнено, — ответил монах и исчез.

Не имея возможности выйти в город до прихода казначея, Нежинцев с раздражением шагал взад-вперед по комнате. Как ни противно было сознавать, без Евлогия он пока не мог обойтись. Знание монахом абхазского языка и местных условий, главенство в обители — все это помогало Нежинцеву. Кроме того, казначей снабжал полковника небольшими деньгами на личные расходы, когда тот спускался в город для встречи с кем-нибудь из заговорщиков.

Сегодня полковник твердо вознамерился выбить обещанные Евлогием деньги. Но казначей появился лишь в полдень. Он догадывался, о чем может завести речь полковник, ждал этого разговора с беспокойством и досадовал на себя за то, что в первый же день не отказал решительно в его домоганиях.

Евлогий не был искушен в военных делах, но следил за политической жизнью, и смутное чувство с некоторых пор начало подсказывать ему, что мятеж дело не очень-то надежное. А вкладывать деньги в сомнительное предприятие было не в его характере. Одно дело — мелкие подачки Нежинцеву из монастырской казны, другое — драгоценности, припрятанные для себя и своих сообщников.

— Спасибо вам, святой отец, за активное участие в нашем общем деле, за помощь, — начал полковник, — без вас как без рук. Но в одном вот вопросе вы отмалчиваетесь, а я тоже до сих пор не беспокоил вас. Как все-таки с золотом, о котором мы говорили в день нашей первой встречи? Ведь оружие необходимо.

На лице казначея появилось отчужденное выражение.

— Видите ли, Алексей Михайлович, вопрос этот до сих пор остается нерешенным, оттого и не напоминал вам.

Нежинцев удивленно поднял брови.

— Но отчего? Как я помню, препятствием был характер игумена. Теперь он так болен, что отошел от управления обителью. Так за чем же дело стало? — Нежинцев старался поймать взгляд казначея, но тот упорно отводил глаза.

— Прежде всего, откуда у вас сведения о том, что обитель располагает, как вы выражаетесь, золотом?

— Очевидно, у командующего были основания поручить мне говорить с вами на эту тему... Наша контрразведка порой знает многое из того, что даже прямо не касается ее функций.

О контрразведке Нежинцев упомянул наугад, зная, какое воздействие это слово обычно производит на людей. Но на Евлогия оно не произвело никакого впечатления.

— Боюсь, что на этот раз у нее нет никаких оснований так считать. Золото, о котором вы изволите говорить, — досужий вымысел наших недоброжелателей, им выгодно чернить нас в глазах верующих. И если мы сумели, благодаря умелому хозяйствованию, что-то скопить, в то время как старый игумен, прости господи, занимался своими розочками, то деньги эти нужны для поддержания обители. Ежели думать о помощи в деле восстановления законной власти, то речь может идти лишь о весьма умеренной сумме. При этом я говорю пока лишь от своего лица, а кроме меня, существует духовный и хозяйственный совет...

— Господи боже! — в сердцах воскликнул Нежинцев. — Я вижу, тут перед вами чуть не до земли все гнутся, вам ли считаться с каким-то советом?!

— Господь да просветит ваш разум — совет есть совет, в него свыше двадцати человек входит, народ все достойный, радеющий о преуспевании обители, и свою волю навязать им нелегко.

Нежинцев понимал, что все это словоблудие и вранье, все в нем кипело от негодования. Но чем он мог припугнуть этого человека, под покровительством которого находился?

Поистине этот монах с тусклым взглядом был ясновидящим: словно понимая состояние Нежинцева, он начал подниматься:

— Извините, Алексей Михайлович, дела обительские призывают меня. Отдыхайте, набирайтесь сил для ратных дел...

Эти слова можно было принять за издевку.

— Я не на курорт сюда приехал, — хмуро отозвался Нежинцев. — Так каков же будет ваш окончательный ответ?

— Облачитесь в ризы терпения и ждите, я приложу все старания в пользу вашего дела. Сами не испытываете ли в чем нужды? — осведомился Евлогий.

— Нет, благодарю вас, — буркнул Нежинцев. Он понимал, что его просто водят за нос. Надо было собраться с мыслями, чтобы решить, как поступать дальше.

— Тогда желаю здравствовать, — сказал Евлогий и вышел. Когда за ним закрылась дверь, полковник выругался так, как, должно быть, не слышали до сих пор стены святой обители.

Глава XIII, снова повествующая о таинственных огнях и о том, как хлопотно быть похитителем

И вот наступил день, облюбованный Аджином для похищения Асиды. План был разработан лишь на ближайшую ночь, о дальнейшем оба мальчика думать и говорить избегали.

Утром этого дня друзья стояли неподалеку от духана в обществе ишака, нагруженного хурджунами^[48]. Им удалось раздобыть немного кукурузной муки, фасоли, сыра, сушеных абрикосов и яблок. Эти запасы пищи лежали сейчас в хурджунах, их предстояло отвезти в место будущего жилья. Аджин не мог отлучиться из духана, и Феде впервые предстояло совершить поездку одному.

— Ты только не жалеяй его, — говорил Аджин, одной рукой похлопывая ишака по спине, а другой выдирая у него из хвоста колючку, — главное, почаще бей его палкой.

— Ладно, мы с ним сами разберемся, — сердито пробурчал Федя. Его коробила привычка друга лупцевать безответное животное. Теперь представился удобный случай показать свое умение править серым без применения силы. С этой мыслью Федя взгромоздился на ишака и пустился в дорогу.

Но судьба, пути которой, как известно, неисповедимы, отпустила мало времени на это путешествие. Федя миновал две улочки и свернул на улицу Красных Партизан. Ишак без понуканий бодро перебирал копытцами по каменистой дороге. О причине такой покладистости мальчик, к сожалению, не задумался.

Все произошло очень быстро. Ишак вдруг круто свернул к одной из калиток. Калитка была узкой, с низкой перекладной. Федя понял это, ударившись коленями о стояки, а лбом — о перекладину. В результате Федя оказался по эту сторону калитки, а ишак — по другую. Хурджуны тоже соскользнули с его спины.

Федя сидел на земле, потирая ушибленные колени, озираясь на подбежавших к нему хохочущих мальчишек, которые играли на улице. Ох и наподдал бы он им!.. Но не пускать же в ход кулаки против такой мелюзги. Сгибаясь под тяжестью хурджунов, он, прихрамывая, заковылял прочь.

Наконец его мучители отстали, а там и город остался позади. Только теперь Федя понял, что ишак вернулся домой, к законному владельцу — Юсуфу, и его послушание длилось до тех пор, пока ему было по пути с седоком.

С каждым шагом Федя проникался восточной мудростью: неудача ведет к удаче, несчастье — к счастью. Хорошее расположение духа вернулось к нему, он улыбнулся, затем, сбросив хурджуны, повалился на землю и принялся хохотать. Успокоившись, он сел, привалившись к дереву, и с наслаждением вытянул ноги.

После минувших дней непогоды побережье вновь заблестало, заискрилось всеми красками. К дороге подступали горы, деревья на их склонах были одеты в желтые, оранжевые, пурпурные одежды, море и небо соперничали в яркости голубизны.

Обретя новые силы, Федя пошел дальше. Теперь о минувшем происшествии напоминала только шишка на лбу.

Вскоре из-за деревьев показалась старинная башня. Федя присмотрел ее во время прогулки с Аджином. Она выступала из моря в нескольких километрах западнее города. Когда дорога поравнялась с башней, Федя спустился к бухточке. Здесь он разделся и сложил одежду в хурджин.

Не стоило привлекать внимание посторонних к месту их будущего жилища.

Убедившись, что дорога пустынна, он вошел в воду, поднял хурджуны над головой и так нес их, пока не одолел глубину.

Нижний этаж башни делился на два помещения. Первое служило как бы прихожей, отсюда на второй этаж вели полуобвалившиеся ступени. Поселиться наверху, конечно, было заманчиво, но Федя благоразумно решил, что в темноте вместе с девочкой подниматься туда будет опасно. Для жилья он облюбывал второе помещение нижнего этажа. Здесь хорошо сохранились стены и потолок, из окна открывался вид на море.

Оглядевшись, Федя прикинул, как лучше оборудовать комнату, и принялся за дело. Он стащил отовсюду побольше камней и соорудил в углу подобие очага; из оставшихся сложил вдоль стены невысокую лежанку. Потом отдохнув, сделал такую же у другой стены. Это заняло у него довольно много времени.

Чтобы довести дело до конца, пришлось вернуться на берег. В ближнем лесу Федя наломал папоротник и устлал им лежанки; ту из них, которая получилась удачнее, он застелил сверху еще буйволиной шкурой, привезенной из дома. Извлек из хурджина холщовую тряпицу и завесил ею вход. Теперь следовало запастись топливом. Для этого пришлось совершить еще две ходки на берег. Он принес две вязанки сушняка и сложил их возле очага. Хотя в комнате было пусто, она приобрела жилой вид.

За окном колыхалась водная зыбь; отражение ее, проходя через окно, переливалось на потолке светлыми веселыми бликами. Федя улыбнулся — хорошо, пожалуй, даже уютно.

Перед тем как уйти, Федя спрятал хурджины с запасами еды среди камней, окружавших башню.

Обратная дорога показалась куда короче. Он зашел в духан, чтобы известить друга о своем возвращении.

— А где ишак? — спросил Аджин.

— Где да где... — хмуро передразнил Федя, избегая расспросов, торопливо рассказал о том, что он сделал в башне, и поспешил уйти.

Время до наступления ночи оказалось мучительным, Федя так и не мог заснуть. Тысячи сомнений одолевали его, и если бы не боязнь выглядеть трусом в глазах Аджина, он отказался бы от их странной затеи.

Но вот наступил вечер. Все, как нарочно, благоприятствовало задуманному: отец предупредил, что не будет ночевать дома, Тинат рано улеглась спать.

Когда окончательно стемнело, Федя на цыпочках проскользнул мимо комнаты хозяйки и спустился с галереи.

Они встретились с Аджином у дольмена^[49], высившегося у дороги, сразу за последними домами, — предполагалось, что этой дорогой пройдет Асида. Сообщник ждал его, сидя на камне. Рядом лежал Худыш, а в тени дольмена прятался злополучный ишак.

Вид у Аджина был как у заправского абрека, с пояса свисал здоровенный дедовский кинжал, низ лица был прикрыт башлыком. Разговаривал он шепотом, то и дело озирался.

Все шло как по писаному. Аджин дал другу последние наставления, а сам ушел вперед, чтобы вовремя известить о приближении сестры.

Федя уселся на камень и стал ждать. Надвигалась ночь, темная, многозвездная. Вблизи все было тихо, только с набережной долетали звуки военного оркестра, с окраины города неслись звуки апхярцы и ачомгура^[50]. Это веселилась местная молодежь, издавна собиравшаяся там под вековым каштаном.

Решительная минута приближалась, и Федя признался себе, что страстно хочет, чтобы Асида пошла другой дорогой.

С неба скатилась звезда. По восточным поверьям, это служило недобрый знаком.

Чтобы отвлечься, Федя стал смотреть на город. Он был освещен плохо: тусклый свет керосиновых ламп лишь кое-где пробивался сквозь деревья, но на набережной горели электрические огни. Цепочка фонарей, изгибаясь вдоль бухты, отделяла город от моря. В монастыре тоже было электричество, но там рано ложились спать, и во всех окнах царил темнота. Слабый свет струился только с последнего яруса колокольни, где, очевидно, дежурил звонарь. Не успел Федя отвести взгляд от колокольни, как свет погас. Но тут же загорелся снова. На этот раз он не был рассеянным: два огонька вспыхивали и гасли то

оба вместе, то попеременно. Что бы это могло означать? Что-то приоткрылось вдруг в памяти мальчика, он быстро перевел взгляд на вершину Святой горы. Так и есть: в одном месте на стенах крепостных руин вспыхивали слабые отсветы. Сами источники были скрыты от него башней. Сомнений быть не могло: огни в крепости точно повторяли вспышки фонарей на колокольне.

От внезапной догадки Федя чуть не задохнулся. Как же он раньше не сообразил? Ведь этот способ сигнализации был известен еще древним народам!

Огни там и здесь погасли. Надо было собраться с мыслями. Но по дороге черной тенью мчался Аджин.

— Идет... Расправляй бурку! — крикнул он сдавленным голосом.

Федя растерялся — мысли его были заняты другим.

— Послушай, не надо... в другой раз...

— Джигит ты или кто? — прикрикнул на него злым шепотом Аджин.

— Тьфу! — Федя чертыхнулся и, понуждаемый другом, плюхнулся на землю. Сам Аджин схватил бурку и, перебежав дорогу, залег на той стороне.

Спустя минуту на дороге и впрямь послышались шаги. Асида шла, напевая вполголоса. Когда она поравнялась с засадой, Федя поднялся и сказал заготовленный текст:

— Остановись, красавица! Мы честные джигиты и не желаем тебе плохого. Смирись со своей участью... — Голос его так прерывался от волнения, что вряд ли девочка что-нибудь поняла. Она стояла и спокойно смотрела на Федю. Аджин тем временем подкрался сзади и накинул на нее бурку. Даже в темноте было видно, как бешено вращает он глазами, призывая на помощь друга. Приходилось подчиняться. Вдвоем они схватили девочку и потащили к ишаку.

Куда труднее оказалось посадить ее на спину животного. На какое-то мгновение ей удалось высвободить локоть, и в тот же миг из глаз Феде посыпались искры. Рядом придушенно охнул Аджин — в темноте копыто ишака придавило ему босую ногу.

Но отступить было поздно. Глотая слезы, Федя взгромоздился на ишака позади девочки и обхватил ее руками.

Но вдруг в суматохе Худыш укусил за ногу ишака, и тот взбрыкнул. Федя с Асидой вновь оказались на земле. Пришлось все начинать заново.

Удивительно, что Асида не кричала. Но у Феде не было времени раздумывать над этим, хлопот и без того было предостаточно. Когда, наконец, они снова взгромоздились на спину ишака, Аджин схватил его под уздцы и потащил за собой.

Пропетляв несколько минут между деревьями, похитители и их жертва оказались на дороге, ведущей к башне. Асида, как видно, смирилась со своей участью. Но вот она шевельнулась.

— Пусти, а то задохнусь, — сказала она, и Федя ослабил объятия. Асида высвободила руку и раздвинула бурку перед лицом. После этого она успокоилась и за всю дорогу не произнесла ни слова, что несколько удивило Федю: он ждал слез, мольбы об освобождении, жалобных причитаний.

Так они достигли бухты. Ночью здесь было неуютно — башня высилась мрачным силуэтом; вода казалась глубокой.

Аджин продолжал сохранять инкогнито, и поэтому все приходилось делать молча. Неловко, мешая друг другу, похитители ссадили пленницу и, не снимая с нее бурки, подвели к воде. Но как быть дальше? Нести к башне, держа над головой — сил не хватит. Заставить идти по воде — неловко: все-таки женщина.

Неизвестно, сколько бы продолжалось их раздумье, если бы Асида не решила все по-своему. Она вдруг выскользнула из бурки, вскочила на ишака и ударами пяток погнала его в воду. Через две минуты она была у подножия башни и скрылась в дверном проеме, не обращая внимания на темноту. Друзья, опешив, стояли на берегу с пустой буркой в руках.

— Вот это да! — только и сказал Федя.

— Я же говорил, что все будет хорошо, — отозвался Аджин. Но вид у него был обескураженный. — Иди! — подтолкнул он друга.

Достигнув башни, Федя прогнал ишака на берег. Аджин молча протанцевал какой-то непонятный танец, выразив этим восторг по случаю окончания дела, потом вскочил на ишака и галопом унесся в сторону города.

Федя восторга не испытывал. Теперь он снова почувствовал ужасную неловкость. С трудом он заставил себя войти в башню.

Комната освещалась лишь лунным светом, проникавшим через окно. Девочка сидела в углу в позе безутешной жертвы, охватив руками согнутые колени и опустив на них голову. Какой она казалась тоненькой и слабой! Федя презирал себя.

Чтобы как-то скрасить положение, он принялся разжигать очаг. Сухое дерево разгорелось сразу и осветило угрюмое помещение живым трепещущим светом. В комнате стало уютнее.

Федя оглянулся на девочку. Она еще ниже опустила голову, плечи ее подрагивали. Что ж, этого следовало ожидать: было бы странно, если бы обошлось без слез. Что ей сказать, чем утешить?

— Слушай, давай поужинаем. Если хочешь, я отведу тебя домой... только не плачь.

Асида подняла голову, на лице ее не было ни слезинки. Ее белые зубки сверкнули в отсветах пламени — она рассмеялась.

У Феде отлегло от сердца. Теперь они смеялись вместе, а насмеявшись, занялись приготовлением ужина. Федя достал из хурджинов припасы. Котелок с вчерашней мамалыгой был подвешен над огнем, на тряпице разложили чурек, сыр и вяленую кисть винограда. Потом уселись рядышком на разложенной бурке и принялись за еду, весело обсуждая детали похищения.

— Это я тебя так ударила... Бедный, — сказала Асида и тихонько коснулась легкими пальцами шишки на Федеином лбу.

— Не только ты — мне сегодня уже второй раз достается. — Он рассказал об утреннем злоключении с ишаком.

Пламя в очаге опало, и скоро на его месте засветилась красноватым таинственным светом только горка углей. Углы комнаты вновь ушли в темноту. На полу появился квадрат лунного света, в проеме окна засветились звезды. Стало прохладнее. Чтобы не подниматься за дровами, Федя накинул свободную половину бурки на себя и девочку. Это заставило их придвинуться друг к другу, и теперь они сидели, касаясь плечами.

Море за стеной рокотало тысячами набегающих волн, и им казалось, что они плывут на корабле в страну безмятежного счастья. Еще некоторое время они разговаривали вполголоса. Но вот голоса их начали стихать, паузы становились все длиннее. Асида устроилась поудобнее, и положила голову Феде на плечо. Он замер, а через несколько минут, услышав ровное дыхание, понял, что Асида уснула. Голова Феде тоже стала клониться на грудь, как вдруг какое-то воспоминание коснулось его дремлющего мозга и начисто прогнало сон.

С минуту он еще сидел. Потом тихонько освободился от бурки и придвинул к себе пустые хурджины. Стараясь не шуметь, он сложил их в несколько раз. Потом осторожно опустил девочку на расстеленный край бурки — голова ее прилась на возвышение из хурджинов. Другая половина бурки послужила одеялом.

Хорошо, что Асида не проснулась. Убедившись в этом, Федя неслышно направился к выходу.

У берега свивался космами туман, было зябко и сыро. Но раздумывать не приходилось. Переправившись через бухту, Федя торопливо зашагал в город. Подходя к окраине, он слышал впереди конский топот. На всякий случай Федя свернул с дороги, и едва он успел укрыться за кустами, как мимо него прогалопировал отряд из десятка вооруженных людей. Одни были в красноармейской форме, другие — в черкесках.

Федя выбрался на дорогу и поспешил в город, размышляя над тем, куда могли направляться всадники.

В двух окнах ревкома горел свет, на крыльце, как всегда, дежурил красноармеец. Набираясь храбрости, мальчик прошел туда и обратно мимо крыльца.

— Эй, чего тебе? — окликнул его часовой. Федя подошел.

— Мне бы кого-нибудь из начальства увидеть, — несмело сказал он.

— По какому делу?

— Дело важное, секретное.

Часовой немного помедлил.

— Ладно, — сказал он, — проходи, — и провел Федю в полутемный коридор.

— Видишь, из-под двери свет идет? Постучись туда, — сказал часовой и вернулся на крыльцо.

В кабинете за столом, где горела настольная лампа, сидел абхазец средних лет в гимнастерке с портупьями. Фамилия этого человека была Эшба. Каждому мальчишке в городе было известно, что он возглавляет местную ЧК.

— Здравствуйте! — сказал Федя.

— Здравствуй! — с веселым удивлением отозвался сидевший за столом. — Смотри, какой поздний гость! А вернее, ранний...

— Я по делу.

Чекист приподнялся и указал на кожаное кресло у стола:

— Садитесь, молодой человек, слушаю вас.

Федя сел и провалился в кресло. Стало очень неудобно, сидеть приходилось в нелепой барской позе, а ноги оторвались от пола. Пришлось выбраться и сесть на краешке, по-человечески.

— Итак?.. — сказал чекист.

Федя порядком волновался, и рассказ его был сбивчив. Собеседник не прерывал его. Наконец спросил:

— А может, это ничего не означает? Ведь если ты видел, любой мог увидеть...

— Я над этим думал, — горячо ответил Федя. — От города огни заслонены развалинами, я бы и сам не рассмотрел, если бы не знал о них прежде. А с колокольни они видны. Опять же и огни на колокольне загораются со стороны, обращенной к крепости... Вы дальше послушайте! — И он рассказал о бумагах, найденных в тайнике. Теперь-то стало ясным, что означали непонятные знаки в кожаной тетради: с их помощью сигнальщик определял в каком порядке следует зажигать и гасить огни.

— Что-то вроде азбуки Морзе, — добавил Федя.

— А бумаги в папке для чего? — спросил Эшба.

Федя досадливо махнул рукой:

— Они вовсе ни при чем, просто для растопки лежат...

— Минуточку, — сказал чекист. Он покрутил ручку телефона и сказал в трубку несколько слов по-абхазски. Потом, прервав разговор, обратился к Феде: — В седле держаться можешь?

— Еще бы! Да мы с отцом...

— Три, — сказал Эшба и повесил трубку.

Они поговорили еще несколько минут, потом Эшба взглянул на часы и поднялся.

— Едем! — сказал он.

— А куда?

— К дольмену. Посмотрим на месте, как это выглядит.

Федя помедлил с ответом: мысль об Асиде всплыла в его памяти. Впрочем, до утра еще было время.

— Что, разве у тебя есть поважнее дела?

— Нет, нет! — поспешно отозвался Федя.

У крыльца их ждал красноармеец с тремя оседланными лошадьми. Федя как заправский конник вскочил в седло. Лошадь сама вслед за спутниками рванула галопом. Эх, хорошо — только ветер засвистел в ушах! «Это тебе не ишак, чтобы пятками молотить», — подумал Федя. Жаль только, что рано, и никто из горожан не видит его.

До места, где они с Аджином подкарауливали Асиду, домчались за какие-нибудь пять минут. Когда спешили у дольмена, Эшба спросил:

— Как же ты в такой поздний час здесь оказался?

— Так... случайно, — пробормотал Федя. — Вы только отцу об этом не говорите. Ладно?

— Идет, — усмехнулся чекист. — А ты обещаешь молчать о нашем разговоре и обо всем, что знаешь.

С места, где вечером сидел Федя, Эшба смотрел, переводя взгляд с монастыря на крепость. В этот момент до их слуха донеслось несколько выстрелов. Стреляли в той стороне, куда проехал отряд. Федя взглянул на Эшбу, он решил, что они с красноармейцем тотчас кинутся к лошадям.

— Я видел, как в ту сторону отряд проехал, — возбужденно сообщил он. Но чекист не выразил никакой тревоги, только оглянулся на выстрелы.

— Я знаю... А дальше в горах ты огней не видел?

— Нет. Когда монах в крепости шуровал с огнями, от нас горы были скрыты развалинами, иначе я бы еще раньше обо всем догадался. Конечно, в горах эти сигналы принимают и дальше передают... так и идет по цепочке.

— Все верно. Молодец, соображаешь, — серьезно сказал чекист. — Будь у меня такой сын, я бы им гордился.

Спустя несколько минут они снова въехали в город. На углу Приморской улицы Эшба остановил коня:

— Простимся, дружище. Боец проводит тебя.

— Мне рано домой, — ответил Федя и соскочил с лошади.

— Ну и деловой ты парень, как я погляжу! — рассмеялся Эшба.

— Ты что, совсем не спишь? — с серьезным видом спросил красноармеец.

— Нет, вообще-то сплю... — Федя замолчал, потому что его спутники захохотали, раскачиваясь в седлах.

В это время на дороге появился давешний конный отряд. У одного из всадников голова была забинтована, его придерживал в седле ехавший рядом красноармеец. Конники двигались медленно: они конвоировали трех человек в штатском. На одном из арестованных была турецкая феска.

Ехавший впереди командир отряда, узнав Эшбу, свернул к нему и взял под козырек:

— Разрешите доложить...

— Отставить! Доложите в ревкоме, — прервал его чекист. Вместе с сопровождавшим его красноармейцем он присоединился к отряду.

Федя остался один. Утро наступило, и сердце его заняло от тоски. Что подумает о нем Асида, проснувшись в мрачных развалинах? Он не шел, а почти бежал к бухте, напрягая все силы. А сил было мало: в который раз за сутки проделывал он этот путь! Ко всему еще бессонная ночь и столько волнений.

В домах уже вовсю дымили очаги, в листве гомонили птицы. Отдохнувшие собаки осатанело лаяли Феде вслед, некоторые норовили вцепиться в пятки. Он отгонял их палкой.

Наконец он вышел на место, откуда открывались башня и берег бухты. Вокруг было тихо и пустынно, но в свете утра башня выглядела куда приветливее. Тревога за Асиду начала было оставлять Федю, как вдруг он вспомнил про выстрелы, услышанные под утро, про всадников и раненого красноармейца. Не помня себя, он сбежал к берегу, не раздеваясь, бросился в воду. Предчувствие не обмануло его. Асиды не было. Обследовав

узкое пространство суши, окружавшее башню, Федя обнаружил среди камней пустые револьверные гильзы. Они еще пахли порохом. Догадка его превращалась в страшную очевидность. Но что: похищена или убита? Она доверилась ему, а он...

Федя, как лунатик, сошел в воду, поднялся на берег и побрел в город. Глаза его застилал туман.

Когда до города осталось с полкилометра, утомление окончательно сломило его. Федя свернул с дороги и прилег в тени густолиственной орешины. Все тревожения этих суток дали себя знать — не прошло и минуты, как он уже спал.

Он проснулся от удара в лоб. Вскочил, огляделся. Рядом — никого. Тишина. Вдруг он уловил шорох над собой. Из глубины ветвей, посверкивая бусинками глаз, на него смотрела белка. В лапках она держала грецкий орех. Другой орех Федя увидел у своих ног. «Бог троицу любит», — усмехнувшись, мрачно подумал он.

Солнце прошло уже треть своего пути, когда он приближался к повороту на улицу, где жила Асида. На углу он вдруг столкнулся нос к носу с Аджином. В тоскливом взгляде Феде был вопрос, который он страшился задать.

— Крепись, — сказал Аджин, кладя руку ему на плечо. — В другой раз так спрячем, что она и дороги назад не найдет.

«О чем он толкует?» — подумал Федя. С трудом разжав пересохшие губы, он спросил: — Где Асида?

— Ты разве не знаешь? Дома, конечно: пришла утром, наелась и спать легла. От бабушки, говорит, привет вам... Это она матери и деду говорит, а со мной не разговаривает.

«Жива!» — Федя чуть не задохнулся от радости.

Аджин понял его состояние по-своему и продолжал горячо:

— Ну, я ей покажу, как джигита обманывать, обычаи нарушать! Украдена — сиди! — Он еще что-то возбужденно говорил, но Федя его почти не слушал.

Удивительно, как устроен человек, а в четырнадцать лет особенно. Минуту назад он готов был умереть от отчаяния, а теперь, при известии, что его избранница жива и невредима, мысли его приняли совсем другое направление. «Вот каковы эти женщины! Вот какова их награда за любовь и преданность! Как хорошо им было вместе минувшей ночью, а стоило ему отлучиться, она сбежала. Вещички тоже не забыла прихватить... Что там Аджин толкует — снова похищать? Нет уж, дудки!»

Так стоял он, упиваясь этими мыслями, разжигая в себе обиду, как вдруг за спиной друга увидел Асиду.

— Вот она, сама идет, — мрачно прервал он Аджина.

— А-а, идет, — отозвался тот со злорадством. — Сейчас узнает, что значит мужчина в доме, а то думает, если отца нет, так все ей сходить будет...

Асида между тем, увидев друзей, вдруг свернула с дороги так, что за выступом забора ее не стало видно.

— Видишь, боится, клянусь нашим скотом!

Асида вновь показалась на улице; она шла, опустив глаза, и что-то в ее поведении показалось Феде странным. Но что за расправу готовит ей Аджин? На всякий случай Федя попросил:

— Ты не очень-то... ведь слабое создание все же... Аджин стоял с торжествующей усмешкой на лице, скрестив руки на груди и пошевеливая пальцами отставленной босой ноги.

— Кец, кец^[51]! — приговаривал он негромко.

Асида приблизилась. Как ни странно, она не пыталась их обойти.

Дальше произошло и вовсе неожиданное. Аджин сделал шаг ей навстречу. Но раньше, чем он успел что-нибудь сказать, Асида распахнула бешмет и выхватила из-под него увесистый стебель кукурузы. Трах! Она взмахнула им как дубинкой и опустила на брата с

оглушительным треском. Тот опешил. Град ударов обрушился на его голову, плечи, спину... Удивительно, до чего ловко она действовала своим орудием!

Аджин наконец догадался броситься наутек. Следующий удар пришелся Феде по лбу. О, его бедный многострадальный лоб! Поистине это было уже слишком. Благо на этот раз Федя оказался проворнее Аджина и, не мешкая, бросился вслед за ним.

Он нагнал друга в конце улицы. Убедившись, что погони нет, они остановились, с трудом переводя дух. Потом оторопело уставились друг на друга.

— Ну и вид у тебя был... — сказал Федя и, корчась от смеха, сел на землю.

Аджин попробовал обидеться, но вместо этого упал рядом и, держась за живот, стал кататься по земле. Оба хохотали до изнеможения.

Сделав обстоятельный доклад о захвате пассажиров турецкой фелюги, чекист Воронец, командовавший операцией, спохватился:

— Да, ты знаешь, товарищ Эшба, ведь все дело могло завалиться.

— Это почему же?

— Приезжаем к месту засады, входим в башню, а в ней, представь, человек спит... и помещение обставлено, будто живут там.

— Ну и новости! Ведь ты перед этим обследовал место засады?

— В том-то и дело, что еще вчера никого не было! Слушай дальше. Я, конечно, первым делом подумал, что это кто-то из здешних встречать фелюгу пришел. Окружили. Поднимаю бурку, которой человек укрыт, и на тебе — девочка!.. Ну, подросток лет пятнадцати. Абхазка. Что ей там понадобилось — ума не приложу. Спрашиваю: кто такая? Она, понятно, испугалась сначала: как-никак мужики вооруженные кругом. Но отвечать — не отвечает. Пробовали абхазцы с ней по-вашему говорить, то же самое — молчит. А время идет, того и гляди, фелюга появится. Что делать? Решил ее к вам отправить. Не тут-то было! Она, как кошка, разъярилась: кусается, царапается... И все молча, замечь. Вот, видишь? — Чекист показал ладонь, на которой, и вправду, были свежие царапины. — Ну ладно, одолели, конечно. Пришлось для нее бойца выделить, Тихонова. Завернули в бурку и на седло к Тихонову посадили. Потом уж он рассказал, как дальше дело было.

Приехал с ней в город, и тут ее точно прорвало. На улице Красных Партизан она так заголосила, что конь под ним — на дыбы, собаки отовсюду сбежались. Такой тарарам поднялся, что боец с перепугу ее выпустил. Да и то, правда: что люди подумали бы... Ведь, следуя вашим обычаям, его бы на месте прирезали.

— И то, правда! — Эшба расхохотался. — А дальше что?

— Понятное дело: она наутек по улице, а он, не дожидаясь, пока народ сбежится, галопом ко мне.

— Ну и дела! А еще, говорят, абхазские женщины — народ забитый. Так и не знаешь, кто она?

Чекист пожал плечами.

— Ладно, бог с ней. Сейчас давай о деле поговорим. То, что арестованные — не контрабандисты, уже ясно. Кстати, видел мальчугана, который со мной на улице был? Он кое-что интересное разузнал... Вот она, необразованность наша.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что историю знать надо. Знаешь ли ты, к примеру, что еще в Древнем Египте люди между собой на дальние расстояния с помощью горящих костров связь держали?

— Нет, не слышал.

— А надо бы знать. В общем, дел у нас теперь будет предостаточно. Похоже, что ниточки, за которые мы ухватились, тянутся к монастырю. Для начала оденься попроще, чтобы на паломника смахивать, и на Святую гору поднимись: там тайник монашеский в крепости есть...

Воронец придвинулся к столу, и оба чекиста надолго углубились в разговор о предстоящей операции.

Глава XIV, о событиях печальных, в результате которых одно становится понятным, а другое усложняется

С того момента, как игумен подарил Василиду краски, для мальчика наступили необыкновенные дни. Будто вместе с красками, выдавленными на палитру, расцвел всеми цветами и окружающий мир. Природа, как бы увиденная заново, превратилась в постоянный источник радости и удивления. И занятие живописью стало бы единственным увлечением послушника, если бы события, происходившие в монастыре, не отвлекали его от этой страсти.

Недомогание отца Георгия, последовавшее за его приездом из Сухум-Кале, через несколько дней, казалось, прошло. Старец встал на ноги, но перемены в его внешности не сулили добра: волосы сплошь побелели, глаза запали, дышал он тяжело.

Среди рядовой братии царило уныние. Отец Георгий правил ею мягко и благодушно, подавая пример святости и бескорыстия. Проповеди его собирали тьму народа.

Как же случилось, что, вызывая всеобщую любовь, в это трудное время он оказался в окружении холодности и непонимания со стороны ближайших сподвижников? Шаг за шагом ему раскрывалась вся система обмана, опутывавшая его. Внешне все выглядело как прежде: прислушивались к каждому его слову, почтительно подходили под благословение, а за спиной творили черные дела. Его желание именем обители помочь голодающим натолкнулось на глухую стену недовольства.

Первое время отец Георгий особенно пугал Василида рассеянностью и отрешенностью взгляда, но по прошествии нескольких дней выражение его лица стало умиротворенным. Василид немало был удивлен переменой. Что за этим крылось?

Однажды мальчик вошел в приемную, когда игумен с большим усердием что-то писал. Подняв глаза от бумаги, он спросил:

— Как там, на митинге говорилось про кощея?

Детская память Василида хранила все.

— Это какой-то крестьянин выступал. Сидят, говорит, церковники на своих сундуках, как кощеи, в то время как народ христианский мрет от голода.

— Так и сказал?

— Так, владыко.

Игумен скорбно покачал головой:

— Ох, грехи, грехи! Ладно, ступай с богом. — Он снова потянулся к бумаге.

Пролетев сквозь кусты, закрывавшие вход в пещеру, где послушник устроил себе мастерскую, старец, конечно, был не в силах и судить об успехах своего подопечного мог лишь с его слов. Вот и сегодня они толковали о живописи, сидя рядышком в беседке по соседству с розарием. Наступившая зима давала себя знать: кусты стояли голые, земля под ними была усыпана увядшими лепестками. Розарий, казалось, одряхлел вместе с хозяином. Но все же благодатный климат побережья и в эти декабрьские дни одаривал людей райской погодой.

Созерцание природы чудесно преобразило лицо игумена: оно смягчилось и просветлело; нежность светилась в его взгляде, когда он обращался на Василида. Старец положил ему руку на плечо и, как бы продолжая свои мысли, сказал:

— Вижу, сыне, какой огонек горит в твоих глазах, когда о живописи толкуешь. Уж близок мой жизненный конец, скоро сам свою судьбу решать будешь. Поступай так, как подсказывают тебе сокровенные желания души.

Этим словам Василид изумился: сам настоятель подсказывал ему мысль покинуть монастырь.

Пользуясь благодушным настроением старца, Василид решил задать мучивший его вопрос:

— Что случилось в обители, святой отец? О каких деньгах все толкуют?

Отец Георгий после недолгого колебания начал говорить:

— Так случилось, что господь сподобил обитель особой милости. Будто с неба упало к нашим ногам изрядное сокровище: золото, серебро, драгоценности разные. Многие годы прошли с тех пор, и нужды в том богатстве пока не было, до сих пор лежит оно втуне. Но, кажется, пора то золото на доброе дело пустить... Не знаю, воля ли людская мешает, дьявол ли к этому делу руку приложил, а только нет у меня сил по-своему сделать. Достигнув последних часов жизни, вижу, что и сам грешен: не умел отличить друзей от врагов, истинных христиан от фарисеев.

Впервые игумен, говорил с послушником, как со взрослым.

После этого разговора настоятель совершил с мальчиком свою последнюю прогулку. На этот раз он вышел за пределы монастырских стен и обошел кладбище. Подолгу стоял возле могил: всякий ее обитатель уходил из жизни на его памяти. Подошел он и к часовне, где покоились останки его предшественника — первого настоятеля. Над ее входом были выбиты из камня посох и митра^[52] — высокие знаки христианской власти.

Лицо игумена было печально: понимал, что недолгий срок отделяет его от переселения в такие же тесные стены.

Два дня спустя у Василида появился новый повод для тревожных раздумий. С утра он был в келейной, выполняя мелкие поручения отца Георгия, а к полудню, отпущенный им, отправился в свой тайник, чтобы продолжить начатую картинку. Кроме того, у Василида на этот день было назначено свидание с Федей.

В начале парковой аллеи он натолкнулся на старого монаха — брата Платона. Несмотря на разницу в возрасте, оба благоволили друг к другу и при встрече рады были перекинуться словом. Брат Платон был освобожден от тяжелых послушаний и занимался починкой сетей. Вот и сейчас, примостившись в тени, он работал, напевая что-то стариковским дребезжащим тенорком. Василид присел рядом на траве.

— Как наш владыко себя чувствует? — спросил монах.

— Плохо ему, о смерти поминает.

— Жаль. Дай ему господи телесного здравия и душевного спасения. Я хоть и креплюсь пока, а тоже, видать, на этом свете долго не засижусь. Жаль только, что кости мои в чужой земле лежать будут.

Брат Платон был родом с Урала и всегда поминал этот край в своих рассказах.

— Если бы не нужда, я бы еще в миру пожил, — мечтательно продолжал он. — Пришлые люди говорят, что и вправду большевики помещичью землю крестьянам отдали. Будь я помоложе — дня бы здесь не остался.

— Чего так о мирской жизни сладко говоришь? Разве монастырская не хороша?

— Была хороша, да по будням изношена...

— Голодно, говорят, сейчас в миру.

— Ничего, со своей-то землицей народ скоро встанет на ноги, никакой голод ему не будет страшен. Только ты молчок, не то меня за такие речи живо из обители вон. А перед смертью с сумой бродить неохота.

— Что я, доносчик какой-нибудь?

— Вот и ладно. Скажи, как там наш казначей здравствует?

— Злой, аки пес.

Брат Платон хитро улыбнулся:

— Что, не любишь? И то сказать — злокозненный характер.

— Зачем ты о нем вспомнил?

— Да так... Я не ясновидец, а только смекаю, что не все ладно у нас в обители.

Владыко наш простоват малость, прости господи, и уж раз ты при нем состоишь, держи открытыми глаза и уши, с оглядкой все делай. У этого благочестивца-казначейя всюду свои люди есть, каждый шаг игумена у него на примете.

Послушнику стало не по себе. Теперь он и сам кое-что припомнил. Вот во время прогулок с настоятелем нет-нет, а рядом окажется фигура в рясе. А памятный разговор

игумена с казначеем? Ведь Евлогий тогда понял, что Василид все слышал. Какой взгляд метнул на него. Боже, а вдруг его подручные обнаружили тайник? Уж теперь-то надо быть начеку.

— Спасибо, брат Платон, — с чувством сказал Василид.

— Ладно, чего там... Иди, отрок, у тебя, небось, поважнее дела есть, чем со стариком лясы точить. — И он снова принялся за сеть, затянув вполголоса какой-то псалом.

Василид отправился в глубину парка. У поворота к своему тайнику он оглянулся. Что за притча! Неподалеку снова маячила фигура в рясе. Василид узнал его. Это брат Агавва, келья которого была по соседству с кельей послушника.

Василид сделал несколько шагов вперед и, когда ствол платана заслонил его от монаха, юркнул в кусты. Спустя минуту монах рысцой выбежал на аллею. Он топтался, озираясь, вид у него был растерянный, комичный, и Василид едва не прыснул в своей засаде — ловко он одурачил казначеевского прислужника. Но вслед за этим настроение у него испортилось: теперь он твердо знал — за ним следят.

Немного помедлив, брат Агавва побежал дальше.

В пещере Василид постепенно пришел в себя — запахи красок и лака действовали на него успокоительно.

Помещение за недолгое время приобрело жилой вид. Посередине стоял мольберт с незаконченной картиной, к стенам были прислонены остальные работы. Сознание того, что он один может распоряжаться здесь, побудило мальчика создать некоторый комфорт. В углу лежала небольшая козья шкура, на которой он мог прилечь в минуты отдыха; камни, служившие сиденьями, покрывали тряпицы. В трещины стен он вбил клинья и подвесил на них две полки: на одной лежали материалы для живописи, на другой — книги, раздобытые с помощью отца Георгия, преимущественно те, в которых было много иллюстраций. Кроме того, с разрешения игумена, Василид держал в мастерской кое-что из еды.

Федя мог прийти с минуты на минуту. Василид прибрал мастерскую и разложил вдоль стен картинки в том порядке, в каком собирался показывать их другу.

Василид давно не виделся с мальчиками. Сегодняшняя встреча была для него знаменательной: впервые он решился вынести на чужой суд свои живописные творения. Однако, боясь насмешек со стороны Аджина, он пригласил пока одного Федю.

Едва Василид закончил приготовления, как снаружи донесся стук упавшего камня: было условлено, что Федя отыщет провал в монастырской стене и, давая знать о своем приходе, бросит в него камень. Василид выбежал в парк и, взобравшись на стену, помог другу влезть на нее с той стороны. Потом провел его через кусты в пещеру.

От пещеры Федя пришел в восторг. Он всю ее обошел, все осмотрел. Только после этого Василид поставил на мольберт свою первую картину.

— Ух ты! — сказал Федя. С минуту он рассматривал ее, а Василид, замирая от волнения, стоял рядом. — Неужели сам рисовал? — спросил Федя.

— Сам, кто же еще...

— Здорово! — сказал Федя с глубоким убеждением. — Я так не смогу. А кто это рядом с медведем?

Василид покраснел от удовольствия.

— Это человек божий Алексей, он в лесу жил, к нему все звери ходили, любили его... Здесь он медведя кормит.

— Понятно. А где у медведя вторая задняя лапа?

— Как где? Она за первой спряталась.

— Как же она могла спрятаться?

— Вот чудак! Смотри! — Василид отошел на несколько шагов. — Если я боком к тебе встану, будет видна вторая нога?

— И правда, не видно, — согласился Федя.

На следующей картине была изображена лань с теленком у ручья. Теленок пил, а мать тревожно смотрела в сторону. Дальше следовали: рысь, притаившаяся на суку; караван ослов на горной дороге; кобылица с жеребенком, резвящимся на лугу.

— Ты и коней рисовать умеешь! — удивился Федя. — Слушай, взял бы и нарисовал красноармейца на коне, в буденовке, с саблей и пикой. Знаешь, как красиво может получиться!

— Ладно, я попробую. Только у меня люди хуже выходят.

— А ты людей учишь рисовать, с ними интереснее будет.

Друзья уселись на камнях.

— А вообще-то как дела? — спросил Федя. Лицо Василида опечалилось.

— Плохи дела.

— А что?

— Казначей на меня, видать, злобствует; если, не дай бог, что с отцом Георгием случится, съест он меня.

— Ты, Василид, потерпи. Пока время голодное, здесь отсидись, а там что-нибудь придумаем. По новому декрету попам запрещено детей воспитывать: если невоготу станет, всегда тебя можно забрать.

— А куда я денусь? Пропаду я в миру: кругом безбожники, смеяться надо мной станут.

— Да ты что! — горячо воскликнул Федя. — Мы с Аджином рядом будем — пусть только посмеют тебя обидеть!

Василид слегка повеселел:

— Ладно, там видно будет...

— А чего ваши попы не поделили? — спросил Федя.

— Не попы, а отец Георгий с святыми отцами, — поправил недовольно Василид. — Я же говорил, что отец Георгий хочет деньги на голодных пожертвовать, а Евлогий со своей шайкой тому противятся. По всему видать, замышляют что-то недоброе, смерти его жаждут. — Василид понизил голос: — Я тут кое-что узнал: деньги-то, о которых речь идет, — не просто деньги, а целое сокровище.

— Сокровище? — Федя насторожился.

— Да, сокровище, — повторил Василид, придав как можно больше значительности своему лицу.

— Может, пустяки какие-нибудь, безделушки?

— Как бы не так! С чего бы тогда сыр-бор разгорелся. Мне сам отец Георгий рассказал: золото, серебро, драгоценности.

— Откуда же оно взялось, сокровище?

— Этого он не сказал. Знаю только, что давно это было.

— А остальная братия про него знает?

— Сомнительно. Как я смекаю, оно даже не записано нигде, а так, само по себе хранится.

— Да, что-то здесь нечисто. А в ревком о нем знают?

— Нет, конечно.

— Вот здорово! — вскричал Федя. — Пойти в ревком да рассказать обо всем. Уж будь спокоен, там разберутся.

— Нет, ты не горячись. Может, отец Георгий по-своему повернет, он что-то замышляет против своих недругов.

— Ну ладно, подождем, — неохотно согласился Федя. Он говорил так, словно был уже причастен к делу. — Но ты следи за всем этим и, если что случится, мне сразу дай знать.

Василид спохватился:

— Следить, говоришь? Да за мной самим уже следят!

— Ишь ты... С чего бы это?

— Пока сам в толк не возьму. Может, на всякий случай, раз я при игумене состою.

— Вот и хорошо! Они за тобой, а ты за ними следи. Кто кого перехитрит.

Василид довольно улыбнулся:

— Я их теперь сколько угодно за нос водить могу. А когда надо будет, всегда убегу.

— Не очень-то хорохорься, будь осторожен. Святые отцы шутить не станут, если дело золота касается.

— И то, правда.

Василид стал собираться — пора было вернуться к игумену.

Федя бросил последний взгляд на картины послушника. В глазах его мелькнула какая-то мысль.

— Слушай, — помедлив, сказал он. — А ты бы мог с карточки портрет нарисовать?

— Тебя, что ли?

— Нет, не меня...

— Я же говорил, что людей еще плохо рисую.

— Уж как получится... Знаешь, чтобы тебе интереснее было, нарисуй ее с буйволенком.

— Кого ее?

— Потом скажу. — Лицо у Феде порозовело.

— Ладно, принеси карточку.

Василид проводил друга до монастырской стены. По дороге условились о ближайшей встрече.

Когда вихрастая Фебина голова скрылась за стеной, Василид поспешил в келейную. За разговорами прошло немало времени. Беспокойство за здоровье игумена вернулось к послушнику, и он попенял себе за долгую отлучку.

Но то, что его ждало, превзошло все опасения. У лестницы, ведущей к покоям настоятеля, толпились иноки. Они разговаривали вполголоса, тревожно поглядывая на дверь келейной. При появлении Василида все молча расступились. Вне себя от мрачного предчувствия он взбежал по лестнице и распахнул дверь. И тут, словно его в грудь толкнули: в келейной сидел Евлогий.

— Где тебя нечистый носит? — злым шепотом спросил он. — Владыко который раз уже спрашивал.

Василид рванулся было в покои.

— Стой, посиди пока здесь, доктор там.

Они молча сидели рядом. От такого соседства мальчику было не по себе. Наконец доктор вышел. Евлогий остановил его и стал расспрашивать. Василид проскользнул в спальню игумена. Уже в приемной пахло лекарствами. Отец Георгий лежал в постели, рядом сидел брат милосердия. При появлении мальчика отец Георгий тихо сказал:

— Брат Стратоник, оставь нас, выйди в келейную.

Монах подчинился, но от двери кинул подозрительный взгляд.

Игумен слабым движением руки поманил мальчика, и тот присел на место ушедшего.

— Что, хуже стало, святой отец?

— Да, брат, и рука левая отнялась, и нога. — Говорил он тоже с трудом и не очень внятно. — Теперь ясно, что близок мой конец. — Он движением руки остановил мальчика, когда тот хотел возразить. — Слушай, что я скажу. Так уж случилось: не знаю теперь, на кого мне, кроме тебя, положиться... — Он перевел дыхание. — Под головой у меня лежит письмо. Достань.

Василид приподнял с краю подушку и достал конверт.

— Так вот, — продолжил игумен, — спрячь его надежно, а как узнаешь о моей кончине, выжди момент, когда глаз за тобой не будет, и отнеси письмо в ревком. Постарайся отдать лично председателю. Известие, что в письме, его обрадует. А в обители пусть ни одна душа об этом не ведает... Все ли понял?

— Да, святой отец.

— Ну, вот и ладно, спрячь письмо. Храни тебя господь и пресвятая богородица. Уйду из этого мира со спокойной душой. — Он с нежностью смотрел на мальчика. — Будешь обо мне помнить?

От его слов на глазах у Василида выступили слезы.

— Буду, вечно буду помнить и в молитвах поминать, — прерывающимся голосом ответил Василид. — Благословите и простите, если не угодил чем-нибудь.

— Благослови тебя господь и пресвятая богородица! Веди его, господи, на путях твоих. Прощай, сын мой. — Он притянул мальчика к себе и поцеловал. Затем последним усилием перекрестил его. Вслед за этим рука его бессильно скользнула по одеялу, взгляд начал тускнеть. Он впадал в беспамятство.

Сзади, без стука открыв дверь, вошли казначей и брат милосердия. Евлогий взял Василида за руку и вывел за дверь. Слезы застилали мальчику глаза.

В приемной сидел прибывший из Сухума иеромонах Николай, избранный умирающим в духовные отцы и исповедники.

Василид вышел на галерею. Свежий воздух немного придал ему сил и заставил вернуться к мысли о последнем поручении отца Георгия. Необходимо было поскорее спрятать завещанное письмо. Мысль о тайнике в парке мелькнула в уме мальчика, но ее пришлось отогнать: уходить в такую минуту — значило вызвать подозрение, а заодно и слежку.

Василид направился в свою келью. Она сохранилась за ним с тех времен, когда он еще не был послушником у игумена.

У поворота галереи мальчику вдруг преградил дорогу пьяный инок. Это был брат Иван, получивший среди братии прозвище Бурдюк. О том, что он лентяй и выпивоха, известно было всем, но напиться в тот час, когда игумен лежал на смертном одре, — это ли не святотатство! Испытывая брезгливость, Василид хотел обойти его, но Иван-Бурдюк обнял его за плечи и, толкая мальчика в соответствии с колебаниями своего непослушного тела, зашептал:

— Не гневись, отрок, пожалей грешную душу — спрячь в своей келье, а то до своей не добраться.

Василид устремился было вперед со словами:

— Не до того мне, брат Иван, отец Георгий помирует. Хочу один быть.

Но монах еще крепче вцепился в него.

— Выручи, не бросай одного, вместе помолимся за спасение души нашего владыки, — бормотал он. Рука его скользнула по груди мальчика, под рясой хрустнула бумага. Василид судорожно вырвался из объятий монаха и припустил бегом по галерее. Он вбежал в свою келью, плотно прикрыл дверь, прислушался. К счастью, пьяный отстал. Да и был ли он пьяным?

Василид упал на кровать и, переводя дух, лихорадочно соображал, куда спрятать конверт с письмом.

Келья его была малюсенькой: в ней умещались лишь кровать да столик с табуреткой. Еще в углу стоял аналой^[53] с Библией на тканой абхазской скатерке, над ним киот^[54] из пяти-шести икон. Взгляд Василида привычно остановился на лике Спасителя. Он встал на табуретку и засунул конверт за икону: уж кто, как не Христос, поможет ему в благом деле.

Однако беспокойство не оставляло мальчика. Он вспомнил, что в углу под кроватью одна из каменных плит пола расшаталась. Сдвинув кровать, он поднял плиту. О таком тайнике можно было только мечтать. Василид достал конверт из-за иконы и положил под плиту. Щели между плитами тщательно засыпал мусором. Вслед за тем он вдруг почувствовал ужасную слабость.

За окном стемнело. Василид лег и отдался горестным мыслям. Только сейчас он понял, как тихо и безмятежно протекала его жизнь в обители. Особенно благополучными были два последних года, когда его пригрел вниманием игумен и взял к себе в келейники. Из-за своей привязанности к мальчику отец Георгий прощал ему мелкие слабости, погрешности

в учебе и послушании. Его не обременяли тяжелой работой; монастырские трапезы были вкусны и обильны. Даже сейчас, когда кругом было так голодно, братия не испытывала нужды в еде.

А что ждет его теперь? Казначей не оставит его в покое. Куда деваться, если жизнь в обители станет невыносимой? Одно утешение — рисование, но ведь его занятие перестанет быть тайной, и тогда не миновать беды. Василид вспомнил Федю и Аджина, и у него потеплело на душе. Хорошие друзья. Но и они не в силах изменить что-нибудь в его судьбе. Со смертью отца Георгия он останется один-одинешенек на всем белом свете.

Мало кто спал этой ночью в обители. Часть братии была занята на келейном правиле^[55]; в два часа ночи редкие удары колокола призвали другую часть иноков на всенощную. Многие скорбели в преддверии печального события, но были и такие, что радовались и строили новые планы.

Глубокой ночью Василид забылся, наконец, в беспокойном сне. Пробуждение было горестным. Редкие удары большого монастырского колокола, одинокие и протяжные, возвестили о том, что душа настоятеля отошла в иной мир.

Вся братия уже поднялась на ноги, и вскоре огромная монастырская площадь заполнилась скорбной черной толпой.

Печальное событие скоро облетело епархию, и в тот же день для прощания с усопшим в обитель начало съезжаться высшее духовенство. В четырех монастырских церквях и храме начались поминальные службы, в кельях — моления.

Тело усопшего положили на стол, покрытый черным бархатом, в приемной настоятельских покоев. К тому времени, когда Василид пришел туда, возле тела собрались все члены духовного совета и приезжее духовенство. Ждали прибытия архиерея.

Василид проник в приемную с трудом: дежуривший в келейной монах пропустил его лишь после долгих уговоров и слез. Как скоро мальчик почувствовал перемену в своем положении!

Отец Георгий лежал со сложенными на груди руками, в изголовье горели свечи; от их колеблющегося света по лицу умершего двигались тени. Василид сдерживал рыдания, и слезы беззвучно катились по его лицу. Евлогий, склонившись к приезжему священнику, фарисействовал так, чтобы слышали все:

— Лишились мы своего владыки, доброго пастыря, положившего душу свою за овцы своя. Как-то переживем мы это горе, каково-то пастве без него будет. Упокой душу его, господи!

Теперь, когда опальный владыка не был опасен, ему устроили торжественные похороны. Они состоялись на следующий день. Тело отца Георгия положили в гроб и перенесли в собор. Здесь были отслужены обедня и панихида. В соборе ярко раззолоченный иконостас переливался в свете паникадил и сотен свечей; снаружи доносилось неустанное гудение колоколов, внутри воздух дрожал от раскатов монастырского хора. Василид едва выстоял службы: от всех переживаний и духоты болела голова.

После погребения он еще долго с безутешным видом стоял у часовни. Теперь он остался один.

К Василиду подошел брат Платон и, взяв за руку, почти силой увел от часовни.

— Крепись, сыне, — говорил он. — Настал для владыки час, которого никто не минует. С мертвыми не умирают, говорят. Утешься, о себе подумай.

Расставшись с добрым монахом, Василид отправился к тайнику, чтобы там погоревать в одиночестве. Однако стоило ему оглянуться, как за спиной он опять увидел брата Агаву. Господи, в такой день его не оставляют в покое!

Лишний раз рисковать не стоило. Поэтому Василид погулял по парку и пошел в келью.

На площади, на галереях монастырских корпусов толпились группами монахи. Братья обсуждали печальное событие, гадали о том, кто будет преемником умершего владыки.

Василид пропустил обеденную трапезу и вплоть до вечерней службы не покидал кельи. Мысли его сосредоточились на том, как переправить в ревком завещанное игуменом письмо. Надо было проявить немалую изобретательность, чтобы ускользнуть от казначейского соглядатая и вернуться назад незамеченным. Какой же момент для этого выбрать?

Василиду вдруг захотелось убедиться, что письмо на месте. Он выглянул за дверь — никого. Он отодвинул кровать и поднял плиту. Конверта под ней не было.

Глава XV, рассказывающая о том, какой выход можно найти из безвыходного положения

Василиду хотелось выть и биться головой о стену, но он лишь метался по тесной келье, проклиная себя за неосмотрительность. К переживаниям мальчика прибавился еще и страх: можно было не сомневаться, что его участие в деле, направленном против интересов казначея, не пройдет ему безнаказанно. Василид бросился на кровать и уткнулся головой в подушку.

Прошло немало времени, прежде чем он обрел способность думать. Может быть, все не так ужасно? У него есть выход — пойти в ревком и рассказать о письме председателю. Но это не так-то просто: одно дело — отдать письмо и уйти, другое — беседовать с незнакомыми людьми в месте, проклинаемом обителем. А что ждет его по возвращении? От казначея пощады не жди: Василид слышал, с какой ненавистью говорил Евлогий о новой власти. И вообще, что дальше? Во всяком случае, надо быть начеку: слежку за ним не ослабят. В конце концов, он решил не предпринимать ничего до тех пор, пока не увидит Федю. Ведь ему можно будет поручить пойти в ревком — у него и отец там работает. Эта мысль немного успокоила Василида. Свидание с другом у него было условлено на послезавтра.

На следующий день, отстояв заутреню, он, движимый тоской, оказался в уголке парка, где они с отцом Георгием провели столько тихих, блаженных часов. Голые растрепанные розовые кусты, за которыми так любил ухаживать старец, вид скамьи, на которой он недавно сидел, так подействовали на Василида, что он снова, в который уже раз стал плакать.

Посидев немного в беседке, он успокоился, достал припрятанный под скамейкой сухой корм и покормил рыбок. Потом отправился в келью.

За ним продолжали следить все тем же недреманным оком. К брату Агавве присоединился еще один инок. Стоило мальчику покинуть келью, как кто-нибудь из них уже маячил невдалеке. С ума сойти: можно подумать, у них дел других нет. Василид старался не смотреть в их сторону, пусть думают, что он не замечает слежку, — в нужный момент легче будет улизнуть.

Как-то, задумавшись, он проходил под аркой, служившей выходом из сада, и вдруг нос к носу столкнулся с отцом казначеем. Все сжалось у него внутри. Он отвесил Евлогию поясной поклон и хотел было пройти мимо, но тот остановил его:

— Стой, отрок! Отвечай, почему заутреню пропустил?

— Я был на службе, уже после заутрени в сад пошел.

Евлогий смотрел мимо него тусклым взглядом и, словно не слыша, спросил:

— Отец Рафаил, был ли сей послушник в храме во время заутрени?

Василид и не заметил, как рядом оказался уставщик.

— Нет, владыко, не был, — заявил он с готовностью. Василид стоял, тараща глаза от изумления: ведь кто-кто, а отец Рафаил видел его во время службы.

— Устав нарушаешь да еще и старших обманываешь, — продолжал казначей. — Думаешь, если игумена нет, так все с рук сойдет? Не надейся. Назначаю тебе епитимью: впредь до моего указа будешь сидеть в келье. Выучишь молитвы Макария Великого — третью и четвертую, а еще псалом двадцать второй. Отец Рафаил, глаз не спускай с него, чтоб, oprичь кельи, только к заутрене да к вечерне в храм выходил. В остальные часы

никуда ни ногой. И чтоб к нему никто не ходил. Пусть на хлебе и воде посидит, отмаливает содеянное.

Не взглянув больше на мальчика, он отправился дальше. Василид поплелся к себе. Идущий следом отец Рафаил болтал без умолку, изо всех сил разыгрывая сочувствие. Но перед входом в келью предупредил:

— Так слышал? Только в храм можешь отлучаться.

Новое несчастье совсем сломило Василида. Он сел на кровать и тупо уставился в угол. Потом лег. За дверью иногда слышались шаги, кто-то ходил по галерее. В два часа пришел монах, принес в кружке воды и краюху черного хлеба.

Дверь кельи, согласно заведенному порядку, не запиралась ни изнутри, ни снаружи: жизнь иноков должна быть на виду.

Сейчас Василид задумался над этим. Хорошо это или плохо? — запереться нельзя, зато выйти можно.

Вечером Василид отстоял службу в храме. Присмотревшись, он сделал вывод, что здесь за ним не следят. Видно, его соглядатаям не приходило в голову, что он может сбежать во время службы. Это было неплохим открытием, особенно если учесть, что завтра предстояло свидание с Федей.

К заутрене он пришел одним из первых в расчете на то, чтобы его увидели в храме, но к началу службы занял место за колонной, подальше от алтаря. Служба началась. Простояв минут пять, он осторожно огляделся. Шпионов не было видно, уставщик стоял далеко впереди. Тогда мальчик, пятась, отошел назад и за спинами монахов выскользнул из храма. Завернув за угол и убедившись, что следом за ним никто не вышел, он припустил бегом в глубину парка, к тайнику.

Федя уже был здесь. Он встретил Василида радостным возгласом, но вид приятеля испугал его: лицо осунулось, взгляд настороженный, поминутно оглядывается, словно ждет погони.

— Что с тобой? — спросил Федя. Участие в его голосе так подействовало на Василида, что он вдруг разрыдался.

Федя не на шутку встревожился, обнял друга за плечи:

— Ну будет тебе, будет... Он ведь старенький был.

Он заставил друга подойти к ручью, напиться, умыть лицо.

Волнуясь, всхлипывая, Василид стал рассказывать Феде о прощании с покойным, о завещанном им письме и его исчезновении, о всех злоключениях последних дней.

— Да, с письмом ты сплеховал! — сокрушенно сказал Федя, когда послушник закончил свой рассказ.

— Да разве за их хитростью угонишься. Видно, очень важно им было то письмо заполучить.

— Как же теперь быть?

— Мне из обители выйти никак нельзя, пойдешь ты в ревком, все расскажи. Только про меня лучше не поминать, а то мне здесь худо будет.

Федя обрадовался такому предложению и мысленно горячо поблагодарил друга. Но... не слишком ли просто — ограничить дело тем, что рассказать обо всем в ревкоме? Таков уж был его характер, что он постарался извлечь максимум интересного из этого многообещающего дела. Осторожно он начал так:

— Я, конечно, пошел бы, только давай поразмыслим. Приду в ревком, расскажу. А кто мне поверит? Ведь письма-то нет... И ты просишь имени твоего не упоминать. Но даже если тебя спросят, много ли ты знаешь? Я не сомневаюсь, что эти жадюги-монахи как следует добро припрятали. Отец говорил, что с церковниками приходится осторожными быть, они и без того на каждом углу кричат, что Советская власть их притесняет. Если обыск сделают, да золота не найдут, знаешь скандал какой поднимется! А мы с тобой и вовсе оконфузимся. Давай еще подождем: чуется мое сердце — этим дело не кончится. Ты приглядывайся, прислушивайся ко всему, может быть, еще что-нибудь выведать

удастся... Слушай! Может случиться, что монахи постараются сокровища перепрятать. Могут даже в горах закопать, если хочешь знать. Если тебе удастся что-то разнюхать, то я... мы с Аджиним проследим, где они клад захоронят. Коли они на это дело пойдут, значит, решили от властей сокровища утаить. Тогда можно смело к этому делу ревком привлекать. Смекаешь?

Василид с беспокойством глядел на друга. Усложнять события не входило в его планы — ему и без того было несладко.

— Боюсь, как бы чего худого не вышло. Я же толкую тебе — под надзором нахожусь. У меня и сейчас душа не на месте от того, что из храма сбежал. Если меня поймают на этом, то и вовсе под замок засадят.

— Авось не засадят: осторожнее будь, смекалистей! — Страх не покидал Василида, и Федя продолжал запальчиво: — Рискни! У всех, кто с сокровищами связывался, всегда была жизнь, полная опасностей. В конце концов, если больше ничего не узнаешь, то в ревком мы всегда сообщить успеем.

— Ладно, — сказал Василид. — Да поможет мне бог!

— Сам не плошай!

«Господи!» — думал Василид. Мог ли он еще неделю назад предполагать, что решится вступить в борьбу с шайкой всесильного казначея! В то же время душа его обрела некоторое утешение: вдвоем нести ответственность было не так страшно. Не хотелось возвращаться в обитель. Пересиливая себя, он встал.

— Пойду я, а то служба кончится — хватиться могут.

Перед расставанием Федя сказал:

— Я тебя каждый день в это время ждать буду. Если что узнаешь — сразу сюда... Я тебе и поесть принесу.

Они расстались. Послушник возвращался с опаской, но все обошлось благополучно. Служба еще не кончилась, и он незамеченным проскользнул в храм, а потом вышел вместе с братией.

В этот же день, под вечер, его навестил брат Платон. Он подошел бесшумно и постучался тихо, а войдя в келью, высунул голову за дверь и оглядел галерею — не видел ли кто.

— Как живешь-можешь, отрок? — спросил он.

— Да вот, грехи отмаливаю.

— А я шел мимо, дай, думаю, зайду. Гостинца захватил. — Он поставил на стол узелок: — Спрячь, а будет охота — поешь.

Василид растерянно улыбнулся:

— Грех ведь, епитимья на мне...

Старец отмахнулся:

— И думать не думай — вкушай во здравие. Ишь, чего придумали — отрока на хлеб да воду сажать! Тебе в твои годы вредно поститься. За что посажен-то?

Василид замялся: у него появилось большое искушение поделиться со стариком своими заботами.

— Слушай, брат Платон. Покойный отец Георгий перед кончиной наказал мне доброе дело выполнить. Я одну промашку уже совершил. Теперь, чтобы дело поправить, может понадобится из обители отлучиться. За мной давно уже следят, а теперь еще из кельи не велено уходить. Сам посуди, каково мне...

Брат Платон внимательно слушал, сочувственно покачивая головой. Немного помолчав, ответил:

— Воля покойного свята, грех ее не выполнить. Не горюй, может, вместе что-нибудь и придумаем. Я тебя тайно навещать буду. А пока прощай. Благослови нас господь на доброе дело.

В узелке оказался порядочный кусок рыбного пирога с румяной корочкой, ломоть белого хлеба, несколько грецких орехов и даже горшочек с медом. После черного хлеба и

воды все это было немалым утешением, и мальчик немедля принялся за еду. Кое-что он, однако, приберег на утро.

Во время вечерни Василид снова встал за колонной. В храме было три придела^[56]. С места, где он стоял, все они хорошо просматривались.

Василид молился исправно: крестился и кланялся, но глаза его не упускали ничего из того, что происходило в храме. Так он и усмотрел необычность в поведении уставщика.

Отец Рафаил, вопреки обыкновению, не стоял на месте, а не спеша передвигался по храму. Вот он встал возле отца келаря^[57] и что-то шепнул ему, потом оказался рядом с другим членом монастырского совета. Так он обошел все три придела, успев предупредить о чем-то всех, кто ему был нужен, и незаметно для всех, кроме Василида, вышел из храма. Василид продолжал наблюдать. Немного погодя, те из монахов, с кем шептался уставщик, тоже по одному потянулись к выходу.

Василид набрался храбрости и, когда последний из чернецов покинул храм, выскользнул следом за ним.

На дворе уже смеркалось. Выглянув из-за угла, мальчик увидел, что монахи скрылись в игуменских покоях. Василид поднялся на галерею и встал в полутемной нише недалеко от келейной. Было слышно, как дверь келейной заперли изнутри.

Волнение все больше овладевало Василидом. О чем они там говорят? Что замышляют? Все собравшиеся были доверенными людьми Евлогия.

Сердце у Василида учащенно билось. Дело было в том, что никто не хватился отобрать у него после смерти игумена ключ от келейной. Василид сам испугался этого открытия и теперь стискивал ключ в кармане рясы. Дверь в настоятельские покои впредь до назначения нового игумена оставалась запечатанной, и разговор мог происходить только в приемной. А из келейной, проникни он туда, будет видно и слышно все.

С минуту Василид стоял, раздираемый страхом и долгом. Потом решился. Дверь была знакома, и открыл он ее без шума, но от страха у него подгибались колени.

— Брат Иван, хорошо ли запер дверь? Что-то ветром потянуло... — Это было первое, что он услышал, оказавшись в келейной. Василид помертвел от ужаса и вынужден был прислониться к стене, чтобы не упасть.

— Не беспокойся, святой отец, запер надежно, — услышал он вслед за этим.

Василид пересек келейную и замер у окошка в приемную. Сборище возглавлял казначей.

У него хватило такта не занять место покойного игумена — он сидел в начале стола, ближе всех к двери, и Василид его хорошо слышал.

— Братия, буду краток, — начал Евлогий. — Те, кто здесь, знают: милостью господней обитель наша оказалась владелицей больших ценностей. Было это давно, и с тех пор их количество приумножено нашими трудами. Не секрет — все мы связаны круговой порукой, все знаем, как умножалось наше достояние. С превеликим тщанием хранили мы его по сей день, несмотря на трудности. Но в последнее время что-то много развелось охотников до нашего добра. От одной опасности мы, благодарение богу, недавно избавились. Вы знаете, что игумен хотел передать ценности в руки ревкома. Не сумев склонить нас на это богопротивное дело, оставил он посмертное письмо для председателя местной власти. Усилиями верных людей я заполучил это письмо. Не исключено, что обо всем этом кое-кто знает и слухи могут достичь ушей ревкомовцев. Кроме того, мною через доверенных лиц получено из Москвы весьма тревожное известие: все излишки церковных и монастырских ценностей подлежат конфискации в пользу голодающих Поволжья. Не знаю, дошел ли декрет до здешнего ревкома, — если нет, то дойдет в ближайшие день-два. Возможно, власти произведут обыск, пребывание нашего достояния в обители опасно. А посему предлагаю вывезти его и запрятать подальше от чужих глаз. В горах. — Евлогий замолчал и оглядел собравшихся.

— Благослови тебя господь за столь мудрое решение, — сказал отец келарь. — По правде говоря, давно надо было так сделать...

Казначей переждал разговоры и продолжал:

— Братья, мы с отцом Рафаилом уже составили план — сами понимаете, время не терпит. Отец Рафаил и возглавит караван в горы. Пока лишь он знает о месте, где будут захоронены наши ценности, остальные узнают его по прибытии. Отца Рафаила пошлем якобы на съезд в соседнюю епархию, а об остальных скажем, что ушли в горы заготавливать лес.

И это решение братья сочли весьма мудрым.

— Спрячете наше достояние, а сами направитесь в Черкесию, там, у верных людей найдете пристанище, — продолжал казначей. — Все говорит о том, что недолгими будут дни нынешней власти; снова расцветет обитель, и все причастные к нашему замыслу в накладе не останутся. Еще вот что прибавлю: дело предстоит нелегкое, вчетвером вам не справиться — придется взять еще, по крайней мере, двоих монахов из рядовой братии. Людей я наметил вроде бы проверенных, но мало ли что... С вашей стороны нужен глаз да глаз.

После паузы Евлогий произнес медленно, отдельно:

— Настал час, когда вы должны проявить верность господу и нашей святой обители. Горе тому, кто в одиночку посягнет на наше общее благо — кара не замедлит сказаться на отступнике. Во избежание огласки выступите сегодня же ночью.

Василид выскользнул на галерею. Ему повезло: служба в храме как раз кончилась и он, смешавшись с толпой расходившихся иноков, благополучно вернулся в келью. Он не мог прийти в себя от услышанного. Как же известить обо всем Федю? Отлучиться ночью из монастыря — такого еще не бывало. Не говоря о том, что дорога в темноте нагоняла на него страх, а обитель после вечерней трапезы усиленно охранялась.

Но оказалось, что это еще полбеды... На галерее вдруг послышались шаги, дверь распахнулась, и в келью стремительно вошел казначей. Вид у него был до крайности возбужденный. За его спиной маячил уставщик.

— Ключ от келейной игумена у тебя? — громко, еще с порога спросил Евлогий.

Василида прошиб холодный пот: с ужасом он вспомнил, что не запер дверь келейной.

— Отвечай, щенок!

— У меня, святой отец... — Послушник с трудом разжал побелевшие губы. Достал ключ из кармана и протянул казначею.

— Где ты был сейчас? — спросил казначей, сверля его бешеным взглядом.

— Я... службу стоял.

— Я видел, он в храме был, — вставил, на его счастье, отец Рафаил.

— А ключ у тебя кто-нибудь брал? — спросил несколько спокойнее казначей.

— Нет, святой отец.

В течение целой минуты Евлогий не спускал с него подозрительного взгляда, наконец, пробормотал:

— Что за притча? — Потом спросил: — Почему ключ отцу эконому не сдал после кончины настоятеля?

Василид чуть приободрился:

— Забыл. Никто не спрашивал, я и забыл.

— Ну, смотри, отрок! — Казначей вышел, хлопнув дверью. Василида била дрожь. Чтобы немного успокоиться, он прилег на кровать. Минуту спустя пришел монах с ужином.

— Что это на тебе лица нет? — спросил он.

— Нездоровится, пройдет, — слабо отмахнулся мальчик. Монах вышел. До сих пор Василиду не доводилось разговаривать с ним. Знал только, что зовут его Савелием и что он заядлый картежник.

Братия отужинала и, разойдясь по кельям, готовилась ко сну. На монастырской площади зажглись редкие фонари; зажегся фонарь и за окном Василида. Келья находилась на втором этаже, и окно выходило в укромный уголок, образованный выступом в стене. В

этом уголке внизу Василид соорудил скамеечку; он сидел, бывало, на ней, когда духота выгоняла его из кельи. По сторонам скамейки росли два куста вечнозеленой японской глицинии. Ее побеги, увидев стену, достигали крыши.

...Какое-то движение за окном привлекло внимание Василида. Он взгляделся. В тени здания прохаживался Савелий. Не в качестве ли стража он здесь торчит? Следовало проверить. Василид открыл дверь и вышел на галерею.

— Ты чего там? — сразу же послышался оклик.

— Душно... Подышать хотел.

— Не велено, сиди в келье.

Василид вернулся в келью. Только этого не хватало!

Горная тишь опустилась на обитель. Черные кипарисы, точно монахи в рясах, караулили ее.

За окном вдруг послышался знакомый голос: к монаху-стражнику подсел брат Платон. Разговор их был слышен. Впрочем, приятель Василида говорил, пожалуй, нарочито громко.

— Ты чего тут засиделся? — спросил он.

— Сижу не по своей воле, — ответил Савелий.

— Послушание, что ли, какое выполняешь?

— Вроде того...

— Чудеса! — резюмировал брат Платон. — Только скучно, поди, так-то сидеть? Не спится что-то. Пойдем, в саду погуляем, споем тихонько.

«Не для меня ли старается? — подумал Василид. — Неспроста он здесь оказался».

Припав к окну, скрытый от монахов листьями глицинии, мальчик обратился в слух.

Но ответ Савелия отнимал всякую надежду:

— Я отсюда ни ногой.

Брат Платон зевнул, после паузы сказал:

— Звали в карты играть, да я этого греховного дела не люблю.

В голосе Савелия появилась нервозность:

— Уж больно ты свят, как я погляжу... А во что собираются играть?

— В пульку... Говорят, четвертого не хватает.

Савелий поднялся со скамьи, потом снова сел.

— А у кого собрались?

— В келье Паисия... или у Севастьяна.

Савелий придвинулся к брату Платону и понизил голос:

— Слушай, а если я отлучусь? Будь другом, посиди за меня.

— А чего я тут не видел? — с неохотой отозвался брат Платон.

— Отрока Василида знаешь? Он здесь сейчас, — Савелий указал рукой на окно. —

Отец Евлогий наказал, чтобы его из кельи ни под каким видом до утра не выпускать.

— С чего бы это?

— Не нашего ума дело. Ты Евлогия знаешь: если отрока не укараулю, казначей мне голову оторвет. Понял?

— Как не понять... Ладно, ступай. У меня не то что человек — мышь не прошмыгнет.

— Сначала проверю, как он там.

Василид быстро, не раздеваясь, юркнул под одеяло. Минуту спустя за дверью послышались шаги, и дверь открылась. На пороге стоял Савелий. Было темно, и лицо его только смутно белело в проеме.

— Отрок, ты спишь, али нет? — спросил он громко. Василид молчал; сердце колотилось так, что, казалось, кровать вздрагивает от этих ударов.

Несколько мгновений монах прислушивался, потом закрыл дверь. Под окном старец Платон уже затянул какой-то мотивчик.

Выждав с минуту, Василид поднялся и выглянул в окно. Фигура монаха удалялась и скоро растаяла в темноте двора.

— Боже, помоги! — вслух сказал Василид и вышел на галерею.

Брат Платон встал со скамейки и приблизился. Перегнувшись через перила, громким шепотом Василид произнес:

— Спасибо, брат Платон, век не забуду твоей доброты.

— Ладно, чего там... Только возвращайся поскорее, сынок, а то до каких пор я этому дурню Савелию буду голову морочить.

Под сводами галереи было темно, и Василид миновал ее без опасения быть увиденным. Но, спустившись с лестницы, он оказался в свете фонаря. По освещенному пространству нужно было пройти вдоль всего корпуса трапезной. У монастырских ворот маячила фигура вратаря, а на противоположной стороне площади, где помещались обительские службы, чудилось движение. Но там царила глубокая тень, и рассмотреть что-либо было невозможно: наверно, шли приготовления к походу.

Василид постоял несколько минут, выжидая. Вратарь скрылся, наконец, в сторожке. Василид собрался с духом и побежал. За углом он нырнул в темноту между зданиями, подбежал к стене, в один момент вскарабкался на нее и спрыгнул по другую сторону. То, что на руке сорван ноготь и расцарапаны колени, он почувствовал позднее. Теперь он изо всех сил бежал вдоль монастырской стены, пока не оказался на дороге.

На набережной попадались редкие прохожие, из духанов доносились голоса.

В окнах ревкома еще горел свет, и в какое-то мгновение Василид чуть было не свернул туда. Но уговор с Федей не выходил из головы, а часовой с винтовкой и вовсе отпугнул его.

В конце набережной Василид свернул в гору. В маленьких, тянущихся вверх улочках было темно, кругом ни души, только лай собак сопровождал его.

Лишь однажды издалека Федя показал ему свой дом, и было чудом, что сейчас в переплетении улиц Василид сумел отыскать его. Ориентиром служила семейка из трех молодых кипарисов.

Собаки в доме не было. Василид перелез через каменный забор и огородом подобрался к открытому окну. Ему повезло — у окна стояла Федина кровать.

Он перенулся через подоконник и стал трясти друга:

— Вставай, это я, Василид...

Федя приподнялся на локте, вгляделся.

— Василид? Случилось что? — Федя соскочил с кровати и, покопавшись в глубине комнаты, засветил керосиновую лампу. — Влезай сюда, один я.

Он помог приятелю одолеть подоконник; задышавшись от волнения и усталости, Василид выдохнул:

— Вывозят! Этой ночью вывозят!

— Что вывозят?

— Сокровища!..

— Как узнал?

Коротко и сбивчиво Василид рассказал о сговоре монахов. Федя слушал, восторженно тараща глаза.

— Здорово! Вот это здорово!

Поспешно одеваясь, он продолжал:

— Ты возвращайся в обитель, чтобы монахи не хватились, а мы с Аджином будем караулить их. Выследим, куда они сокровища спрячут, а потом вместе решим, как быть дальше.

— А может, не надо рисковать? Может, лучше пойти вместе в ревком и рассказать все?

— Ну, нет! — воскликнул Федя. — Это совсем не то!.. Придем в ревком, а там нет никого. Пока соберутся, то да се, монахов и след простынет. Это раз. Но даже если вовремя успеют в обитель, то отобрать сокровища не имеют права — сам же ты говорил, что декрет еще не вышел. Монахи от всего отпираться станут, такая канитель начнется! Смекаешь? То ли дело, выследим и сами посмотрим. Монахи наверняка устроят клад в

пещере; откроем мы пещеру — а там всего до черта! — сундуки с драгоценностями, бочонки с золотом!.. Привезем все это в ревком, выложим — нате вам, пользуйтесь! Представляешь?

Он говорил с такой страстью, что Василид и на этот раз согласился. Но при мысли о возвращении в обитель у него защемило сердце.

— Возьмите и меня, — попросил он дрогнувшим голосом.

— Пойми, нельзя тебе сейчас исчезать из монастыря, — участливо сказал Федя, — ведь если тебя там не окажется, Евлогий сразу смекнет, в чем дело. Ты уж дотерпи как-нибудь, а я, как вернусь, вызволю тебя.

Василид смирился.

Федя уже успел одеться. Хотя на дворе было тепло, в последний момент он догадался взять старое пальтишко. Со времени приезда в эти края он его ни разу не надевал и теперь обнаружил, что успел основательно вырасти — пальто было выше колен. Из съестного под рукой оказалась лишь кукурузная лепешка, которую он и сунул за пазуху.

Чтобы не разбудить хозяйку, выбрались через окно. До набережной шли вместе. Оба торопились.

— Страшно мне за тебя, — сказал Василид. — Не дай бог попасться этим разбойникам в руки. У них наверняка и оружие есть. Верховодить в походе будет отец Рафаил — уставщик наш. Это очень опасный человек, правая рука Евлогия.

— Какой он из себя? — спросил Федя.

— Маленький, невидный, а глаза хитрющие.

У начала набережной остановились. Здесь предстояло расстаться: Федя шел за Аджином, Василид возвращался в обитель.

Тревога вдруг коснулась Федино сердца. Ревком был рядом, в одном из окон еще горел свет. Но жажда приключений все же победила.

— Ну, пока, — сказал Федя. Он легонько обнял друга за плечи. — За нас не беспокойся, сам будь осторожен. Главное — в обители не проговорись обо всем, что знаешь. Если совсем туго придется — беги в ревком.

Василид свернул к монастырю.

Теперь, когда возбуждение улеглось, страх овладел им — такая кругом была темень. Лишь дорога, обсаженная кипарисами, смутно белела впереди. Не вовремя мальчик вспомнил, что кипарис — дерево скорби. Он шел, ступая как можно тише. О том, что ждет его по возвращении, старался не думать. Усталость навалилась такая, что послушник едва передвигал ноги; к стене обители подошел уже совсем обессилевшим. Перелезть через нее с наружной стороны оказалось куда труднее.

За стеной было темно. Чтобы не шуметь, Василид не спрыгнул, а спустился на руках. В тот момент, когда ноги коснулись земли, послышался шорох и его схватили. От страха Василид хотел закричать, но чужая рука зажала рот, а вслед за тем лицо крепко обернули тряпкой. Две пары рук тянули его куда-то. Скрипнула дверь, его потащили по лестнице вниз. Не хватало воздуха, Василид почти терял сознание. Но вот снова скрипнула дверь, с лица сорвали тряпку. От толчка он упал на каменный пол. Сзади взвизгнул металлический засов, и послышались удаляющиеся шаги.

Василид остался один в полной темноте.

Глава XVI, призванная рассказать о таинственных событиях бессонной ночи и утренних тревогах

К приходу Феде Аджин еще не спал, его фигура маячила в глубине двора, где он запирал на ночь скотину.

Асида в свете углей затухшего очага мыла посуду после недавнего ужина.

Федя вызвал друга коротким свистом. В двух словах он передал ему сообщение Василида, и Аджин, готовый ко всему, убежал, чтобы обуться и одеться потеплее. Разговор их происходил у калитки, Асида наблюдала за ними. Стоило Аджину скрыться в хижине, как девочка подошла к Феде. Он следил за ее приближением с некоторой

тревогой, но в поведении Асиды пока не было ничего воинственного. В сумраке глаза ее казались еще чернее, лицо еще более смуглым. Она остановилась в двух шагах от Федя и сказала:

— Здравствуй!

— Добрый вечер, — ответил он и, помедлив, добавил: — Я думал, ты уже спишь.

— У меня дела были. А ты куда собрался?

— Так, тоже дела.

— Ты тепло оделся...

Нельзя же было рассказывать ей о своей затее, да и услышать в ответ насмешки Федя тоже побаивался. Он смолчал.

Асида сказала тихо:

— Ночь темная, в такую ночь ходить опасно. Теплая одежда только от холода спасет. — Она оглянулась: Аджина не было видно. — Возьми это, пусть поможет тебе.

Асида сняла что-то с шеи и положила Феде на ладонь.

Федя не отпустил ее руки. Знакомое сладостное тепло подступило к сердцу; разочарования, неудачи, воспоминание о неразделенном чувстве — все исчезло в эту таинственную минуту. Он готов был стоять так до бесконечности, но Асида, уловившая шум со стороны дома, высвободила руку и отступила назад.

— Да ждет вас удача! — сказала она и быстро отошла. Во дворе она разминулась с братом, и тот подозрительно оглянулся ей вслед.

— Что, опять драться хотела? — спросил он Федю.

— Нет.

— А чего ей надо? — допытывался Аджин.

— Не знаю, — ответил Федя и улыбнулся в темноте.

Они скорым шагом направились в сторону монастыря. Выждав удобную минуту, Федя сунул за пазуху подарок. Что это было, он так и не сумел разглядеть.

По дороге друзья наметили план предстоящей операции. Впрочем, он еще раньше созрел в Фединой голове, и сейчас он излагал его Аджину. Суть состояла в том, что, помимо главных монастырских ворот, существовал выход в сторону кладбища. Дорога от этих ворот через окраинные улочки вела в горы. Федя был уверен, что стеречь возле них куда надежнее.

Аджин мыслил проще:

— Слушай, дорогой, зачем много думать? Подкараулим их на дороге и нападём! Камни, палки есть — чего еще надо!

— Нет, это не годится! Мы не знаем, сколько монахов будет сопровождать караван, да и наверняка они будут вооружены.

— Все равно...

— Все равно бывает только покойникам. К тому же неизвестно, какой дорогой они пойдут. Давай условимся: ты будешь караулить возле главных ворот, а я со стороны кладбища. Идет?

Как видно, соседство кладбища не очень устраивало суеверного Аджина, и он охотно согласился.

Они остановились в тени деревьев, не дойдя трех десятков метров до входа в обитель. Площадка перед воротами освещалась фонарем, а на арке у лика святого горела неугасимая лампада. Вдоль стен примостились на ночлег бесприютные паломники.

Они хлопнули друг друга по плечу и растались.

Чтобы выйти ко вторым воротам, Феде предстояло обойти монастырь справа. Он уже не раз проделывал этот путь, когда ходил на встречи с Василидом. Но то бывало днем. Чтобы не попадаться на глаза паломникам, Федя углубился в лес с намерением выйти к стене подальше от ворот. Под деревьями стоял густой мрак, и он пережил несколько неприятных минут, пока одолевал это расстояние. Невольно подумалось, что все

страшное перестает быть страшным, когда ты не один. А сейчас он то и дело вздрагивал от звука собственных шагов и случайных шорохов.

За несколько минут он дошел до угла стены и свернул влево. Лес кончился, стало светлее: протянувшееся вдоль стены монастырское кладбище затенялось лишь группами кипарисов. Между стеной и кладбищем пролегла дорога. Следовало выбрать место, откуда можно было бы наблюдать за воротами.

Федя был лишен предрассудков, и все же перспектива укрыться среди могил не улыбалась ему. А что, если влезть на дерево? Обзор будет больше и вообще куда интереснее. Он тут же выбрал платан, высившийся неподалеку от ворот, и хотел было подобраться к нему, как увидел, что чья-то тень мелькнула среди могил. Он затаился, скрытый кустами, и стал следить за приближавшейся фигурой. Это не был ни призрак, ни оживший мертвец. Человек неслышным шагом прошел в нескольких метрах от Феде, в одной руке он нес лопату, другой придерживал перекинутый через плечо пустой мешок. Что-то знакомое почудилось Феде в его тощей невысокой фигуре.

Незнакомец перешел дорогу и направился вдоль стены. Он быстро прошмыгнул мимо ворот и, пройдя еще несколько шагов, перебросил через стену лопату. Перебраться следом за ней незнакомцу стоило превеликих усилий.

Теперь Федя действовал осторожнее: еще с минуту прислушивался и озирался по сторонам и наконец, осмелев, быстро пересек расстояние, отделявшее его от дерева.

Припав к стволу, Федя огляделся. Вокруг было тихо и безлюдно, только где-то рядом пискнула и завозилась разбуженная птица. Пожалуй, его никто не видел. Он полез на дерево и, найдя среди ветвей удобную развилку, устроился на ней. Для засады место оказалось идеальным: отсюда были видны не только ворота, но и большая часть монастырской площади. Через просветы в ветвях просматривались кладбище и дорога. Глаза свыклись с ночью, и темнота уже не казалась беспросветной.

Погода стояла на редкость теплая. От влажной земли поднимались запахи прелых листьев. Да и вообще зимы, к которой привык Федя, здесь не было. Лишь однажды ночью, выйдя из дому, Федя увидел, как бесшумно, крупными хлопьями падает снег. Федя обрадовался ему как старому знакомому. Но наутро, когда все проснулись, о снеге и помину не было.

Монастырская площадь — главный объект наблюдения, была безлюдна. Несколько тусклых фонарей слабо освещали ее.

Теперь оставалось ждать. Феде доводилось слышать, что все воровские дела творятся под утро. Значит, еще долго ему здесь сидеть. Он стал думать о человеке с лопатой. Что он делал ночью на кладбище и зачем понадобилось ему тайком проникать в монастырь? Уж не занимался ли кто-нибудь из братии раскапыванием могил? О подобных случаях Феде приходилось слышать, но какой смысл грабить бедные монашеские могилы? Так и не найдя ответа на этот вопрос, он начал думать о сокровищах. Где же все-таки монахи собираются их спрятать? А что, если у них есть на примете пещера, которая, подобно пещере Аладдина, тянется на несколько километров в глубь горы? О том, что такие существуют на Кавказе, он где-то читал.

Вдруг ему пришло на ум, что не мешало бы в таком важном деле обратиться к помощи Тагуа. С таким человеком никакие трудности не страшны: и следопыт и оружие имеет.

И все же Федя не вспомнил бы о нем, если бы не одно обстоятельство. С недавних пор у него с охотником сложились особые отношения.

Однажды, возвращаясь домой, Федя увидел его неподалеку от калитки Тинат. Тагуа сидел на камне, привалившись спиной к забору, рядом на земле лежал большой сверток.

Тагуа поздоровался с ним как со старым знакомым.

— Садись, дадраа, — сказал он и подвинулся на камне, освобождая место.

Федя охотно сел рядом, но тут же смекнул, что надо пригласить охотника в дом: и законы гостеприимства этого требуют, и отец пусть знает, с какими бывальыми людьми его сын дружбу водит. Поэтому он горячо предложил:

— Зайдемте к нам, дядя Тагуа! Скоро папа придет, я вас познакомлю. Книжки свои покажу.

— Твой отец человек ученый, о чем ему с простым охотником толковать?

— Да он будет вам очень рад, я ему про вас рассказывал! А с хозяйкой вы, наверное, знакомы.

Тагуа помотал головой:

— Опять не то говоришь, дад. Она человек тоже культурный, в школе училась, и муж ее настоящим джигитом был. О чем ей говорить с человеком, если он только и знает, что в духане сидеть да по горам бродить. — Подавленный вздох вырвался у охотника. — Нет, так не делается: не клади, говорят, свою ложку туда, где нет твоей миски. — Он хотел еще что-то сказать, но замолчал. — Лучше так, — наконец решившись, произнес он, глядя в сторону, — поговори с Тинат, скажи, что со мной познакомился, что в гости меня звал, послушай, что она скажет.

— Ладно, — все больше недоумевая, ответил Федя.

— И еще вот что скажи ей, — снова заговорил Тагуа, — он твоему мужу другом был, пусть возьмет подарок. — Охотник коснулся рукой свертка.

«Господи! — внезапно догадавшись, подумал Федя. — Выходит, он специально меня ждал!»

— Конечно, отдам! — воскликнул он. — Пойду и отдам!

Тагуа поспешно поднялся:

— Нет, сейчас не надо, потом отдай.

От сознания собственной неловкости он еще больше смешался и быстро зашагал по улочке вниз. А Федя взял свертки и пошел к дому. Ну и дела! То-то охотник расспрашивал о хозяйке в тот вечер у костра. Неужели этот мужественный человек испытывает к Тинат те же чувства, что и он к Асиде? А он-то думал, что это удел молодости. (Возраст охотника — сорок лет — казался ему преклонным.) Что же предназначено в подарок?

В свертке была выделанная медвежья шкура, сверху лежала лапа, кончавшаяся пятью настоящими когтями.

Феде захотелось пошутить: встать на четвереньки, надеть шкуру и прикинуться медведем. Но, как ни заманчива была эта мысль, от нее пришлось отказаться: неизвестно, способно ли сердце хозяйки выдержать подобное испытание.

...Федя не заметил, как сознание его затуманилось. Он вздрогнул и открыл глаза. Заснуть — этого не хватало, еще с дерева упадешь! Федя распрямился и попытался стряхнуть с себя сонливость. Не тут-то было! Голова то и дело клонилась на грудь. Он попытался сосредоточиться мыслями на сокровищах — прежде это была неиссякаемая тема для размышлений. Но сейчас глаза закрывались сами собой. Он так и не заметил, как заснул.

К счастью, сон был недолгим. Он проснулся и с досады чуть не обругал себя вслух. Неужели он проспал выход каравана? Но вокруг по-прежнему было спокойно. Федя пошевелился, и сразу будто тысячи иголок вонзились в одеревеневшее тело.

С моря напал легкий туман; свет фонарей на монастырской площади потускнел и почти не достигал земли. Усилились ночные звуки: шакалий вой приблизился к монастырю, скоро одинокий осмелевший шакал взвыл совсем близко от дерева. Федя впервые слышал, как начинается этот дикий концерт. Первыми завывают старые шакалы басистым протяжным воем, им вторят разноголосые, писклявые шакалята.

«Интересно, — подумал Федя, — можно ли приручить шакаленка? Дудки! Попробуй-ка принеси его в город — собаки вмиг разорвут. Волк, шакал — нет у собак кровнее врага».

В кустах и ветвях слышались шорохи; под деревом какой-то зверек протопал на мягких лапках. Федя вертел головой и таранил глаза, пытаясь разглядеть в темноте ночных обитателей. Внезапно, оборвав все эти звуки, ударил монастырский колокол. Спустя несколько минут из келий потянулись монахи. Каждый нес перед собой свечу. Редкие

унылые удары колокола, силуэты иноков в черных одеждах, огоньки свечей — все было непривычным, таинственным и даже страшным. Монахи скрылись в одной из угловых церквей, и скоро оттуда донеслись звуки хора. Спустя полчаса иноки проследовали обратно.

Переменив позу, Федя посмотрел в сторону кладбища и едва не свалился с дерева: на могильном холмике стояла светлая фигура, одетая словно в сотканный из окружающего тумана светящийся голубоватый балахон.

Федя вздрогнул, увидев, как и над другой могилой вырастает такой же призрак. Свет возник и над третьей могилой, но его контуры трепетали в полуметре над землей, словно тяжесть земли не давала оторваться призраку от могилы.

Впервые Федя вошел в соприкосновение с таинственными и неведомыми силами, и хотя сознание подсказывало, что это явление объяснимо, его обуял настоящий ужас. Но тут повеял легкий ветерок, фигуры заколебались и постепенно растворились в тумане.

Федя глубоко вздохнул. Он почувствовал, что по спине его струится пот, а руки все еще плохо повинуются. «Не слишком ли много таинственного для одной ночи?» — подумал он и поспешно перевел взгляд на обитель. После того, что он увидел там, все посторонние мысли разом вылетели из головы.

Со стороны монастырских служб к воротам приближался человек. Его можно было и не заметить, если бы не фонарь, который он держал в руке. Вот слабо звякнул засов, и человек вышел из калитки сбоку от ворот. Фонарь он оставил за стеной. С минуту он стоял неподвижно, как видно прислушиваясь, затем не спеша прошел несколько раз вперед и назад вдоль стены. Убедившись, что на дороге никого нет, он нырнул в калитку и через минуту бесшумно открыл обе створки ворот. Монах поднял фонарь и, выйдя на дорогу, покачал им на уровне головы. Затем то же самое проделал, стоя в воротах спиной к дороге.

«Вот оно, началось!» — подумал Федя.

Некоторое время спустя мимо Фединога платана проследовала вереница мулов, сопровождаемая двумя монахами. Мулы ступали бесшумно — на это Федя обратил внимание. Цепочка мулов сбилась напротив ворот, и через минуту там началась деловитая бесшумная суета. Фонарь, стоящий поодаль на земле, освещал эту сцену настолько слабо, что Федя затруднялся определить, сколько человек в ней участвовало. Ясно было только, что люди в монашеской одежде выносили из обители кладь и грузили ее на мулов. Некоторые тюки наверно были так тяжелы, что их носили вдвоем. Люди не шумели и не суетились без толку, ими руководил негромкий властный голос.

Даже не будучи посвященным, можно было догадаться, что все происходящее должно оставаться в тайне.

Глядя на эти сборы, Федя ощутил страх. Ему ли, мальчишке, вступать в борьбу с этой организованной преступной шайкой? Ведь речь идет о немалых ценностях, слежка предрекает ему опасности, о которых он раньше всерьез не задумывался.

Но отступить было поздно.

Между тем приготовления к отъезду закончились. Навьюченные мулы стояли полукругом у ворот, несколько человек, держа их в поводу, замерли, чего-то ожидая. Наступившая пауза предшествовала появлению из темноты высокого человека в клобуке.

Федя понял, что это казначей. Монах остановился в воротах и начал говорить. Слов Федя не мог расслышать, но голос звучал значительно, пророчески.

— Благослови, владыко, — сказал кто-то.

Евлогий воздел руку и повысил голос:

— Да хранит вас господь! Призываю его благословение на предстоящий вам подвиг! — Он осенил стоящих перед ним широким крестом, и караван тронулся.

Прошла минута, другая... Караван стал едва виден, а казначей, стоя на дороге, продолжал крестить воздух ему вслед. Но вот он опустил руку, скрылся в воротах и закрыл их за собой.

Федя слез с дерева.

...Аджин просидел в кустах всю ночь. Более привычный к невзгодам, чем его друг, он так и не сомкнул глаз, наблюдая за воротами до самого утреннего колокола. И лишь когда на дороге показались богомольцы и открылись ворота обители, он понял, что ожидание бессмысленно.

Аджин пришел к тому месту, где нес караул его друг. Обрывки веревок у ворот и земля, истоптанная мулами, подтвердили его предположение — Федя оказался удачливее.

Нехотя Аджин побрел в духан. Напрягая воображение, он пытался представить себе, что может произойти в горах, и чем дальше об этом думал, тем больше овладевало им тоскливое беспокойство. Казалось, будь он рядом с Федей, все было бы лучше. Ведь друг его — новичок в горах — дальше пяти-шести километров от города прежде не бывал.

В духане оказалось работы невпроворот, не говоря уж о том, что ему влетело за опоздание. Он был грустен, рассеян: посетителям не раз приходилось окликать его, чтобы он вспомнил о своих обязанностях. От духанщика он получил больше обычного тычков и подзатыльников.

К полудню, когда поток посетителей иссяк, тревога Аджина стала и вовсе нестерпимой. Некоторое время он колебался, затем не выдержал и, улучив момент, когда Юсуф не смотрел на него, выскользнул из духана и со всех ног бросился к дому Тагуа.

Охотник был в городе — Аджин это знал, — но дома ли он?

Вот, наконец, и хижина. Ее хозяин, пережидая полдень, сидел в тени и, покуривая трубку, с довольным видом оглядывал сооруженную им калитку. С наступлением весны он собирался оплести ее вьющимися розами по примеру Тинат. В ближайших же планах было — восстановить каменную ограду, а потом приняться за строительство нового жилища.

Поздоровавшись, Аджин присел рядом. Не подобало при встрече со старшим начинать разговор о своих делах, как бы ни были они неотложны, и, соблюдая обычай, мальчик подавлял нетерпение. Они обменялись вопросами о здоровье друг друга, родственников и знакомых. Но очевидно, охотник уловил что-то в поведении своего родича, потому что вдруг сказал:

— Хайт цараби! Похоже, что ты, дадраа, снова что-то натворил, и не лучше ли будет поделиться своими новостями?

Аджин чуть замялся:

— Знаешь, дадхейт, я клятву Ажире дал, что никому не расскажу... А дело такое, что надо рассказать, а то плохо будет.

— Если дело серьезное — говори.

Времени для обстоятельного разговора не было, и Аджин в короткой, довольно бессвязной речи рассказал о событиях минувшей ночи и предшествовавшему им сообщению Василида.

По мере того как Тагуа слушал, брови его все больше хмурились, и все яростнее он затягивался трубкой, окружая себя густыми облаками дыма. К концу рассказа он и вовсе помрачнел.

— А не приснилось ли все это вашему послушнику?

— Нет, дадхейт. Василид за монахами уже давно следил и знал, что они золото прячут. А вчера указ вышел, чтобы лишнее золото отбирать для голодных, — вот они и придумали его увезти.

— Да-а, — протянул раздумчиво Тагуа, — то-то сегодня хозяйка жаловалась, что мальчик до завтрака убежал... Наш юный друг рискует из охотника превратиться в дичь: не всякая трава становится сеном, не всякий храбрец — героем. Будь я на вашем месте, я бы призадумался, прежде чем начинать такую слежку. Ты хорошо сделал, что пришел ко мне.

Помолчав с минуту, он спросил:

— Так, говоришь, они ушли по Черкесской дороге?

— Да, — подтвердил Аджин.

— Ладно. — Тагуа поднялся. — Ты возвращайся в духан, а как только освободишься, иди в ревком и все расскажи какому-нибудь начальнику. Понял?

— Понял. А ты куда?

— Пойду коня у соседа просить.

Они вместе вышли за калитку.

Аджин пробыл в духане до вечера, оттягивая свой визит в ревком. В другое время он с удовольствием бы воспользовался возможностью поговорить с председателем ревкома или начальником ЧК. Но сегодня эта перспектива не очень-то прельщала: дело складывалось так, что за него не похвалят. Пока он утешал себя мыслью, что принял меры: все равно лучше, чем Тагуа, никто не поможет в горах его другу.

Неожиданно вопрос решился сам собой. На улице смеркалось, когда в духан вошел Иван Егорович. Вернувшись домой рано утром, он не застал сына и сейчас, узнав от хозяйки, что Федя так и не появлялся, он пришел в духан в надежде узнать что-нибудь о сыне от его друга. Для Аджина это было даже похуже визита в ревком: судьба Феда касалась отца больше, чем кого-либо другого. С убитым видом, запинаясь, он начал рассказывать.

Тревога охватила Ивана Егоровича.

— Идем в ревком, по дороге доскажешь, — прервал он Аджина.

Но рассказывать пришлось не только по дороге. В ревкоме Аджина расспрашивали долго и пристрастно, а когда, наконец, отпустили, то взяли слово, что он не будет отлучаться из города.

Глава XVII, в которой придуманные приключения уступают место настоящим испытаниям

Предрассветный мрак сгустился над побережьем. Абхазия — Апсны^[58] — Земля души, Земля отцов — лежала во сне. Февральское небо покрыто густой россыпью звезд, а на земле, среди черных пространств, лишь где-то слабой искрой тлеет охотничий костерок. Темны крестьянские дома, пустынные площади и улицы города.

Глубок сон в предутренний час, даже беспокойные собаки редко откликаются на уличные шумы. И видимо, неспроста в такую пору десяток навьюченных мулов направлялся в горы. Они двигались почти бесшумно — копыта животных, обмотанные тряпками, не издавали обычного стука, сопровождавшие их люди в черной монашеской одежде шли молча.

В нескольких десятках метров позади шел Федя. Из опасения наткнуться в темноте на хвост каравана он намеренно отстал и двигался с еще большей осторожностью, чем монахи. Дорога смутно белела в кромешной тьме.

Так прошло более получаса.

Теперь о движении каравана Федя догадывался по тому, как на его пути смолкали голоса шакалов. Чернота неба над горами стала блекнуть и принимать зеленый оттенок. Минуты шли за минутами, темнота отступала вверх и гасила за собой звезды. Тихо, очень тихо было вокруг: с рассветом шакалы утомонились. Золотистое сияние поднималось с востока, ширилось и ширилось, а там показалось и само солнце. В лучах его засиял белоснежный горный хребет, западные склоны гор обозначились синими тенями.

К этому времени Федя оказался у поворота, откуда в последний раз можно было увидеть город. На минуту у него защемило в груди: ведь впереди горы! Но его тревога скоро испарилась в ярком солнечном свете; чистый, будто хрустальный воздух горного утра вернул бодрость. Федя наткнулся на ручеек, падавший из трещины в скале, и не спеша умылся.

Все шло отлично! И на самом деле, было чему радоваться. Вот оно — настоящее дело: вместо воображаемых врагов — опасные похитители; вместо мифического клада — целый караван сокровищ.

Федя бодро зашагал навстречу таинственной судьбе.

Впрочем, пока места были хорошо знакомы. По дну долины неслась привычная Монашка, на склонах этих гор они с Аджином не раз собирали сушняк для духана. А за тем вон деревом обнаружили пещерку: на стенах ее поблескивали камешки — Федя даже вообразил, что это золото.

Об Аджине Федя вспомнил виновато: повезло ему, а друг, надо полагать, до сих пор сидит в засаде у монастырских ворот и не подозревает, как далеко от него счастливый товарищ. Конечно, интереснее было бы путешествовать вдвоем, но тут уж ничего не поделаешь...

Федя прибавлял и прибавлял шаг. К поворотам дороги он подходил с опаской и, прежде чем идти дальше, выглядывал из-за скал. Наконец за очередным поворотом он увидел идущий впереди караван. Сердце его забилось, словно у охотника, выследившего дичь.

Монахов было шестеро. Они шли гуськом, попеременно с мулами, по противоположному склону лощины. Караван шел спокойно, размеренно, случайному встречному не пришлось бы в голову, из чего состоит поклажа тяжело груженных мулов. Да и сами монахи — бородатые, в строгой, до пят одежде — не походили ни на похитителей, ни на разбойников.

Федя подошел к скале, увенчанной круглой башней; от нее сбегали к реке остатки стены. В этом месте долина суживалась. Такая же башня поднималась на другой стороне реки. Как два стража высились они, преграждая дорогу к побережью со стороны перевалов, с Северного Кавказа.

Когда-то они с Аджином уже побывали здесь.

Потянулась однообразная дорога: все по той же долине, с одного склона горы на другой.

Так далеко Федя еще не забирался. Метод его слежки был все тот же: он доходил до поворота, выглядывал из-за скал и, убедившись, что монахи скрылись, продолжал свой путь. Ощущение опасности покинуло его.

Вот и сейчас: выглядывая из-за камня, он подождал, пока хвост каравана не втянулся за выступ горы. Дорога здесь шла под уклон и манила бежать вприпрыжку. Федя выбежал из-за своего укрытия, сделал несколько шагов... и едва не наскочил на монаха. Монах стоял, согнувшись над хурджином; при звуке шагов он вздрогнул и поднял голову.

А Федю точно ударили в грудь, он замер на месте. Спина разом взмокла, а под шапкой похолодел затылок. Он лихорадочно соображал: бежать ли назад или оставаться на месте? Повернуть — значило выдать свои намерения, и тогда рослый, нестарый еще человек без труда нагонит его, и всему делу конец...

Федя заставил себя шагнуть вперед. Поравнявшись с монахом, он только и нашел, что сказать «здравствуйте».

— Мир в дороге, — ответил тот, пристально наблюдая за мальчиком. — Подожди-ка... Помоги затянуть подпругу, поддержи хурджин.

Ничего не оставалось, как подчиниться. Стоя рядом с монахом, Федя приподнял поклажу. Ничто не звякнуло в плотном ковровом мешке. Но зато от внимания Феде не ускользнуло, что движение монаха было ложным: он ослабил подпругу, а затем закрепил ее в прежнем положении. Ясно — это был лишь повод задержать его. Дальше ему волевым образом пришлось идти рядом с монахом.

— Ты один? — спросил тот, оглянувшись.

— Да, один...

— А куда путь держишь, отрок?

— Так... гуляю, — пробормотал Федя, прекрасно сознавая всю глупость ответа.

— Далеконько забрался. — Монах положил ему руку на плечо, но жест этот не был дружественным. Федя понял, что он попался. — А мы вот за дровишками собрались, — продолжал чернец, кивая в сторону показавшегося впереди каравана. — А заодно припасы для дровосеков везем.

Очевидно, их заметили, потому что караван остановился, люди занялись кто чем: кто поправлял поклажу, кто переобувался. Но Федя понимал, что поджидают их. Он ловил настороженные, недобрые взгляды. Сумбур в мыслях не проходил: как он мог выходить из-за укрытия, не пересчитав монахов! Стоило одному из них приотстать, и готова ловушка.

Монах подвел Федю к человеку, возглавлявшему караван. По описаниям Василида нетрудно было узнать в нем уставщика. «Берегись его, это очень опасный человек». Эти слова всплыли в его памяти.

— Вот, святой отец, отрока бог послал, — склонив голову, доложил монах. — Погулять, говорит, вышел. Каков, а? Ни зверей, ни разбойников не боится.

Внешне уставщик никак не походил на злодея: в отличие от своих рослых спутников, он был маленького роста. С веселым видом он оглядел Федю:

— Да, герой, ничего не скажешь. Когда-то и я был таким. Как зовут-то?

— Федей.

— Вот и хорошо, Федор, значит. Ну, Федор, идем, коли так, вместе, потешь старика беседой. Устал, небось, ноги-то не казенные. Садись на мула — верхом поедешь, а я рядышком пойду, разомну старые кости.

Говорил он веселой скороговоркой и в улыбке так щурил глаза, что их и не видать было. Федя и слова сказать не успел, как сильные руки подхватили его и водрузили в седло. Монах стегнул мула, в ту же минуту тронулся и весь караван. Федя чувствовал себя беспомощным щенком, которого взяли за загривок и посадили на забор: и слезть нельзя, и прыгнуть страшно — только и осталось, что скулить.

Уставщик с монахом приотстали и чуть слышно переговаривались.

В том, что он пленник, Федя не сомневался: вся эта ласковая болтовня — лишь до тех пор, пока он не попробовал сопротивляться. Бежать? На это никакой прыти не хватит. А если и удастся сбежать, то о дальнейшем выслеживании нечего и думать. Нагнавший мула отец Рафаил развеял все надежды.

— Ну вот, с нами поедешь, — говорил он, — и тебе и нам веселее. Посмотришь, как братия в горах живет, такие места увидишь, что и во сне не снились. — Он часто дышал и с трудом попевал за мулом. — Братья и накормят, и гостинца дадут. А то куда же одному: и зверье голодное кругом, и лихие люди — не приведи господь, обидят. На нашу душу грех падет, если что... Ни вперед, ни назад нельзя тебе одному. С нами и вернешься завтра. — Он говорил и говорил, ни о чем не спрашивая, и Федя был рад этому. Теперь надо было быть постоянно настороже, чтобы хоть в дальнейшем не делать глупостей. Главное — толково отвечать на вопросы. Федя стал внимательнее прислушиваться к бесконечному монологу уставщика — ведь должен же он когда-нибудь коснуться главного.

— А вернемся, — продолжал отец Рафаил, — приходи в гости в обитель, меня там отыщи.

Он сделал короткую паузу и вдруг спросил:

— Ты Василида нашего знаешь?

Вот оно наконец! Отец Рафаил впервые поднял глаза и, испытующе глядя на него, ждал ответа.

— Нет, не знаю. Никого из ваших не знаю, — как можно равнодушнее ответил Федя.

Монах вздохнул:

— Есть у нас послушник, Василидом зовут... твой одноклассник, пожалуй, будет. Так, говоришь, не знаком?

— Нет.

Эта первая маленькая победа немного воодушевила Федю.

Монах замолчал; пыхтя, он продолжал идти рядом. И тут судьба вдруг поспешила Феде на помощь. Разговор о Василиде и то, что он увидел, невольно связались воедино.

Впереди, возле стоящего особняком могучего вяза, от дороги отделялась тропа. Если верить Василиду, тропа вела за седловину — туда, где пряталась монастырская пасека. Путешествие на пасеку было одним из немногих значительных событий в жизни послушника, и он рассказывал о нем приятелям со всеми подробностями. Сейчас этот рассказ всплыл в Фединой памяти, а вместе с ним появилась мысль, за которую он тотчас ухватился.

Риск был велик: каждую секунду его могли уличить в выдумке. Все зависело от того, насколько убедительно он сыграет свою роль. Федя заговорил, стараясь придать плаксивость своему голосу:

— Дяденька монах, уж такие добрые вы, а я-то обмануть вас хотел...

Стоило ему заговорить, как душевные силы вдруг оставили его, и неожиданно он расплакался. Неудача, досада на себя и безвыходность положения — все вдруг завершилось потоком слез. И все, что он говорил, прерывалось рыданиями.

— Господи боже! Чего это ты? — оторопело спросил монах.

— Побоялся сказать, куда иду, — продолжал мальчик. — Я за медом на вашу пасеку шел. Когда осенью там был, меня пасечник медом угощал и снова звал — говорит, тоскливо ему одному...

— А почему сразу об этом не сказал? — спросил монах, подозрительно глядя в лицо мальчика.

— Пасечника не хотел выдавать: ему, небось, попадет от начальства, если узнают, что он медом чужих кормит. Так ведь он только угостит, а с собой не дает.

— Как пасечника зовут? — перебил монах.

— Варсонофий. Брат Варсонофий. (Господи, как только имя сумел запомнить!) Он мне рассказывал, как за пчелами ухаживает, как они роятся и что такое трутни... — Федя лихорадочно вспоминал подробности рассказа Василида. — У него там целая сотня ульев: одни, как домики сделаны, другие — просто из долбленных колод...

— Престранно: как это тебя мать среди ночи отпустила?

— Я потому и ушел спозаранку, чтобы не заметила. Засветло назад обернусь — она и знать ничего не будет. А если сегодня не приду — не миновать отцовской порки. Так уж вы не держите, отпустите на пасеку. А нельзя, так домой пойду.

Вся его речь по-прежнему сопровождалась всхлипываниями, и слезы эти, видно, больше, чем слова, послужили для монаха доказательством его искренности.

Отец Рафаил, казалось, уже решился. Он задержал мула. Остановился и весь караван.

— Погоди, — вдруг сказал он. — А кто твой родитель?

Федя на секунду смешался. Называть фамилию отца было опасно, наверняка монаху известен состав ревкома. И Федя сказал одну из немногих известных ему в городе фамилий — Кочкин. (Кочкин был служащим почтовой конторы и усердным прихожанином. Но были ли у него сыновья?).

— Это Матвея Федоровича сын? Что же раньше не сказал? Ну ладно, коли так, иди с богом. Отцу поклон передай, а я при встрече ему накажу, чтобы тебя построже держал.

— Передам, обязательно передам! — воскликнул Федя, ликуя в душе — благо хоть имя выдуманного отца узнал.

— Да на мед не очень-то налегай, а то крапивницу наживешь, — напутствовал его отец Рафаил.

— Ладно, дяденька монах.

Больше всего Феде хотелось бы сейчас бежать назад без оглядки. Но у него хватило выдержки пропустить мимо себя весь караван, а затем не спеша начать взбираться по тропе в сторону предполагаемой пасеки.

Караван продолжал свой путь по дну долины.

Федя остановился и помахал вслед. Он все еще находился в поле зрения монахов.

Наконец цепочка каравана втянулась в буковую рощу и скрылась с глаз. Появилась возможность сесть и отдышаться. Привалившись спиной к камню и с наслаждением вытянув ноги, Федя целиком отдался радостному чувству свободы.

Глубокая, не нарушаемая ничем тишина царила вокруг, даже шум реки не долетал сюда. Ни хижины, ни человека, он был один среди этого моря застывших волн — горных хребтов. В просвете между горами виднелся пройденный участок пути; сторожевые башни, столь грозные вблизи, пятнышками темнели над нитью дороги.

Усталость от подъема и бессонная ночь давали себя знать — Федя сидел разморенный, расслабленный. Ноги отдыхали в блаженной истоме; от камня, нагретого солнцем, исходила приятная теплота. Сами собой закрывались глаза.

«Пора послать все это к черту, — лениво думал он сквозь дремоту. — Вернуться назад, пойти в ревком и рассказать обо всем, пока не поздно».

Но это мудрое решение почему-то отозвалось в сердце гнетущим чувством. Заговорил внутренний голос: «Пока ты вернешься в город, пока снарядится погоня — монахов и след простынет. Найти караван среди этого нагромождения гор — все равно, что отыскать иголку в стоге сена».

А каково будет ему при встрече с друзьями: он, втянувший их в эту затею, сам отступил при первой же опасности? И еще одна мысль вдруг обожгла его. Как он мог забыть!.. И Федя поспешно извлек из кармана предмет, подаренный Асидой. Это был плоский, величиной с детскую ладошку, обточенный морем камень. Бесцветный, как затуманенное стекло, но в глубине его каким-то волшебным образом расплылась капля яркой бирюзы. Через отверстие, просверленное с краю, была продета дешевая позеленевшая цепочка. Для бедной крестьянской девочки эта вещь, наверно, представляла немалую ценность. И она ему ее подарила! Не этому ли камню Федя был обязан чудесным избавлением от плена? Он с удовольствием ухватился за эту мысль и надел цепочку на шею; амулет оказался на груди под рубашкой.

Все сомнения отлетели прочь. Начатое дело надо довести до конца! Федя огляделся. Перевалить через седловину между гор и выйти на дорогу впереди каравана? Ведь монахи, наверно, уже далеко ушли.

Восхождение оказалось нелегким делом. Деревья по склону теснились друг к другу, а просветы между ними преграждались вздыбившимися корнями упавших лесных великанов.

Медленно, шаг за шагом Федя одолевал преграды: где перелезал, подтягиваясь на руках, где проползал ужом. Все это нагромождение стволов, корней и сучьев было переплетено тысячами высохших лиан, с острыми, как кошачьи когти, колючками. Особенно досаждал смилакс: стоило начать суетиться, как его плети, точно живые змеи, обвивались вокруг тела.

Наконец, мокрый от пота, Федя выбрался на безлесный склон горы. Он вытер пот и с сожалением оглядел свою одежду. Несколько новых прорех зияло в штанах; из пальто там и сям торчали клочья ваты.

Теперь надо было влезть на седловину. Медленно и упорно Федя поднимался по крутому склону и с запоздалой тревогой думал: «А действительно ли дорога огибает эту злополучную гору?» Если нет, тогда он окончательно потеряет караван из виду.

Подъему, казалось, не будет конца. То, что снизу выглядело вершиной седловины, на самом деле было лишь небольшим гребнем, за которым следовал новый подъем.

Ноги отказывались служить, когда Федя выбрался на верх седловины. Он упал на камни и окинул взглядом открывшийся вид. У него отлегло от сердца: внизу простиралась та же долина; по ее дну, повторяя изгибы Монашки, вилась дорога. Им овладело чувство гордости: расчет оказался верным. А вот и караван — цепочка его медленно выползала из-за уступа горы.

Теперь можно было отдохнуть: прежде чем поравняться с Федей, монахам предстояло одолеть километра полтора.

Впрочем, уже через несколько минут он решился на смелый шаг. Выждав, когда на минуту-другую монахов скрыла глубокая лощина, Федя стремглав бросился вниз по склону. К тому моменту, когда караван показался снова, Федя уже засел в нескольких метрах от дороги за кустами вечнозеленого рододендрона. Спустя несколько минут вся монашеская братия прошла мимо него.

Федя выглянул из укрытия. Двое иноков, один из которых был брат Иван, тот, что задержал его в первый раз, приотстав от остальных, о чем-то совещались. Голосов их не было слышно, но, судя по усиленной жестикуляции, с которой говорил брат Иван, было ясно, что он в чем-то горячо убеждает собеседника. В заключение своей речи он воздел руки к небу и потряс посохом.

Его приятель долго угрюмо думал, потом согласно кивнул головой. Было видно, что брат Иван обрадовался, он резво хлестнул мулов и скорым шагом устремился вперед.

Когда монахи скрылись из виду, Федя покинул засаду и направился следом. Обогащенный горьким опытом, он шел со всей осторожностью. Прежде чем выйти из-за очередного укрытия, он тщательно пересчитывал фигуры монахов. Хорошо, что вся путешествующая братия была одета в черные балахоны, резко выделявшиеся в свете дня.

Тропа то поднималась на склоны гор, то, минуя крутые места, спускалась к шумному потоку и вилась среди огромных каменных глыб, скатившихся с горы. Река, все чаще срываясь со скал, превращалась в водопады, и, когда тропа приближалась к ним, Федю обдавало водяной пылью. Дорога становилась все труднее. Из-под ног Феде со зловещим шипением оползал щебень. Нависавшие над тропой каменные осыпи, казалось, были готовы в любую минуту ринуться вниз.

Высоко ли над уровнем моря поднялась дорога? Феде в пальтишке пока было жарко. Но вот на одном из поворотов ему в лицо дохнуло снежной прохладой. Долина резко сузилась, впереди показался темный вход в ущелье. Из него, кипя на каменных порогах, вырывалась Монашка. По обе стороны реки взметнулись к небу мрачные утесы. Тропа начала круто забирать вверх и лепиться по тесному, вырубленному в отвесной стене карнизу. Монахи, идущие по противоположной скале, оказались в какой-нибудь полусотне метров от Феде. Идти в такой близости от них было страшно. Федя сел на тропу и огляделся.

Ну и занесла его нелегкая! Темно-серые отвесы ущелья взметнулись вверх на несколько сотен метров. Лишь запрокинув голову, можно было увидеть небо. Где-то посередине этой кручи проходила тропа. Рев бешеной реки на дне ущелья едва долетал сюда. Вниз Федя избегал смотреть.

Он подполз к краю обрыва и посмотрел вперед. Караван был уже далеко и гораздо ниже по отвесу скал. В этом месте стены каменного коридора светлели: очевидно, монахи уже были близки к выходу из ущелья.

Федя встал, у него слегка закружилась голова, и он вынужден был идти, придерживаясь рукой за стену. Но сознание того, что незадолго перед этим здесь умудрились пройти груженные мулы, придавало ему смелости.

Вот, наконец, расступились скалы, и глазам открылась луговая долина. Обрамленная пихтовыми склонами, она выглядела очень приветливой. На дне ее, из высохших трав группами поднимались ели; под их прикрытием нагнать монахов не составляло труда. Проследив за направлением тропы, Федя увидел в километре от себя расположившийся на отдых караван. Остановка была кстати: за то время, что монахи отдыхают, он покроеет это расстояние.

Когда до стоянки было уже недалеко, Федя спустился к реке и, разувшись, вымыл в ней натруженные ноги. Ветер принес к нему дым от костра — монахи обедали. Ему зверски захотелось есть. Федя достал лепешку — она была меньше, чем ему бы хотелось. Он и опомниться не успел, как съел половину.

«Ничего, — утешал он себя. — На обратном пути я обойдусь оставшейся половиной, а уж дома отъемся вволю».

Федя поднялся и, крадучись, приблизился к стоянке каравана. Выглядывая из-за ели, он мог наблюдать, как готовятся в путь монахи: переобуваются, грузят на мулов поклажу, гасят костер.

От утомления и голода Федя почти не обращал внимания на перемены в пейзаже. Не сразу заметил он и то, что зашел в некое заколдованное царство.

Это был старый вечнозеленый самшитовый лес. Мох устилал под его кронами землю и камни голубовато-зеленым ковром, вползал на корявые стволы, обволакивал нижние ветви и спадал вниз причудливыми бородами.

Федя все чаще озирался по сторонам и с запоздалой тревогой думал о том, что в этой глуши его подстерегает опасность встречи с дикими зверями. Знай он, что путешествие будет столь длительным, то, может быть, решил бы взять отцовский револьвер. Правда, если верить Тагуа, то медведи еще в спячке, а снежный барс в последние годы стал редкостью. Но что касается волков и кабанов, то они представляли реальную угрозу. Можно было лишь надеяться, что их отпугивает идущий впереди караван.

А тропа шла все дальше и дальше. Наступал вечер.

Страх холодной змеей заползал в душу. Теперь-то Феде было ясно, где предстоит провести ночь.

Караван вступил в полосу косматого хвойного леса, и тропа начала забираться вверх. На противоположном склоне Федя угадал ее продолжение и понял, что, обойдя лощину, монахи окажутся совсем близко от него. Он залег под елью и стал ждать. Через несколько минут цепь каравана прошла так близко, что Федя узнавал лица монахов.

Когда караван начал втягиваться за очередной уступ горы, отец Рафаил обернулся и крикнул:

— Поспешай братья, ночлег близок!

Федя не стал повторять путь монахов. Он спустился на дно лощины, поднялся на противоположный склон и этим намного сократил себе путь. Затем он подошел к повороту, за которым скрылся караван, и выглянул из-за деревьев.

Монахи располагались на ночлег.

Федя почувствовал, насколько стало холоднее. О том, чтобы развести костер рядом с монашеской стоянкой, не могло быть и речи. Памятуя о диких зверях, еще меньше ему хотелось лишиться близости людей. Между корней он отыскал сухую выемку, наломал побольше еловых лап и устлал ими дно и стенки углубления. Ветки покрупнее должны были послужить одеялом.

Федя извлек остаток лепешки и, стараясь не думать о завтрашнем дне, с жадностью съел ее. Усталость валила его с ног, но вдруг, повинуясь безотчетной мысли, он вернулся к тому месту, откуда была видна стоянка каравана.

Вся братия сидела у костра. Рядом высилась гора поклажи, развьюченные мулы стояли неподалеку. Костер отнимал у ночи кусок тьмы, а за монашескими спинами было черным-черно...

Дерзкая мысль зародилась в голове у Феде. А что, если в темноте подкрасться к монахам? Ведь, если повезет, он подслушает их разговор. Сердце его замирало от страха, но видеть и не слышать — это было уже свыше его сил.

Осторожно, от дерева к дереву, от камня к камню приближался он к костру, и когда до него осталось совсем немного, опустился на четвереньки и медленно пополз, ощупывая каждый вершок, боясь хрустнуть веткой или скатить камешек. Временами он замирал на месте, чтобы хоть немного успокоить бешено колотившееся сердце. Еще метр, еще полметра... И вот от спины ближайшего монаха его отделяют лишь несколько сучьев, заготовленных впрок. Он даже чувствует тепло костра, видит освещенные пламенем лица монахов, слышит, о чем они говорят.

Двое чернецов сидят к Феде спиной. Слева, вполоборота к нему, удобно устроившись в развилке сухой коряги, — отец Рафаил, рядом с ним — незнакомый дюжий монах. Правее, отделенный от уставщика пламенем костра, — брат Иван, еще дальше — его

товарищ, тот, с которым они долго совещались, отстав от каравана. Лица бородачей вокруг костра, полускрытые черными капюшонами, выглядят зловеще. Монахи только что отужинали и сейчас сидят, негромко переговариваясь.

Показалось Феде или было так на самом деле: среди монахов царила тревога. Лица их были угрюмы, а в позе отца Рафаила он чувствовал настороженность человека, которому угрожает опасность. Но говорил он спокойно.

— Что до меня, то люблю нашу обитель, люблю монастырскую жизнь, — сказал он, как видно продолжая начатый разговор.

— Еще бы, как не любить ее вам с Евлогием, — ответил ему брат Иван и при этом обменялся многозначительным взглядом со своим товарищем. — В Сухум неизвестно по каким делам отлучки делаете, и в самой обители охулки на руку не кладете...

— Не все ври в один раз, брат Иван, оставь и на завтра. Слова твои греховные, от дури идут. Уж тебе ли роптать? От отца Евлогия одно добро видел. Тебе многое сходило с рук: послушаниями тебя не обременяли, в монахи до времени постригли. Уж я-то думал, ты предан отцу казначею душой и телом.

— Про то я да он знаем, за что мне такие поблажки: не даром делалось. Только не по гроб жизни я ему угождать должен. Он-то нашими руками жар загребает.

— Что-то я в толк не возьму, куда ты клонишь, — проговорил отец Рафаил.

— А к тому говорю, что куда мы идем сейчас: в пещерах, как зверье, спать, черемшой питаться? Да еще со всеми этими делами, того и гляди, к чекистам в лапы угодишь...

— А что, — с миролюбивым видом отвечал отец Рафаил, — горы всем дадут приют. Спрячем, куда надо, поклажу и в Черкесии схоронимся — там свои люди ждут, и никакая ЧК не достанет. А наступит время, и на сих горах вновь воссияет благодать. Вновь расцветет наша обитель, и все, кто в нашем деле участие принимает, в накладе не останутся.

Но брат Иван осмелел. То ли от ссоры, то ли от жара костра лицо его стало багровым, всклокоченная борода и глаза, как плоски, налитые кровью, придавали ему дикий, решительный вид. Он прервал отца Рафаила презрительным смехом:

— Посулы твои мне ни к чему: говорят, на посуле, что на стуле — посидишь да встанешь.

— Ох, не туда гнешь, брат! — попробовал остановить его уставщик. — Ляг да проспись лучше, а там видно будет.

— Проспать? Как бы не так! После таких речей спать мне вечным сном!

— А все же смири гордыню, пока и вправду бог не покарал.

— Ты меня байками не запугивай, лучше послушай. На кой ляд нам эту тяжесть куда-то везти и неизвестно для чего прятать. Время смутное, лихое, еще неизвестно, чем кончится и кому добро достанется. Я, конечно, в точности не знаю, сколько мы везем, но смекаю, что до конца жизни каждому хватит. Так не лучше ли это добро поделить между собой да и разойтись с богом?

Наступило молчание, нарушаемое только треском костра. Отец Рафаил выпрямился и медленно повернул голову к монаху:

— Ты, никак, рехнулся, брат Иван. Ведь против божьего дела голос поднимаешь. Разве не знаешь: за все дела и даже помыслы свои ответ на страшном судилище обязан будешь дать.

— Ах, уволь меня от проповедей, я наперед знаю все твои байки. Бог милостив, покаемся, успеем умолить создателя.

— Так-так... — протянул отец Рафаил. — Может, и простит. Но уж на этом свете, знаю, что не простят: у монастыря руки длинные.

— Куда там длинные. Вон Рыжий наш обитель оконфузил, всю братию взбаламутил, а ничего — гуляет где-то.

Из своего укрытия Федя видел, как недобро из-под башлыка посверкивают глаза уставщика. Тем не менее голос его был спокоен, чуть ли не ласков.

— Как же ты намерен делить добычу: поровну или как? — спросил он.

— Да уж поровну, само собой, — удовлетворенно пробормотал монах. — Мне бы счетец в банке, мне бы домик двухэтажный да приход побогаче!

— Вот я и говорю: ты далеко пойдешь, братец, если сегодня не останешься здесь...

— Потише, потише, поп, — прервал его Иван, — ты не в монастыре!

По сравнению с маленьким отцом Рафаилом фигура монаха выглядела внушительной. К тому же, как понимал Федя, по крайней мере, один из сидящих у костра был его сообщником.

Но в поведении уставщика не было робости. Только руки его нервно поигрывали четками.

Остальные монахи сидели молча, лишь настороженно поглядывая на собеседников. Тревога висела в воздухе.

— Ладно, не буду спорить, брат, — кротко согласился отец Рафаил. — Но легко слово молвить, а сделать как? Сам рассуди: куда ты сбудешь эти вещи? Тебя накроют с ними на первом же базаре. А если и сумеешь сбить, то что ты купишь сейчас на эти деньги: паршивой мамалыги да залатанные штаны на той же сухумской барахолке?

— Это дело хозяйское, — отвечал брат Иван, — да и не мне тебя учить. Вон граница-то рядом — и посуху и морем можно перейти. Там это добро еще в цене.

— К басурманам, значит?

— Ничего, с деньгами и в аду не пропадешь.

— Нет уж, уволь. Я лучше останусь, но и за твои грехи перед отцом Евлогием отвечать не намерен.

— Да мне наплевать с этой самой горы на вас с Евлогием! — зло выкрикнул Иван. — Я пойду туда, куда сам решил.

— Куда бы люди ни шли, они идут к своей смерти, — задумчиво проговорил в ответ отец Рафаил. Он вдруг засмеялся тихонько, но таким зловещим смехом, что другой на месте Ивана понял бы, что его песенка спета. — Вот и выведал я все, что хотел знать, брат Иван. Теперь я скажу тебе, дураку; не было еще человека, кто остался бы безнаказанным, коль пошел против нашего дела. Твое упрямство дорого тебе обойдется.

При этих словах брат Иван вскочил, сжимая алабашу и бешено тараща глаза.

— Братья, долго он будет издеваться над нами?! — крикнул он. — Вяжи его, ирода!

Но вслед за ним поднялся лишь сидевший рядом товарищ. Рука уставщика скользнула за пазуху. Он не доставал револьвера, и выстрел прозвучал так, будто сильнее обычного треснула в костре головешка. Брат Иван тяжело навалился на палку, стал сползать вниз и вдруг ткнулся головой в костер. Капюшон откинулся, и огонь с треском побежал по волосам.

Люди у костра оцепенели.

— Ну-ка, брат Алфей, — сурово проговорил отец Рафаил, — покажи, что и ты готов свершить волю господу.

Сидевший рядом с ним монах встал и шагнул к товарищу убитого.

Что было дальше, Федя не видел. Сраженный ужасом, он уронил голову на руки и на минуту потерял сознание. Протяжный жуткий вопль огласил ущелье, возвещая о том, что душа второго монаха расстается с телом.

Федя не знал, сколько длился его обморок. Когда он, преодолевая дурноту, приподнялся на локте, у костра было лишь четверо. Все размашисто крестились.

— Видит бог, — заговорил отец Рафаил, — я ли не старался, чтобы все были довольны и никто не роптал... Православные! Помянем от жития сего отошедших. Брат Алфей, начинай заупокойную.

«Да ведь это разбойники, настоящие разбойники!» — думал Федя, глядя на черные коленопреклоненные фигуры у костра. И казалось, молятся они не всевышнему, а абхазскому божеству Айрѣх-Аацных — покровителю разбоя и воровства.

Монах-убийца опустился на колени и стал молиться. Остальные последовали за ним. Покончив с молитвой, отец Рафаил оглядел небо.

— Эх, к ненастью дело идет. Жаль, сегодня к месту не успели.

Он подложил в прогоревший костер новых сучьев, и под треск, издаваемый пламенем, Федя отполз в безопасное место. Холодный пот струился по его телу, к горлу подступала тошнота. В ушах звенел крик падающего в пропасть монаха. Станным казалось, что всё так же торжественно высились заснеженные горы, светили звезды и луна. Впрочем, будь Федя поопытнее, он заметил бы, что в природе произошли изменения, не ускользнувшие от глаз уставщика. Горы и небо подернулись завесой; вокруг луны образовалось зловещее красноватое кольцо. Федя собрался силами и стал готовиться к ночлегу.

Глава XVIII, посвящённая монастырскому узнику и его испытаниям на пути в великомученики

В наступившей тишине Василид слышал только удары своего сердца; ум готов был помутиться от всего пережитого, и способность мыслить не скоро вернулась к нему.

Чуть придя в себя, Василид понял, что лежит лицом вниз на каменном полу, и почувствовал боль в разбитом локте. Он боялся двигаться и тем более встать на ноги. Что ждет его в этой тишине? Воображение сразу населило темноту чудовищами и призраками: казалось, стоит протянуть руку, и она натолкнется на что-то мохнатое или скользкое. Лишь через некоторое время Василид попробовал пошевелиться. Он сделал это, стараясь не шуметь, сдерживая дыхание. Мужества хватило только на то, чтобы лечь поудобнее: повернуться на бок, подтянуть колени, а голову положить на согнутый локоть.

Кто были люди, подкараулившие его, при каких обстоятельствах обнаружился его побег? Похитители не произнесли ни слова. Нет сомнения, что это кто-нибудь из сообщников Евлогия. Но кто? Об этом можно было только гадать.

Долгой, долгой ночи, казалось, не будет конца, а день не сулил ничего хорошего. И даже во сне, который пришел под утро, его не оставляло чувство нагрянувшей беды.

Василид проснулся с первыми признаками рассвета. В серых сумерках он разглядел место своего заточения. Судя по тому, как долго его тащили вниз, это был очень глубокий подвал. Когда-то здесь, по-видимому, размещался склад: на стенах еще виднелись остатки полок, по углам валялся хлам. Пахло плесенью и старым тряпьем. У стены стоял расшатанный табурет. Сиденьями могли служить еще полусгнившие ящики. Сквозь массивную решетку светлело окно; уже в метре за ним поднималась глухая каменная стена.

Сколько времени прошло, он не знал, когда откуда-то сверху донесся слабый звук, а затем послышались шаги. Василид метнулся в угол, вперив глаза в дверь.

Тяжело загремел засов, ржаво взвизгнули петли, и дверь открылась. Вошел брат Исая.

У Василида немного отлегло от сердца.

— Спаси Христос! — сказал Исая.

Это был пожилой монах, богомольный и богобоязненный. Впрочем, людей он боялся еще больше. Когда-то из милости принятый в обитель, он не мог этого забыть и жил, всеми помыкаемый, угодливый и робкий. Робость наложила отпечаток и на его внешность: всегда согбенный, взгляд тоскливый и беспокойный. Даже сейчас, перед несчастным узником монах держался заискивающе.

Василид кинулся к нему:

— Брат Исая, скажи, ради бога, кто меня сюда упрятал?

— Не знаю, отрок... не велено мне разговаривать. Смирись и молись господу, — забормотал монах, пряча глаза.

Он поставил на подоконник принесенные им миску и кувшин.

Неожиданная мысль пришла Василиду в голову. Что ему брат Исая: дверь не заперта, выбежать вон, а там будь что будет!

Он кинулся к двери, но вдруг остановился, попятился. На пороге вырос отец Михаил. Несколько секунд он стоял неподвижно, пригвоздив Василида взглядом к углу, затем

сошел со ступенек и зыркнул глазами на Исайю. Тот неслышной тенью выскользнул из подвала.

Отец Михаил огляделся, придвинул к себе табурет и сел. Табурет под ним жалобно заскрипел и перекосялся. Василид и прежде робел перед этим человеком: уж очень страшен был видом монах. Громадного роста, с глазами, глубоко ушедшими под лоб, с всклокоченной черной бородой, закрывавшей почти все лицо, он походил на разбойника; по скуле от носа до уха проходил шрам, и это тоже не очень его украшало.

Мысль о предстоящем допросе заставила Василида помертветь от страха. «Господи, дай силы!» — молил он про себя.

Монах угадал его состояние. Он вдруг заулыбался. Впрочем, улыбкой это трудно было назвать: все лицо его перекосялось, а глаза совсем спрятались под косматые брови.

— Ну что, доволен, пострел, что стариков обманул? Вроде тихий да смиренный, а, поди ж ты, всех вокруг пальца обвел.

Он весело говорил что-то еще, добродушно посмеиваясь, но Василид знал цену этому добродушию и ждал, что будет дальше.

— И куда же ты, отрок, сбежал? — как бы сквозь смех спросил вдруг монах.

Василид давно готовился к этому вопросу, но придумать что-нибудь путное так и не смог.

Отец Михаил, щуря глаза, ждал ответа.

Василид судорожно глотнул слюну. Потом едва слышно ответил:

— Никуда я не сбежал...

— Ну, это не разговор, — весело произнес монах. — Так ответствуй: куда пошел из обители, кого повидал?

— Погулять вышел... надоело сидеть взаперти.

— Престранно, — холодно протянул монах. — Это среди ночи-то погулять? Ловок ты, брат, но врать не мастер.

Василид и сам понимал это и тупо молчал.

— Ты будешь правду говорить или нет?! — вдруг гаркнул Михаил, поднимаясь во весь свой богатырский рост.

Даже при желании Василид не смог бы сейчас выдать из себя ни слова.

Кажется, монах понял, что творится в душе мальчика. Он замолчал и снова уселся на табурет.

— Ладно, не серчай. — Он помедлил с минуту, давая узнику прийти в себя. — Скажи, что за письмо дал тебе игумен?

«Надо быть начеку, — твердил себе Василид, — а про письмо все равно им известно, буду отвечать, как было».

— Дал письмо, снеси, говорит, в ревком...

— О чем в письме говорилось?

— Не знаю, запечатано было.

— Та-ак... А на словах ничего не велел передать?

— Нет, такого указа не было.

— А где письмо?

Василид недоумевающе взглянул на монаха. Тот с усмешкой наблюдал за его замешательством.

— Ну, что же ты, отвечай.

— Вам лучше знать... — с трудом выдавил из себя Василид.

— Да, не скрою, пришлось на грех пойти, чтобы козни против обители пресечь. А про письмо ты кому-нибудь говорил?

— Нет, никому.

Монах повысил голос:

— Ты мне зубы не заговаривай: что ни слово, то новый грех. К кому что ни день в город шастаешь?

Василид стоял втянув голову в плечи и сцепив пальцы рук.

«Господи! — молил он. — Дай силы устоять, не проговориться!» Что было, то было: отлучки из обители одно время были так часты, что трудно было их отрицать. И он молчал.

— Ну, нечестивец, отвечай! — свирепо крикнул монах. — Мало тебе казни на том свете, и здесь решил испытать?

У Василида хлынули слезы. Он плакал беззвучно и, боясь пошевелиться, не вытирал их. Монах наблюдал за ним, но было непонятно, испытывает ли он сострадание к послушнику.

— Ладно, уймись, — сказал он. — Когда снова приду, выложишь все как на духу; не посмотрю на малолетство, я ведь и черта заставлю перекреститься.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Лязгнул засов.

Когда смолкли шаги, Василид опустил на ящик. Слезы обессилили его, но на душе стало легче.

Он подошел к подоконнику и попробовал было поесть, но едва смог проглотить маленький кусочек хлеба. Воду, что была в кувшине, он выпил всю. Затем, присев на табурет, Василид попытался собраться с мыслями и обдумать свое положение. Из разговора с отцом Михаилом, подтвердилось, что письмо игумена выкрали монахи из шайки Евлогия. Василида вдруг осенило: «Раз письмо предназначалось для ревкома, они и боятся, что я в ревком убегал доносить, — подумал он, — а про ребят они и не догадываются!»

Но что отвечать Михаилу на следующем допросе? Василид понимал, что его мужества ненадолго хватит.

В полдень на лестнице снова послышались шаги. Это был брат Исая. Монах вошел и поставил на подоконник миску с обедом. Не задерживаясь, он поспешил вон и лишь на пороге, обернувшись, посоветовал:

— Молись, братец, всевышнему.

Но молиться Василиду не хотелось.

В миске он обнаружил селедку и хлеб. Перед трапезой все же пришлось наскоро прочесть обычную молитву, а после еды захотелось пить. Он взялся за кувшин, но вспомнил, что выпил всю воду. Вот досада!

Чтобы как-то скоротать время, Василид принялся сооружать себе постель: кто знает, сколько дней ему придется здесь провести. Из остатков ящичков и старых икон удалось соорудить ложе, а из ветоши какое-то подобие постели. Роясь в куче хлама, он наткнулся на полуистлевшие «Жития святых». Василид прилег и стал читать, все время настороженно прислушиваясь. Иногда до него слабо доносились удары колоколов, и, зная очередность монастырских служб, он мог судить о времени.

А время в одиночестве тянулось страшно медленно. Узник доел хлеб и селедку и теперь все чаще поглядывал на дверь в ожидании монаха с водой.

В подвале сгустился мрак, вместе с темнотой подступала тоска. Василид был бы рад даже обществу брата Исая. Но монах так и не пришел.

Василид зажег принесенный им огарок свечи и при его свете прочёл еще несколько страниц. Но огарок был мал. Вот фитиль вспыхнул в последний раз, пламя затрещало и погасло. Тотчас в темноте завозились мыши. Тоска и жажда стали еще ужаснее. Он снова заплакал.

Под утро ему приснился сон. Будто он поднимается на Святую гору по знакомой монастырской дороге. Подъем тяжел — губы запеклись, и в горле пересохло. Взобравшись на гору, Василид кидается к святому колодцу; монах протягивает ему ковш студеной воды. Василид припадает к нему и пьет жадными глотками. Он пьет и пьет, но жажда не убывает...

Василид проснулся. Колокол сзывал к заутрене. Снова слабый свет озарял стены. Постель набухла от влаги; от сырости, проникшей сквозь одежду, его била мелкая дрожь.

Жажда, мучившая во сне, наяву стала нестерпимой. Василид в тоске заметался по своему узилищу, снова заглянул в кувшин, хотя прекрасно знал, что он пуст. Наконец он услышал шаги на лестнице. Со словами «Благослови, господь!» вошел Исая. В руке он держал миску, где, как и прежде, лежали хлеб и ненавистная селедка.

— А вода где? — вскричал Василид.

— Вода?.. А я думал, у тебя еще есть, — скороговоркой заговорил монах. — Ах ты, грех какой!

Словно не веря мальчику, он тряхнул кувшин и даже для достоверности перевернул его.

— Ладно, сейчас новый принесу. — Он взял кувшин и, не поднимая глаз, поспешно вышел из подвала.

Василид тоскливым взглядом проводил его: еще несколько минут ждать. Но несколько минут прошло; прошло и полчаса, и час. Напрасно Василид прислушивался: за дверь была тишина.

Стены подвала источали влагу, и Василид с вождением поглядывал на капли воды, проступившие на штукатурке. Наконец он не выдержал и попробовал слизывать их языком. На вкус это была обычная вода, вернее, необычайно вкусная. Она приятно освежала рот, но в горло почти не попадала. Теперь Василид только тем и был занят, что вылизывал стены. Но за час этого унижительного занятия в его желудок попало едва ли больше наперстка. К тому же он поцарапал себе язык и понял, что скоро начнет глотать собственную кровь. А что ждет его дальше? Чтобы забыть о воде, он улегся на свое ложе и попытался уснуть, но перед глазами неотступно струилась вода из источника, что находился в углу его тайника.

Спустя несколько минут Василид не выдержал и, забыв о страхе, начал исступленно колотить в дверь. Но дверь из тяжелых дубовых плах, стянутых железными полосами, едва вздрагивала от ударов его маленьких кулаков. Тогда, повернувшись спиной, он начал бить в нее каблуками, но скоро понял, что его не услышат. Внезапная мысль пронзила его: так вот что они задумали: пытку жаждой! Сейчас она казалась ему ужаснейшей из всех. Да и значит ли, что она будет единственной? Описания пыток, вычитанные из «Житий», пришли ему на память. Были здесь и прижигание огнем, и ослепление, и выворачивание суставов, и медленное удушение, и подвешивание вниз головой... Ну, авось до этого не дойдет. Сколько он сможет продержаться? Выдержит ли он и сохранит тайну или сдастся и навсегда лишится права смотреть в глаза друзьям?

Но вместе с сознанием своей беспомощности в голове у него зрела мысль: ведь терпит он за правое дело — хочет отдать золото на прокормление гибнущим от голода людям, а шайка Евлогия задумала прикарманить его. И не антихрист ли в образе казначея руководит этой сворой? (Он с удовольствием представил себе Евлогия с рогами под клубком и хвостом под рясой.) И перед такими людьми он должен отступить? Нет, нет, нет! Его лихорадило от возбуждения. Он принялся листать «Жития»: не было ли среди великомучеников отроков его возраста? Таковых он не нашел, но это не очень огорчило его. Что ж, если не было, то почему бы ему не стать первым? В глубине души у него теплилась надежда на чудесное избавление от мук. Василид был в каком-то дурманящем благоговейном чаду.

Но время шло, и жажда продолжала мучить.

«Ничего, — думал он, — всего сутки не пью. Не так много. Потерплю».

Преисполненный этими мыслями, одетый в броню правды, он сам теперь жаждал сразиться со своими тюремщиками.

Однако едва он слышал на лестнице шаги, сердце его отчаянно забилося. Он встал и отошел в угол.

Хлопнув дверь, вошел отец Михаил. Он уселся на табурет и, расправляя на коленях рясу, приглядывался к послушнику. От него не укрылось возбуждение на лице мальчика.

— Ты здоров ли? — спросил он.

— Здоров, слава богу.
— А вид у тебя что-то неважный. Исповедуйся, сразу легче станет.
— Я хочу пить, — угрюмо перебил его Василид.
— Разве брат Исая не дает тебе воды? — с хорошо разыгранным удивлением спросил монах.
— Нет.
— Ай-я-яй! Что же это он, негодник! Забыл, небось. Ну ладно, это дело поправимое. Надеюсь, ты поумнел малость. Несладко тебе здесь, а на том свете и вовсе худо придется, если старшим лгать будешь. Ну как, будешь отвечать?

Василид еще ниже склонил голову под его пронзительным взглядом. Монах понял это движение как знак согласия.

— Так куда же ты из монастыря в последние дни бегал?
— Я же говорю — гулять, скучно стало без отца Георгия.
— Ты при нем еще отлучки начал делать. Он ведал об этом?
— Нет, не ведал.
— Вот видишь: был бы он жив, тоже бы по головке не погладил.
— Он любил меня...
— Любовь любовью, а устав уставом. Избаловал тебя игумен, вот ты и перестал слушаться. Не тебя ли монастырь нищим подобрал, вскормил, вспоил, воспитал. А ты вон как на ласку отвечаешь.

«Как бы, не так, — подумал Василид. — Это отец Георгий пригрел меня, а до того одни тычки да подзатыльники видел».

— Всех нас разбаловал покойный, — продолжал монах, — прости, господи, грехи его: обитель разорил, народ православный от веры отталкивал, с властью антихристовой стал якшаться.

У Василида от обиды за отца Георгия выступили слезы. Забыв об осторожности, он выпалил:

— Неправда! Он добрый был, и все его любили. Это вы на сундуках с золотом, как кощеи, сидите, когда народ православный с голоду помирает, а он хотел помочь людям!

— Та-а-к, — протянул монах с довольной усмешкой. — Это, про какие такие сундуки ты говоришь?

Василид прикусил губу.

— Ну, что же ты замолчал? Может, и нет никаких сундуков. Откуда бы тебе про них знать? В письме игуменском вычитал?

— Нет, отец Георгий перед кончиной рассказывал.

— Игумен последние дни вовсе заговариваться стал. А ты и дальше пошел нелепицу разносить. Кому про это сказал?

— Никому.

Брат Михаил начал терять терпение. О том, что послушник знает о ценностях, он проболтался, осталось лишь узнать, до кого еще дошла эта тайна. Он повысил голос:

— Отвечай, кому еще про это говорил?

Василид набрал в грудь побольше воздуха и, словно кидаясь в омут, выдохнул:

— Не скажу!

Чернеца этот ответ даже рассмешил: это ему-то не признается? Он сказал как можно благодушнее:

— А чего бы не сказать? Если виноват — покаешься на исповеди. Мне скажешь да исповеднику, никто больше и знать не будет. Говорю это, радея о спасении твоей души.

Василид почти не слушал его. «Надо совершить подвиг», — твердил он себе. И как можно тверже он сказал:

— Нет, не скажу, я клятву дал.

— Клятву? — удивленно переспросил монах.

Василид, весь сжавшись, ждал, что будет.

— Это где же ты ее давал?

— В одном месте...

Отец Михаил встал и прошелся взад-вперед по подвалу, нахмутив брови и о чем-то усердно размышляя. Потом остановился против мальчика.

— Там еще три чинары стоят, а промеж них камень?..

Василид не ответил, но по тому, как он изумленно вскинул глаза, монах понял, что угадал.

— Вон куда тебя метнуло, — произнес он. — А знаешь ли, что ты продал душу дьяволу: языческий обряд совершил? Ведь этот камень — алтарь языческий, нехристи перед ним со своими духами якшаются.

Такой оборот озадачил Василида.

А монах продолжал, все повышая голос:

— Мы проповедуем слово божье, язычество искореняем, а среди нас, оказывается, свой Иуда завелся?

И, не спуская с мальчика пронзительного взгляда, он не спеша напомнил ему священные тексты, повествующие о непреложности адских мук, вечного проклятия, терзаний, пыток, казни огнем неугасимым.

Но Василид не очень прислушивался к словам монаха. «Я не знал, что этот камень означает, и клялся на доброе дело, — думал он. — И в господя нашего не переставал верить. Может, и нет тут никакого греха».

Он поднял голову и посмотрел на своего мучителя. На лице отца Михаила явственно светилось торжество, а шрам, поднимая угол рта, придавал его лицу что-то сатанинское. А может, в его образе и есть сам сатана?

— Отвечай без утайки: кому и в чем клялся? — крикнул он, надвигаясь на мальчика своей огромной фигурой.

«Вот оно, началось», — подумал Василид и, собрав все душевные силы, выкрикнул в лицо монаху:

— Умру, а не стану отвечать! И ты, и Евлогий — все вы слуги сатанинские, а я перед богом отвечаю!

Монах на секунду опешил.

— Ах ты, поганец! — прошипел он, выкатывая глаза и замахиваясь огромной ручищей.

Но тут душевные силы покинули Василида, и, не дожидаясь удара, он упал без сознания.

Глава XIX, в которой обрывается путешествие Феде

Мучительной была эта первая ночевка в горах. Казалось бы, бессонная ночь, проведенная на дереве, и утомительный дневной переход сразу заставят погрузиться в сон. Но стоило Феде только закрыть глаза, как все мышцы занули, а мозг стал повторять беспорядочной чередой события дня. Когда же сон начал одолевать его, подкрался новый враг — холод. О том, что ночью похолодает, Федя догадывался и поэтому, когда улегся в свое логово, постарался втащить на себя побольше еловых лап. Ему удалось немного согреться, но к полночи стали подниматься из ущелья испарения и обволакивать горы белесым туманом. Туман сгущался, подбирался к телу и скоро стал пронизывать холодом до костей. Чтобы не замерзнуть окончательно, пришлось выбраться из убежища. Федя долго растирал окоченевшие руки и ноги, а потом, преодолевая усталость, стал прыгать, приседать и размахивать руками. Немного согревшись, он снова залез в ямку и укрылся ветками. Но уже через час все пришлось повторить. А потом еще и еще раз. Казалось, этой тяжелой ночи не будет конца. С первыми признаками утра Федя окончательно покинул свое негостеприимное логово. Он чувствовал себя разбитым, ноги ныли, от голода поташнивало.

День занимался мутный, тяжелый. В туман уходили подножия гор, а вершины прятались в серых низких облаках. Как из небытия, поднимались готические верхушки

елей. Федя осторожно поднялся на гребень скалы, отделявшей его от стоянки монахов. Они были уже на ногах и укладывали груз на мулов. На месте костра поднимался столбик голубоватого дыма. При мысли о еде и горячем чае на душе стало еще хуже.

Караван тронулся в путь. Едва он скрылся с глаз, Федя подбежал к стоянке с надеждой поживиться остатками чужой трапезы. Увы, вокруг кострища валялись лишь обрывки бумаги да яичная скорлупа. Федя несколько мгновений подержал над едва тлеющими углями озябшие руки и поторопился вслед за караваном.

Туман еще висел, но наверху воздух пришел в движение: низкие всклокоченные тучи на глазах меняли очертания.

Казалось бы, при ходьбе Федя должен был согреться. Однако озноб не оставлял его, а лицо горело и в голове была непривычная тяжесть.

Дорога становилась все трудней и опасней. Тропа едва угадывалась на камнях. Монахи тоже чувствовали себя не очень уверенно: они шли медленно, идущий впереди то и дело всматривался в землю.

Федя был рад остановкам. В эти недолгие минуты он прятался за камни и отдыхал. Но едва трогался караван, он тотчас же поднимался. Все силы его были направлены на то, чтобы подчинять ходьбе утомленное тело, мысли — не выдать себя.

Тропа начала уводить в сторону от ущелья, шум потока становился все слабее и, наконец, смолк совсем. Настороженная тишина установилась вокруг. Вдруг ветер, до сих пор лишь трепавший облака, упал с неба и ворвался в горы. Он засвистел между скал, шурша прошлогодней травой и поднимая снежную пыль, скопившуюся в ложбинах. Еловые ветви заплясали, высохшие сучья застучали друг о друга. В несколько минут ветер разогнал туман. Видимость стала лучше, и держаться в прежней близости от каравана было уже рискованно. Федя свалился под скалой, чтобы немного переждать. Отдых был недолгим.

Едва караван скрылся за гребнем невысокого склона, Федя отправился за ним следом. Идти под ветром стало еще труднее.

Поднявшись на возвышение, за которым скрылись монахи, Федя увидел, что караван опять приближается к ущелью. Снова пришлось переждать. Спрятаться было негде, и Федя лежал, обдуваемый холодным ветром. Все же Федя заставил себя бегом преодолеть открытое пространство. Но, добравшись до края обрыва и глянув вниз, он убедился, что спешил напрасно — монахов задержала переправа. На дне неглубокого в этом месте ущелья через бурный поток был переброшен мостик из длинных жердей. Даже отсюда было страшно смотреть, как идут по нему люди и мулы. Быть свидетелем гибели еще одного человека или животного было выше сил, и у Феде вырвался вздох облегчения, когда он убедился, что монах, замыкавший караван, ступил на противоположный берег.

Но что это: закончив переправу, монахи взяли за палки и, дружно орудуя ими, начали сбрасывать жерди моста в реку. Несколько раз, вздыбившись в клокочущем потоке, они унеслись прочь. Одну из жердей волна бросила на выступающий камень и переломила надвое, точно спичку. Мост в одну минуту перестал существовать. С угасающей надеждой Федя оглядывал русло потока. Караван тем временем поднялся на противоположный склон и скрылся за его гребнем.

Федя сбежал на дно ущелья и в отчаянии заметался по берегу. И вот в одном месте он обнаружил какой-то намек на переправу: разделяя надвое поток, в воде торчал небольшой, с плоской вершиной утес. Если хорошо разбежаться, можно было прыгнуть на него, потом по выступающим из воды камням перебраться на противоположный берег. Вконец усталый и промерзший, Федя понимал, как опасен подобный прыжок.

Поток прорывался со страшным грохотом, метался и ярился вокруг камней, вскипал водоворотами. Над утесом висел туман из водяных брызг.

Да, настал час, когда надо было доказать свою храбрость или отступить и навсегда возненавидеть себя. Федя разбежался и прыгнул.

Он оттолкнулся от берега удачно и, пролетев сквозь облако брызг, приземлился на покатоном склоне утеса. Но в то же мгновение ноги скользнули по мокрой скале, Федя грудью ударился о камень и поехал вниз. Его окатило ледяной волной. Судорожными движениями он стал шарить руками по поверхности камня и ухватился за торчащий из трещины стебелек самшита. Был он едва ли больше крысиного хвоста, но густо усыпан плотными кожистыми листьями. Листья не дали соскользнуть пальцам. Цепляясь свободной рукой за шероховатости камня, срывая ногти, Федя подтянулся, и сантиметр за сантиметром выбрался на плоскую вершину утеса.

С минуту Федя лежал, распластавшись, лоя ртом воздух; его мутило от пережитого страха. Когда он немного пришел в себя, то увидел, что остаток переправы не столь опасен, он заставил себя подняться и, прыгая с камня на камень, достиг берега. Он задержался лишь для того, чтобы снять сапоги и вылить из них воду. Затем поспешно выбрался на противоположный склон.

Перед ним раскинулось обширное неровное плато. Через него тянулась цепочка людей и мулов. Тропа осталась в стороне. Вскоре монахи скрылись в низине, и Федя зашагал им вслед.

Он шел, сильно наклонившись вперед. Когда ветер, на мгновение стихая, переставал поддерживать Федю, он падал на руки и колени.

Впрочем, и монахам, должно быть, приходилось нелегко: ветер рвал, как паруса, полы их балахонов, срывал башлыки; мулы то и дело останавливались. Но монахи, по крайней мере, не мерзли. А Федю облепляла мокрая одежда, ноги в сапогах были как в холодных компрессах. Его бил озноб, голова болела. Но он шел и шел, механически переставляя ноги, падал, поднимался и шел дальше.

Одолевали мысли. Сколько километров позади! Даже если он выследит, куда спрячут свой груз монахи, никогда ему, обессиленному и замерзшему, не добраться до дома. А нагнать караван и сдать монахам — значит бесславно кончить жизнь в плену, в каком-нибудь белогвардейском гнезде. Да что там, будут ли еще монахи связываться с такой обузой — больным, измученным мальчишкой! Он просто будет застрелен или сброшен со скалы. Нет, уж лучше самому погибнуть в этих диких горах, умереть на этой тропе, чтобы кости его, объеденные волками, нашел какой-нибудь охотник. По остаткам одежды люди узнают его... Федя проклинал свою самонадеянность. Сообщил он вовремя в ревком, что готовится похищение, и все сложилось бы иначе. Так нет — славы захотелось!

Голова его разрывалась от боли и сознание туманилось. Ног он уже не чувствовал. Шапку давно сорвал с головы и унес ветер — ему было все равно. Он упал и не спешил подняться. Равнодушие овладело им. Хорошо было так лежать, укрывшись за скалой от ветра.

Мысли его вернулись в город, к Василиду, Аджину... Они втроем стоят на солнечной поляне, в окружении зеленых платанов. Вместе с этой картиной начинают всплывать в памяти слова. Что же там говорилось? «Я, сын трудового народа... — кажется, так, — вступая в «Киараз», буду верой и правдой предан делу революции... буду биться до последней капли крови своей... И пусть карают меня народ и Ажира, если я отступлюсь». Что-то Аджин говорил про эту Ажиру... Но сейчас это не важно. Федя уже поднял голову. Затем, отталкиваясь от земли руками, он заставляет себя встать на колени. Ветер хочет завалить его набок, но Федя прижимается к камню. Из-за камня видно плато. Федя шарит по нему взглядом и видит, как фигурки людей и мулов одна за другой исчезают за краем плато.

Выждав момент, когда ветер стих, Федя, придерживаясь руками за камень, поднимается с колен и идет, слегка наклонив тело вперед, широко расставляя ноги. Это напоминает хождение в шторм по палубе. Буря, кажется, начала стихать.

Так он добрался до края плато. Отсюда открывалась неглубокая долина. Но от мальчика ее дно было скрыто выступающим склоном; чтобы увидеть караван, следовало достигнуть этого выступа. Преодолевая головокружение, Федя начал спуск. Вопреки

ожиданиям это оказалось легче, чем идти по ровному месту: склон был крутой, и за него можно было держаться руками. Зато стоило оступиться, и он покатился бы вниз. Федя подобрался к выступу.

Внизу, под навесом скалы, монахи разгружали мулов.

Долина даже в это время года выглядела уютной, по дну струилась речка. По противоположному склону низвергался каскад.

Тело уже не подчинялось Феде, он лежал неподвижно и глазами следил за монахами.

Двое из них отделились от стоянки и полезли вверх по склону. Взгляд его, опережая монахов, поднялся выше, и в сером каменистом откосе Федя увидел вход в пещеру.

Радость вспыхнула и сразу погасла, оставив лишь горькое удовлетворение. Тайна, добытая с таким трудом, умрет вместе с ним. Клад, бесценный клад будет лежать здесь до тех пор, пока эти разбойники в рясах не сочтут нужным вернуться за ним.

Но тут Федя спохватился: пройдет еще три-четыре минуты, и монахи, лезущие по склону, поднимутся настолько, что непременно увидят его. Надо было снова подняться на плато.

Что ж, пусть это будет его последним усилием в жизни. Встать на ноги не было сил, и эти несколько десятков метров Федя одолел ползком. Последние силы оставили его, и он замер, распластавшись на голых камнях.

День ли, час длилось это состояние, Федя никогда не смог бы сказать. Но в какой-то момент он ощутил, как чьи-то руки касаются его, переворачивают на спину. Наконец, повинаясь легким толчкам и голосу, доносившемуся словно из другого мира, он с усилием открыл глаза. Он увидел над собой незнакомое лицо и яркую рыжую бороду. Ужас коснулся его сердца, и он окончательно потерял сознание.

Глава XX, из которой становится ясно, что Рыжий монах и вправду существует

Сначала его мучили кошмары. Они поднимались из глубин затуманенного мозга, подсказанные событиями последних дней. Один был особенно жутким и навязчивым. Он сидит верхом на муле. Не подчиняясь узде, мул несется по горной тропе. С высоты седла Федя видит, как тропа обрывается над пропастью. Он силится соскочить с мула, но ноги его увязают в стремях.

Сдавленный крик вырывался из его горла и прерывал сон. Федя открывал глаза и сквозь горячечную пелену тумана неизменно видел перед собой лицо Рыжего монаха. В страхе он закрывал глаза и проваливался в новый кошмар. Теперь он видел сидящих у костра монахов. Один из них берет из костра головню и подносит к своей трубке. Но от головни вдруг с треском вспыхивают его волосы, и голова пылает высоким ярким факелом. Федя хочет крикнуть, но боится выдать себя, и он стонет, стонет до тех пор, пока и это видение не исчезает.

Временами рот мальчика наполнялся какой-то жидкостью, и он невольно проглатывал ее; до слуха доносился голос, но мозг долго был не в силах отделить эти ощущения от преследующих его видений.

Сколько это длилось, Федя не знал. Но однажды он открыл глаза и понял, что пришел в себя. Над ним был каменный закопченный потолок. Федя повернул голову и встретил взгляд человека. В том, кто это был, сомневаться не приходилось: волосы и борода его цветом почти не отличались от пламени очага, возле которого он сидел. От страха Федя снова закрыл глаза. На его лоб легла прохладная рука, он услышал тревожный хриловатый голос:

— Хвала господу! Пришел в себя наконец... — Совсем близко на него смотрели светлые печальные глаза. — Не засыпай, отрок, выпей-ка сперва вот это.

Рука монаха приподняла его голову, в нос ударил незнакомый запах. «Отрава!» — пронеслось в голове. Но протестовать не было сил. Жидкость была горячая, чуть горьковатая. Федя выпил все, что было в кружке. Теплота разлилась по телу и притупила боль, сидевшую в груди и в горле. Забыть, на этот раз без сновидений и кошмаров, овладело им.

Когда Федя снова очнулся, Рыжий монах сидел на краю его постели, точно и не отходил никуда. Вид у него был утомленный, глаза покраснели.

— Что, очнулся? Видать, на поправку пошло. Выпей лекарство, а потом поешь, еще лучше станет.

На этот раз Федя без колебаний выпил знакомую пахучую жидкость.

На железном пруте, торчавшем из задней стенки очага, висел котелок. Монах отлил из него в деревянную миску какое-то варево.

— Это уха из царской рыбы — форели.

Есть Феде совсем не хотелось, но, повинувшись, он проглотил несколько ложек. Вкуса не почувствовал. Слабость была такая, что рука с трудом держала ложку, и горло болело.

Монах следил за каждым его движением.

— Что же ты рыбу не ешь? Кушай во здравие.

— Не хочу больше, спасибо.

— Исхудал ты очень... Эх, мясного бульона бы тебе! Только где возьмешь.

Хозяин жилища тоже не производил впечатления сытого человека. Узкая борода еще больше удлиняла его лицо с запавшими щеками и обтянутыми скулами.

— Лежи. Бог даст, дня через три поднимешься.

«Дня через три... — подумал Федя. — А сколько же прошло?» Он посмотрел на свои руки: ссадины на них уже затянулись. Монах словно угадал его мысли:

— Вторые сутки доходят, как ты здесь. Да еще в горах сколько-то пролежал.

— А где я сейчас?

— У меня в гостях. Вот встанешь — посмотришь мои хоромы пещерные.

— Чем же вы сами питаетесь?

— У меня целое хозяйство: и огород и коза. Мельница даже есть. Рыбу ловлю, фрукты, мед собираю. Ем, что богом дано, только мяса не употребляю.

Федя решил задать главный вопрос:

— А кто вы, дядя?

— Я грешный инок Иона.

— А я думал, так болтают... — вырвалось у Феде.

— Разве слышал обо мне?

Федя молчал.

— Чего застыдился-то? — улыбнулся Иона. — Рыжим монахом называют? Так я и есть рыжий. А ты кто будешь?

— Меня зовут Федей... Федя Вахрамеев.

— Как же попал в эти места?

Не хотелось обманывать этого человека с добрыми утомленными глазами. Но и тайну выдавать было нельзя.

— Заблудился...

— От взрослых отстал, поди?

Федя был рад этой подсказке.

— Да, в Черкесию шли... — Он замолчал и мысленно выругал себя: это караван вынужден был туда через горы идти, а обычная дорога на перевал сворачивала далеко позади.

Но монах не стал избобличать его во лжи: то ли пожалел, то ли сам не знал дороги. Он грустно покачал головой:

— Досталось тебе; хорошо еще, что звери не напали.

— А больше вы никого не видели?

— Нет, не довелось.

— Бредил я? — с беспокойством спросил Федя.

— И бредил, и кричал во сне, и стонал громко.

— А что говорил?

— Да все «Киараз» какой-то поминал, голодных накормить обещался... Добрая у тебя душа. А больше ничего я не понял.

У Феде немного отлегло от сердца.

— Что за «Киараз» такой? — продолжал Иона. — Помнится, среди абхазских крестьян это слово в ходу было.

— Так у них содружество называется. А когда от меньшевиков Абхазию освобождали, партизанские отряды себе такое имя взяли.

— От кого, говоришь, освобождали?

— От меньшевиков.

Монах помолчал с минуту, о чем-то вспоминая, спросил:

— Ну и как, освободили?

— А то, как же, — усмехнулся Федя, — так дали, что те аж до самой Персии пятками сверкали.

— Кто же теперь краем правит?

Федя недоверчиво посмотрел на собеседника:

— А вы будто не знаете.

— Откуда мне знать? Слышал, что царя уже нет, так то давно было. От мирских дел в стороне живу. Видел красный флаг в городе, а что сие означает, не ведаю.

— Власть в руках рабочих и крестьян. А в том доме, где флаг, ревком помещается... революционный комитет, значит.

— Власть рабочих и крестьян? — задумчиво переспросил монах. — А партия как называется?

— Большевистская. Дядя Иона, вы что, в самом деле ничего не знаете? — У Феде даже дух захватило от удивления. Вот уж будет что порассказать!

— В девятьсот пятом году слышал о такой партии, — неуверенно сказал монах, — только запамятовал, чего они хотят.

— Не хотят... По всей России землю и фабрики у буржуев и помещиков отняли, — заговорил Федя. — Землю крестьянам поровну поделили, заводы рабочим отдали...

— Ишь ты, а помещики да буржуи не противились?

— Ну, ясно, не хотели! Гражданскую войну начали. Сначала, правда, наступали, да только куда им против Красной Армии! Конница Буденного как погнала их!

От возбуждения Федя повысил голос.

— Ладно, ладно, погоди, — перебил его монах. — Ты вот что скажи: эти большевики-то верующие или как?

Вот тебе на! Федя даже растерялся.

— Наоборот, безбожники все.

— А почему тогда по евангельским заветам поступают?

— Зачем по евангельским? Так Ленин учит.

— Это кто такой?

— Это... самый главный большевик, Председатель Совета Народных Комиссаров.

Федя долго с жаром рассказывал обо всем, чего не знал его новый знакомый. Тот лишь покачивал от удивления головой. Потом вдруг спохватился:

— Какой грех! Совсем голову потерял: тебе отдыхать надо, а я уши развесил, мирскими делами интересуюсь. Давай-ка спи да сил набирайся, а я дров на ночь заготовлю: вон как тепло-то выдувает.

Поверх рясы он накинул на себя длинный балахон с капюшоном и вышел. Дверь открылась только на секунду, но струя холодного воздуха метнулась в жилище и пригнула пламя в очаге. Мурашки забегали у Феде по спине. Он представил себя лежащим без сил на диком пустынном плато, под неистовой вьюгой.

Так вот кто оказался его спасителем! Федя с трудом приподнялся на локте и огляделся.

Пещера, расширяясь от входа, тянулась в глубину. Дверь, сколоченная из массивных еловых плах, была неправильной формы, потому что повторяла контуры входного

отверстия. По сторонам от входа стояли кадушка и ящик, здесь же размещался хозяйственный инвентарь: Федя разглядел топор, лопату, мотыгу. На вколоченном в трещину колышке висел подвойник из долбленной тыквы; рядами свисали пучки каких-то трав. Федя лежал на возвышении, сооруженном из жердей и накрытом тюфяком из мха. Белье было сшито из грубого холста, что ткется в крестьянских домах. У противоположной стены высился очаг, сложенный из плитняка. От него вдоль стены протянулся грубо сколоченный стол, над ним — полка со скупым набором деревянной посуды. В дальнем, закругленном углу висел бедный — в три-четыре образа — иконостас; в окладах икон скупо отражался свет одинокой лампы. Вот и все убранство пещеры. Воздух был сухой, пол подметен и посыпан песком.

А где же спал сам хозяин пещеры? Федя перегнулся через изголовье и разглядел на земле подстилку из еловых лап, накрытую какой-то хламидой. Этой убогой постелью довольствовался Иона с тех пор, как в пещере поселился он, Федя. Жалость и благодарность овладели его сердцем.

Вскоре отшельник появился с большой охапкой дров.

— Вот разыгралась непогодушка! — заговорил он, отряхивая от снега балахон. — Не приведи господь доброму человеку в горах оказаться. Молиться надо за плавающих и путешествующих.

Он разделся и бросил в затухающий огонь мокрый еловый корень. Черный дым повалил от него и струями заходил под потолком, но через минуту дерево вспыхнуло и пламя загудело в дымоходе, отсветы его заплясали на стенах пещеры.

— Вот как хорошо! С огоньком и теплее и веселее, а если есть что в котелке подогреть, то и того лучше.

Глаза монаха покраснели от дыма, но довольно блестели.

— Что не спишь, отрок?

— Не хочется; видно, отоспался. Хорошо тут у вас. Но ведь случись что с вами — заболете, например, — так даже воды подать некому.

— Все в воле господя, до сих пор миловал. Простужался, это бывало. У меня на этот случай лекарства кой-какие есть. — Он повел рукой в сторону развешенных трав. — Есть от простуды, от ревматизма. Вот по-абхазски ахурбигиц — раны заживляет; аджаква — от малярии. То, что тебе пить давал, — ашхардац — целебный корень, от всякой немощи полезен, силы восстанавливает, вроде женьшеня. Абхазские пастухи его очень жалуют.

— Откуда вы все это знаете?

— Поживи здесь с мое, и ты узнаешь. — С довольным видом он продолжал: — А что касается воды, то у меня и водопровод есть. — Он взял кружку и, подойдя к боковой стенке очага, повернул какое-то устройство. Потом показал Феде кружку: из нее шел пар. — Хочешь, идет горячая вода, хочешь — холодная.

Огонь затухнет, а вода еще целый день горячей будет — камень долго тепло держит.

— Вы изобретатель, оказывается! Только, живя здесь, никому пользы не принесете, — вырвалось у Феде.

— Достаточно того, что зла людям не несу.

— А как же без людей жить? Ведь скучно одному.

— Тому не скучно, кто богу жизнь посвятил, — несколько сурово отозвался Иона. — Наедине с богом да природой, не ведая тревог, куда лучше. Впрочем, неверующий ты — все равно не поймешь.

Он присел у очага и, прищурившись, стал смотреть на пламя. Его худое лицо с узким носом и запавшими глазницами резко очерчивалось в свете огня.

«Что же заставило его отдалиться от людей?» — подумал Федя. Словно отвечая его мыслям, Иона заговорил:

— Люди злы, неразумны, суеверие в них говорит. Другой в бога не верит, а черной кошки боится. Меня увидят — бегут прочь. Именем моим детей пугают. А того не знают,

что я не то, что человека — ни одной божьей твари в жизни не обидел. — Лицо и голос отшельника были печальны.

— Вы в монастыре прежде жили? — спросил Федя.

— Да, жил я в обители, но вспоминаю то время как дурной сон.

— А почему?

— Двумя словами на это не ответишь, соколик.

— А вы расскажите, все как было. Я очень монастырской жизнью интересуюсь, у меня даже друг в обители есть.

— Вон как! Ну, если охота, слушай, будем коротать время. Начну с того, что лет до тридцати вел я жизнь суетную. От родителей покойных осталось мне именице, так что нужды знать не привелось, а поэтому и к труду большой склонности не испытывал. Благ и удовольствий не чурался. Единственное, к чему я охоту имел, — это странствовать по родной земле. Но путешествовал не как паломник — с батожком да с котомкой, а с удобствами — в поездах, на пароходах. В этих странствиях посетил немало земель, отмеченных русской историей. Побывал и в местах, дорогих сердцу каждого верующего: на Соловках, в Киевской и Псково-Печерской лаврах, на уральском озере Тургояк, чьи берега заселены божьими людьми. Но даже там не испытал священного трепета. И вот в одно достопамятное утро пароход, на котором я плыл вдоль берегов Кавказа, встал напротив Святой горы. И так-то хорошо мне здесь показалось!

Не успели остановиться, как подплыли на ботиках монахи, повезли желающих обитель смотреть. Ходил я по монастырским владениям и всем любовался. Братья все в черных одеяниях, ласковые, приветливые. Сами землю возделывают, заморские растения выращивают, рыбу ловят. А край богатый: кукурузой, виноградом, всякими фруктами и овощами преизобилует.

По возвращении домой увлекся я сочинениями графа Льва Толстого. Тогда многие под влиянием его учения жили. Задумался и я над своей праздной грешной жизнью.

А тут война с Японией и народные волнения. Рабочие на хозяев работать отказываются, крестьяне барские имения разоряют. В мыслях у меня сумбур наступил. Я вроде бы за бедных, а бороться за них толстовское учение не позволяет. С угнетателями тоже не по пути, хоть и сам я помещик. Одно ясно: прежний образ жизни вести не могу.

Помог сделать выбор несчастный случай. Случилось это еще до войны. По соседству сгорела деревня. Тут меня и осенило: продам, думаю, имение, отдам деньги погорельцам, а сам уйду в монастырь. И не в какой-нибудь, а в Новосветский.

Написал о своем решении тамошнему игумену. Тогда настоятелем обители был отец Илиодор. Ответ пришел незамедлительно. — Иона усмехнулся. — Озадачил он меня. Предписывалось выезжать, но в качестве условия предлагал игумен по продаже имения деньги внести в казну монастыря. Истинная добродетель, дескать, в славе не нуждается: монастырский совет сам найдет случай сделать добро на мою лепту. Огорчило это меня, но смирился. Продал имение и, не мешкая, отбыл в Новый Свет.

Встретили меня хорошо. Игумен перед пострижением долго и ласково со мной беседовал. Так и началась жизнь в обители, так и стал я Ионой, а не Михаилом...

Монах замолк. За стеной пещеры еще слышнее стали вздохи ветра. Дрова прогорели и лишь в середине дышали золотистым жаром. Иона пересел к очагу, разворошил угли и забылся, глядя на разгорающееся пламя.

— Вы не все рассказали, — напомнил Федя. Иона поднял голову.

— Ты не спишь еще?.. — очнулся монах. — Ладно, слушай дальше. Светлая, благочестивая жизнь наступила для меня среди иноков. Очень я был этой жизнью доволен и как дурной сон вспоминал годы, когда кипел в котле ложных усад... — Отшельник негромко, с чувством произнес:

Моря житейского шумные волны

Мы протекли, —

В пристань надежную утлые челны

Нас принесли...
Здесь несказанною радостью полны
Слышим вдали
Моря житейского шумные волны.

Так не раз повторял я тогда. Послушником я был примерным: в молитвах усердствовал и устав соблюдал так строго, что иные братья даже посмеивались надо мной. Через полгода был пострижен в монахи. Усердие мое в работе было оценено: предлагал мне настоятель работать ключником, гостиником, поваром... Я отказывался. Не из гордыни, а просто больше по душе было среди братьев в поле, в саду, в горах работать. Природа райская, воздух чистый. За два года, проведенных в обители, освоил я ремесла плотника, каменщика, в садоводстве разбираться стал. В то же время не оставил привычки читать. Надо сказать, что библиотека в обители богатая, много тысяч томов. Книги во всем крае скупали, из Греции привозили. Все, конечно, духовного содержания.

Если знаешь, отрок, монастырь основан был возле захоронения святого Иосифа Колхидского. Оттого богомольцы со всей Руси в эти места тянутся, заодно в обитель и свои подаяния несут. И вот, не где-нибудь, а в нашей же библиотеке натолкнулся я на сочинения монаха Епифания Кипрского, жившего в шестом веке нашей эры. Читаю и вдруг натываюсь на строки, где автор утверждает, что достославный Иосиф Колхидский покоится вовсе не здесь, как утверждают наши пастыри, а совсем в другом месте на побережье. Где же правда в таком случае? Никому об этом поначалу не сказал, а стал в книгах опять же разгадку искать. И спустя некоторое время у одного грузинского писателя одиннадцатого века снова читаю: «Прибыли Андрей и Иосиф Колхидский в Абхазию... И там скончался Иосиф в городе Никосии», то есть в том месте, которое указывает Епифаний Кипрский. И выходит из этого, что наши пастыри, вопреки правде, легенду придумали о том, что могила святого в Новом Свете находится. В расчете на приток богомольцев. Вконец смутило это, и имел я неосторожность поделиться новостью с одним из братьев. А тот, не будь плох, доложил настоятелю. Вызывает меня отец Илиодор, а сам от гнева и говорить не может, ходит из угла в угол и глазами сверкает. Наконец спрашивает: «Ты что же среди братии смуту разводишь?» Я уже понимаю, о чем речь, подаю ему книгу: вот, мол, не сам выдумал. А он едва взглянул на нее. «Еретик, — кричит, — писал, в огонь ему дорога!» Да и вправду, схватил книгу и в горящий камин швырнул.

Взял тогда с меня настоятель клятву, что о прочитанном я никому больше не скажу, и отпустил с миром. Тех книг в библиотеке я больше не встречал. А покой прежний ко мне не вернулся...

Нельзя сказать, чтобы все, о чем рассказывал отшельник, было интересно: о надувательствах, к которым прибегали святые отцы, Федя слышал и прежде. Он ждал, что будет дальше. Голос Ионы звучал негромко, убаюкивающе; Федя незаметно погрузился в сон. Последнее, что он видел: отшельник сидел, склонившись над котелком, и чистил просо. Борода его горела подобно пламени очага, но страшной уже не казалась. Все так же бездомной собакой поскуливал за дверью ветер и потрескивали в очаге поленья.

Глава XXI, повествующая о злодействе Евлогия, и последняя для некоторых участников повести

Вечером, спустя два дня после вывоза ценностей, отец казначей вышел из монастырской канцелярии и направился к хозяйственному корпусу. В центре площади он задержался — его внимание привлек лист бумаги, наклеенный у входа в собор. Это был свежееотпечатанный правительственный декрет. Его содержание было знакомо Евлогию, но он не поленился снова прочесть полный текст. Декрет гласил:

«Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие послужить средством борьбы с голодом в Поволжье и для обсеменения его полей, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомфина^[59], со специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодающим.

2. В целях планомерного проведения этого мероприятия, организации точного учета и передачи органам Наркомфина по особому счету для Центральной комиссии помощи голодающим вышеуказанных ценностей — образовать в каждой губернии комиссию в составе ответственных представителей губисполкома, губкомпомгола и губфинотдела, под председательством одного из членов ВЦИК.

3. Пересмотр договоров и фактическое изъятие по описям драгоценных вещей производить с обязательным присутствием представителей групп верующих, в пользование коих вышеуказанное имущество было передано.

4. Изъятное имущество поступает в особый фонд и на особый учет и обращается исключительно на нужды помощи голодающим в порядке, указанном в особой инструкции, выработанной Центральной комиссией помощи голодающим по соглашению с Наркомфином и Комиссией по учету, изъятию и сосредоточению ценностей.

5. О всех ценностях, поступающих из церковных имуществ, и их расходовании Центральная комиссия помощи голодающим публикует периодически в печати, причем в местной печати публикация должна содержать подробный перечень ценностей, изъятых из местных храмов, молелен, синагог и т. д., с указанием названий этих храмов.

Председатель ВЦИК М. Калинин. Секретарь ВЦИК А. Енукидзе».

Закончив чтение, Евлогий тихонько рассмеялся. Что ж, придется обители расстаться с тем, что лежит на виду.

Достигнув хозяйственного корпуса, Евлогий огляделся. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он толкнул одну из дверей, спустился по лестнице и вошел в комнату, о которой из братии мало кто знал. Навстречу ему встал и поклонился отец Михаил.

— Ну, как твой узник? — спросил Евлогий.

— Ни единого слова пока не добился. Но того, что письмо должен был снести в ревком, не отрицает.

— Это и без того известно. От тебя ли слышу такие речи? С мальчишкой не можешь сладить.

— Пробовал и так и сяк. Уговоры не помогли, он клятву языческую кому-то дал. Хотел припугнуть, да не рассчитал — он чуть ума не лишился.

— Экий ты несуразный!

— Я, святой отец, кое-что придумал: кормлю селедкой, а воды не даю. Надо полагать, с часу на час все скажет.

— Ладно, — Евлогий махнул рукой. — Сейчас, пожалуй, уж ни к чему. Из братии никто про мальчишку не знает?

— Нет, пока не хватились.

— Ты вот что: в обители слух пусти, что его родственники нашлись и к себе вытребовали.

— А дальше-то как? Ведь он здесь...

— Вот и сделай так, чтобы его не было... Тебе ведь не впервой! — сказал Евлогий и смолк, глядя в сторону.

Монах побледнел и опустил глаза.

— Избавь, отец родной! То, на что намекаешь, как давно было? Пора и о своем душеспасении подумать, ведь он младенец почти!

— Теперь дело зашло слишком далеко. Понимаешь ли ты, заячья душа, что всем нам угрожает беда? Наверняка власти обыск в обители сделают. Куда денешься, если послушника обнаружат?

— Нет, не могу. Смилуйся, владыко! — горестно воскликнул монах и рухнул на колени. Огромный и вместе с тем жалкий, он причитал у ног казначея.

Евлогий смотрел на него презрительно.

— Что ж, большой грех совершаешь, коли берешь на себя защиту хриstopродавца... Ладно, ступай да позови ко мне брата Исаяю.

Поспешно встав с колен, монах вышел. Вскоре в комнату робко вошел брат Исаяя и, поклонившись, встал у порога.

— Звали, святой отец? — прерывающимся голосом спросил он.

— Мальца, что в подвале сидит, когда кормить будешь?

— Как раз собираюсь, владыко.

— Опять селедку понесешь?

— Как приказано...

Евлогий на несколько секунд задумался.

— Ты вот что: сходи на поварню да закажи что-нибудь повкуснее. Принеси сюда и мне покажи. Если спросят кому — скажи — из гостиницы просили.

Через несколько минут монах вернулся с подносом, на нем стояла миска с гречневой кашей и кусок рыбного пирога.

— Ладно, годится. А вода где? — спросил Евлогий.

— Не велено было...

— Поди принеси, да не воды, а морсу.

Исаяя снова скрылся за дверь. Евлогий расстегнул на груди рясу и извлек из внутреннего кармана бумажный пакетик, какими пользуются обычно в аптеках. В нем оказался желтоватый порошок. Постукивая пальцем по пакету, Евлогий, точно солью, посыпал со всех сторон кашу. Порошок тут же растворился в ней.

Ночью, когда жизнь в обители окончательно замерла, казначей вышел из своей кельи и направился в гостиницу.

По зимнему времени большая часть гостиницы пустовала, а комнаты, соседние с номером Нежинцева, сознательно не сдавались. На этот раз у него было полно народу: за столом сидели уездные князья и дворяне — участники заговора.

Говорил Нежинцев. При появлении отца Евлогия он прервал свою речь, сидевшие за столом поднялись и склонили головы.

— Благослови вас Христос и пресвятая богородица! — привычно сказал Евлогий и сел на свободный стул.

— Итак, — продолжал Нежинцев, — все предвещает успех нашего дела. Части генерала Фостикова уже находятся в непосредственной близости от города. К моменту их вторжения мы осуществляем захват зданий ревкома и почты. На рассвете мы поодиночке арестуем членов ревкома и сотрудников ЧК.

Самая многочисленная группа окружит красноармейские казармы. Выдержать бой с гарнизоном до подхода генерала нам под силу. Часть ваших джигитов возьмет под свой контроль окраинные улицы для того, чтобы не дать возможности киаразовцам прийти на помощь красным. Исход дела решается внезапно и быстротой. Могу сообщить, что с минуты на минуту я жду специального гонца его превосходительства, после прибытия, которого, час восстания будет назван.

Нежинцев обвел присутствующих многозначительным взглядом.

— Дальнейшее, господа, вам известно: мы присоединяемся к армии генерала Фостикова и наступаем на Сухум-Кале. При нашем приближении в городе начинается восстание наших сообщников. План строится с таким расчетом, чтобы уже в течение суток захватить побережье на протяжении пятидесяти километров и тем обеспечить плацдарм для высадки белого десанта. Итак, господа, — Нежинцев поднялся, — близится час наших испытаний и час освобождения. Да сбудется наша победа!

Разговор стал общим, Нежинцев отвечал на вопросы. Но и он, и Евлогий ощущали в поведении заговорщиков некую недосказанность. Все стало ясно, когда заговорил наследник владетельного князя — Ширвашидзе.

— Уважаемый Алексей Михайлович, — начал князь, — наши джигиты уже давно готовятся к бою с красными. Их содержание обходится недешево, да и сами они ждут поощрения. Помните, с вашим высокоблагородием был разговор на эту тему... Что вы можете сказать теперь?

Для Нежинцева этот вопрос не был неожиданным. Сейчас появилась возможность столкнуть лбами казначея и наследника, что он и сделал не без злорадства.

— Так как на этот счет существует некая договоренность с отцом казначеем, то вопрос адресую ему.

Евлогию стало не по себе, на его лице невольно проступила досада. Настал, видно, час, когда от подачки не отвертеться. Но судьба неожиданно пришла ему на помощь. Снаружи послышался конский топот.

Нежинцев, зная заранее час прибытия гонца от Фостикова, встал, готовясь своей речью подчеркнуть торжественность встречи. Но воцарившееся молчание было не столько торжественным, сколько тревожным. Все взгляды устремились на дверь.

И вот она распахнулась. Огромный человек в бурке, с головой, закутанной в башлык, переступил порог. Неверными движениями рук вошедший размотал башлык. Показалось хмурое усатое лицо с воспаленными глазами. Не произнося ни слова, человек мрачно оглядел собравшихся.

Полковник не так представлял себе этот момент и, как мог, попытался исправить положение.

— Господа! — сказал он громко. — Позвольте представить вам есаула армии генерала Фостикова господина Доценко.

— Скажите лучше — бывшей армии, — сипло отозвался есаул.

— Я вас не понимаю... — холодно начал полковник.

— Армии больше нет, генерал погиб; то, что я здесь, — чудо. Все сидели не шевелясь, оцепенело глядя на вестника. Видно было, что он едва держится на ногах. Кто-то догадался подвинуть ему стул. Есаул тяжело сел и замер, опустив голову.

— Как же это могло случиться? — спросил Нежинцев. Есаул поднял голову.

— Три часа назад вы сообщили нам, что путь свободен и в городе никто не будет знать о нашем подходе... Мы шли без дозоров. В Карахском ущелье на нас обрушился ливень пулеметного огня... Да что там!.. — Он безнадежно махнул рукой.

«Черт его дернул говорить при князьях! — выругался про себя полковник. — Тоже мне, любитель мелодрамы...»

— Господи, помяни от жития сего отошедших во славу твою! — произнес Евлогий, крестясь.

«Ну, уж с тобой-то я еще поговорю!» — со злобой подумал Нежинцев. Вслух он сказал:

— Господа! Будем надеяться, что все не так ужасно. Предлагаю сейчас разойтись. О дальнейших наших действиях я всех оповещу. Вас, господин Доценко, прошу остаться.

— Нет, ухожу. — Есаул поднялся.

— Здесь вы найдете и отдых, и ночлег...

— У меня есть где остановиться. Кроме того, отныне я доверяю только себе. — Он вышел, хлопнув дверью.

— Вы-то, надеюсь, задержитесь? — обратился Нежинцев к монаху, когда последний из князей покинул комнату.

— Слушаю вас, полковник.

Это обращение, вопреки их уговору, произнесенное к тому же весьма сухим тоном, едва не вывело Нежинцева из себя.

— Что вы думаете по поводу последнего известия?

— Я человек не вашего круга и не берусь судить. Все в мире творится не нашим умом, а божьим судом.

— Что ж, — сдерживая злость, сказал Нежинцев, — теперь сами видите, что я могу рассчитывать лишь на княжеское ополчение, а оно, если его не поощрить, не поднимется.

— С золотом ли, без золота — все едино. Вы, полковник, должны понять, что на этот раз господу неуютно помочь вам... Разве не видели, с какой охотой разбежалось это воинство? Молитесь всевышнему, авось в будущем он вас не оставит.

— Слушайте, почтенный! — крикнул Нежинцев. — Я воин, а не святоша, привык полагаться на себя и на земные силы. Вы что, смирились с мыслью и дальше жить под пятой у большевиков?

— Что ж, слабы и гонимы на земле мы, слуги господни.

— Не слишком ли далеко вы зашли в мирских делах, чтобы так легко вернуться к святой жизни? Ладно, об этом потом. Я не могу показаться на глаза генералу Врангелю, если не сделаю хотя бы попытки поднять здесь восстание. А для этого, повторяю, нужны деньги. Дадите вы их?

— Нет, не дам: не время впутывать в это дело обитель.

Евлогий сделал шаг к двери. Лицо Нежинцева перекошилось от гнева.

— Стойте! — крикнул он.

Голос его не предвещал ничего хорошего, и Евлогий обернулся. Нежинцев стоял с направленным на него револьвером.

— Да просветит небо ваш разум, полковник! С такими вещами не шутят.

— Я и не шучу! Довольно вы морочили мне голову с этим золотом. И еще: гибель армии — не шутка. Вы, преподобный, не объяснили, на каком основании переданы генералу сведения о безопасности дороги к городу.

— Я не ясновидец, сам не знаю, как все могло случиться, — красноармейская часть не покидала казармы.

— Ваше объяснение ничего не объясняет. Но даю вам возможность опровергнуть подозрение в предательстве: выдajte в помощь нашему делу необходимое количество денег.

Евлогий лихорадочно соображал, как поступить.

— Торопитесь, преподобный!

Казначеем вдруг овладел безумный гнев. С неожиданной для его возраста стремительностью он метнулся к стене и опрокинул на Нежинцева высокие напольные часы. Они ударили полковника в грудь и свалили с ног. Но рука его не выпустила оружия, и, падая, он успел выстрелить. Евлогий тоже упал. В тот же миг за дверью послышался топот. Превозмогая боль, полковник кинулся к двери и запер ее. Через секунду по ней застучали приклады винтовок. Не обращая больше внимания на лежащего монаха, Нежинцев подбежал к окну, распахнул его и прыгнул в темноту. Едва он коснулся земли, его схватили, связали руки, и повели вдоль монастырского корпуса. На открытом пространстве он увидел большую группу людей: в окружении красноармейцев стояли князь и дворяне, покинувшие его номер. Здесь же был есаул. Нежинцева присоединили к арестованным и под конвоем повели в город.

Василид пришел в себя и обнаружил, что лежит на полу.

Видимо, прошло немало времени с момента ухода его мучителя, потому что свет в окно уже не проникал.

Василид с трудом поднялся, засветил свечу, шатаясь, добрался до ложа. В голове у него шумело, губы запеклись, в горле пересохло. Больше суток он был без воды.

Василид снова начал впадать в беспамятство: ему грезилась зеркально-прозрачная струя воды, слышался рокот, с каким она вливается в бассейн с рыбками. И еще ему слышались временами какие-то удары, но они проходили мимо сознания.

Прошло с полчаса, когда сквозь одолевавшую его дурноту он услышал шаги на лестнице. Он сжался при мысли, что это может быть отец Михаил, но тут же понял —

шаги принадлежат Исайе. Дверь открылась, и на пороге показался монах с подносом. На подносе стояли миска и кувшин. Исайя прошел к подоконнику.

— Пей, отрок, — сказал он и вышел.

Кувшин был полон, и мальчик едва поднял его ослабевшими руками. Он припал к горлышку и пил долго, не отрываясь. Он даже не понял, что пьет свой любимый морс — тот, который часто пил при жизни игумена, — важно, что это была холодная, вкусная до слез влага.

Ополовинив кувшин, Василид спохватился: может быть, нельзя сразу пить так много? Да и про запас надо было оставить.

Утолив жажду, он воспрял духом. В миске под крышкой оказалась каша, был еще кусок рыбного пирога. Но пока каша не остыла, следовало начать с нее. Ложкой Василид набрал ее с краю миски. До чего она была вкусна! Он собрался всерьез взяться за кашу, но рука его замерла с поднятой ложкой. Из угла комнаты донесся явственный глухой удар. У мальчика перехватило дыхание. На цыпочках он подошел к углу. Удары продолжались, стена слегка подрагивала. Но вот снова послышался сильный удар: похоже, что от стены отвалился камень. Звуки прекратились — должно быть, работал один человек, и сейчас он отдыхал. Василид лихорадочно думал, кто бы это мог быть. Неужели Федя или Аджин пытаются вызволить его? Маловероятно! Ясно одно: человек творит свое дело без ведома монастырского начальства, иначе с чего бы ему работать ночью.

Удары возобновились, в штукатурке появились трещины. В душе послушника шла борьба между надеждой и страхом. С какой целью делается подкоп: принесет ли он освобождение или сулит неприятные неожиданности? В конце концов, Василид решил, что хуже, чем есть, не будет.

— Кто там? — спросил Василид.

После паузы из-за стены донеслось глухо:

— А ты кто?

— Я — грешный послушник Василид.

— Что ты там делаешь? — последовал новый вопрос. Теперь было ясно, что подкоп делался не с целью его освобождения. Скорее всего, это был просто вор.

— Ничего не делаю... Меня здесь заперли.

— Что есть в твоём подвале?

— Так, одна рухлядь.

Василиду показалось, что человек застонал. Внезапная догадка пронеслась в голове. Уж не охотится ли этот человек за сокровищами? Ведь наверняка они прежде хранились в каком-нибудь из подвалов.

— Ты точно знаешь, что там ничего нет ценного? — спросил незнакомец.

— Да.

— А куда ведет дверь из твоей комнаты?

— На лестницу, а лестница куда-то наверх. Дядя, не бойтесь, я вам ничего худого не сделаю, а до утра сюда никто не придет.

— Тебе сколько лет?

— Тринадцать минуло...

Снова послышались удары: теперь незнакомец, видимо, бил тупым концом лома. Василид отошел на середину комнаты и ждал.

Через одну-две минуты в полуметре над полом вспучилась штукатурка, а вслед за тем большой камень выскочил из стены и грохнулся на пол.

Человек просунул голову в отверстие и оглядел подвал. Потом он снова взялся за лом, отвалил еще два камня и пролез в помещение. Вид у него был никудышный: в складках худого лица залегла пыль, волосы и бородак встрепаны, одежда перепачкана.

Незнакомец первым делом обошел помещение и заглянул во все углы. Убедившись в том, что в подвале нет ничего стоящего, он опустился на ложе Василида и охватил руками голову. В этой позе он и замер, как человек, потерявший последнюю надежду.

Наконец Смирягин (нетрудно догадаться, что это был именно он) поднял голову и тусклым голосом спросил:

— А прежде ты в этом подвале бывал?

— Нет, никогда не был и не знал про него... Дяденька, — продолжал Василид, — вы меня с собой возьмете? За мое спасение бог вас не оставит.

Порфирий сокрушенно pokrutil головой:

— Где уж там... Видно, много я грешил. Выберешься со мной, а там иди куда хочешь.

— Тогда пора, а то, не дай бог, придет кто...

Незнакомец поднялся и сделал шаг к пролому, но тут взгляд его упал на подоконник. При виде еды глаза у него чуть оживились. Василид понял этот взгляд, сам он забыл про ужин.

— Ешьте, дяденька... я сыт.

— Спаси тебя Христос! Не пропадать же добру...

Последние дни Тагуа не было в городе, и Смирягин питался скудно. Поэтому, забыв на время о своем несчастье, он с жадностью накинулся на кашу.

— Пирог-то возьми, пригодится небось, — сказал он, оторвавшись на секунду от еды.

Василид сунул пирог за ворот под рясу. Он прислушивался к каждому звуку за дверью: сейчас, когда свобода была так близка, ужасно было думать о том, что может войти кто-нибудь из тюремщиков. Наконец, к великому его облегчению, незнакомец доел кашу. Остатки морса тоже выпил.

— Тошно мне что-то, — сказал он.

— Вы, верно, устали. Пройдет.

Смирягин в последний раз огляделся.

— Ладно, видать, не судьба, — сказал он и полез в отверстие. По ту сторону стены он зажег свечу. Тогда следом проник и Василид. Здесь оказался коридор, концы его терялись в темноте. На полу, среди вывороченных камней, лежали лом, кирка и лопата.

— Идем, — сказал незнакомец.

— А инструменты?

Смирягин отмахнулся.

По коридору шли до тех пор, пока не поравнялись с новым проломом в стене. Пролезли в него и оказались в обширном подвале, сплошь заставленном могильными крестами и надгробиями. Пробравшись между ними, вышли к открытой двери и пересекли соседнее помещение, поменьше. Здесь, в узком закутке, снова пришлось пролезать через отверстие в стене — на этот раз ползком. Потом миновали дверь, сорванную с петель. Снова пролом и снова коридор. Никогда послушник не предполагал, что монастырские подвалы так обширны.

Коридор был длинным, в конце его начиналась крута лестница. Наверху Василид увидел квадрат звездного неба. Следом за своим избавителем он выбрался из подвала и здесь полной грудью вдохнул воздух, насыщенный запахами моря и растений. После сырого, могильного воздуха подвала это было то же, что выпить воды после многодневной жажды. Василид узнал место, в котором они оказались, — заброшенный уголок сада, примыкавший к задней стене хозяйственного корпуса. Сюда обычно стаскивали всякую рухлядь.

Незнакомец пошел в глубину сада. Но вел он себя странно — движения были медленны и неуверенны, как у слепого.

— Идите скорей, дядя: не ровен час, сторожа увидят, — торопил его Василид. Но тот едва передвигал ноги.

— Ох, тошно мне... не могу! — Смирягин тяжело опустился на землю и привалился спиной к дереву.

Василид склонился над ним:

— Что с вами? — Он и сам чувствовал дурноту, но приписывал ее свежему воздуху.

— Сам не знаю. Мочи нет... — простонал незнакомец. Он нелепо перебирал руками и даже в темноте было видно, как побледнело его лицо. С каждой секундой ему становилось хуже: лицо искажалось болезненными гримасами, на губах выступила пена. Он начал пронзительно кричать.

— Потерпите, дяденька, — вне себя от страха зашептал Василид, — монахи сбегутся... — Он попытался поднять незнакомца. Но тот зашелся в последнем крике, дернулся и затих с оскаленным ртом и открытыми глазами.

Василид в ужасе отдернул от него руки. Его начала бить дрожь, и он сам закричал. Со стороны обители послышались голоса, между деревьями замелькали огни фонарей. Не помня себя, Василид метнулся в темноту и, не разбирая дороги, стремглав побежал в глубину сада. Не оглядываясь, он пробрался сквозь кусты и, вбежав в пещеру, бросился в угол на меховую подстилку. Там он забился в ознобе. Через минуту стало еще хуже: то ли от пережитого, то ли от чего-то еще голова начала кружиться и к горлу подступила тошнота. Пить вдруг захотелось ужасно. Василид подполз к ручью и припал к воде. Когда напился, желудок словно начало выворачивать наизнанку. Рвало мучительно и долго. Стало легче, но охватила такая слабость, что он едва добрался до подстилки. Здесь он и впал в забытие.

Глава XXII, где из рассказа Рыжего монаха выясняется кое-что о происхождении монастырских сокровищ

Часы текли за часами. Из-за непрекращающейся вьюги дверь была постоянно закрыта, и пещера во все время суток освещалась или пламенем очага, или тусклым светильником. Кроме того, в углу теплилась лампада, вызывая из темноты лица святых, глядевших с икон. Часов не было, и не будь рядом Ионы, Федя давно бы потерял представление о том, когда день сменяется ночью.

В последующие дни жар уменьшился и кашель стал слабее, но сил хватало только на то, чтобы сидеть в постели.

Иона продолжал пичкать его настоями из трав. Феде уже не нужен был постоянный уход, и монах мог отлучаться для работы по хозяйству. Он выходил, чтобы кормить и доить козу, нарубить дров. Кроме этих обычных дел, из-за непогоды он то и дело расчищал снег: иначе, по его словам, нельзя будет выбраться из пещеры. С улицы монах приходил запорошенный снегом, продрогший, но неизменно возбужденный и довольный: видно было, что он рад присутствию живого человека, возможности поговорить, а еще больше послушать. Временами он пытался напускать на себя равнодушие. «Суета сует», — повторял он со вздохом, но не мог скрыть интереса к тому, что происходит в мире, который он добровольно покинул.

Но все это было позднее. А на следующий день после их знакомства, когда Иона, освободившись от дел по хозяйству, сел к очагу латать одежду, Федя напомнил ему об обещании досказать свою историю.

— Да есть ли у тебя охота слушать? — спросил отшельник.

— А как же! Чем все дело кончилось?

— Коли так, слушай. После той истории с книгами старался я не совать нос в дела, которые прямо меня не касались. Но от мыслей своих никуда не денешься: нельзя было не замечать того, что в обители творится.

Месяца через два новое дело со мной приключилось. Обитель наша по уставу не совсем отторгнулась от того монастыря, что в Греции остался, ибо была образована вышедшей из него братией, и в доходах своих наше руководство было обязано перед ним отчитываться и какой-то процент отдавать. И вот приплыли из Греции двое иноков с ревизией. Засели они в нашем казначействе и с неделю все обследовали. А потом что-то их видно не стало. Казначей Евлогий как-то объявил, что монахи те с миром отплыли восвояси.

Довелось мне однажды после этого с дальних огородов возвращаться. Остановился на берегу Монашки — умыться решил. Нагибаюсь, а к ногам что-то черненькое струей

прибило. Вгляделся, а это монашеская скуфейка. Достал я ее, рассмотрел. И вижу: метка на ней того греческого монастыря. Страх обуял меня от смутного предположения. Однако пришел в себя и стал гнать грешные мысли. А они не давали покоя. И стал я обиняком расспрашивать братьев; трое из них показали, что видели, как ревизоры в сопровождении нашего инока направлялись обследовать пасеку, что в горах находится. Долго я ждал случая и наконец, оказавшись поблизости, завернул к пасечнику — брату Варсонофию. И вот тут-то в разговоре с ним выяснил, что уже с год как никто из посторонних к нему не наведывался. Крупно, значит, согрешили в нашем казначействе, если концов в воду не смогли упрятать и на смертоубийство пошли. Завелся у меня к тому времени дружок в обители. Пробовал я с ним посоветоваться. Так он меня и не дослушал: молчи, говорит, враз из обители вылетишь, а то и похуже чего будет.

Иона уже давно оторвался от своего занятия и весь отдался воспоминаниям. Взгляд его точно ушел за пределы тесной пещеры, и голос звучал так, точно это был не рассказ, а исповедь.

То, что рассказывал сейчас Иона, могло показаться невероятным, если бы мальчик сам не был свидетелем жуткой сцены у костра.

Но как ни велико было доверие к Ионе, следовало пока молчать. Федя только сказал:

— Так ведь монаху, я слышал, не то, что человека — насекомое убить грешно.

— А они сами не убивали, упаси бог! Мало ли здесь лихих людей шатается: за золотую монету кого хочешь прирежут.

«Если бы только так...» — подумал Федя.

— Ну и что дальше? — нетерпеливо спросил он.

— А ничего, — глухим голосом отозвался Иона. — Грех на моей душе вечно будет лежать за то, что об истории сей умолчал.

— Все же расскажите, как вы монастырь покинули, — тихо попросил Федя.

Монах с трудом оторвался от горестных мыслей.

— Ладно. История, которую сейчас поведаю, тебе наверняка больше других понравится. Жизнь в обители своим чередом шла — благочестивая внешне, в трудах и молитвах. Прошло еще какое-то время, я свыкся с этой жизнью, а о прошедшем старался не вспоминать. Но провидение, как видно, избрало меня в участники необычных дел и готовило новое испытание.

Ты, конечно, знаешь старую крепость и колодец на Святой горе. В те времена воду из колодца уже давно объявили святой. Но паломники приходили редко: уж очень труден был путь на гору. И вот монастырский совет принял решение проложить к вершине дорогу, а возле колодца выстроить часовню.

Дорогу быстро проложили: в помощь монахам человек по восемьдесят — сто паломников снаряжалось. Теперь путь к колодцу намного облегчился. Больных и увечных стали на мулах доставлять.

Приспела пора часовню возводить. Недолго думая, приказал настоятель разбирать для строительства часовни старую крепость. Братья — народ не бог весть какой грамотный, а и то засомневались: стоит ли губить памятник архитектуры, построенный еще при римлянах? Прослышал игумен о тех разговорах, но решения своего не отменил.

Ну ладно, пришлось ломать стену и одну из башен с восточной стороны. А дело оказалось ой, каким нелегким! — на века сооружение возводилось. Стены толщиной в метр...

«Знаю!» — хотелось крикнуть Феде. Уж кто-кто, а он успел убедиться в прочности стен. Лихорадочный интерес овладевал мальчиком, он не пропускал ни слова.

— Прошло так с неделю, а потом попался нам особенно трудный участок. Решили рвать динамитом.

— Это там, где высохший дуб стоит? — спросил Федя.

— А ты почему знаешь?

— Играли там в войну... Что же дальше?

— Разбирать камень после взрыва решили утром. Братия в обитель отправилась, а я задержался — любопытно было на взрыв посмотреть. Подрывники динамит заложили, по бикфордову шнуру огонь пустили. Взрыв грянул, часть башни точно кто-то изнутри гигантской кувалдой вышиб. Подрывники ушли. Остался я один. Вижу, в одном месте кусок стены после взрыва едва держится. Так и просит, чтобы его обрушили. Взял я лом, ударил раз, другой и отбежал. Обрушилась стена. Когда пыль улеглась, вижу, за отвалившейся стенкой ниша открылась, вроде кельи монашеской, сундук кованый стоит, мешки кожаные, бочонок... Один мешок, видать, камнем царапнуло, и из прорехи звяк, звяк — золотые монеты падают. Я не то чтобы обрадовался деньгам, а уж больно неожиданно получилось. Другие всю жизнь клады ищут, а тут не ждал, не гадал — само пришло.

Помолился, залез в нишу, сундук открыл, мешки развязал. Все уж ветхое стало — давно клад упрятан. Но содержимое — горит, переливается. Монеты такие, что теперь не встретишь, оружие, посуда, украшения разные — все из золота и серебра. Многие вещи дорогими камнями украшены: алмазами, сапфирами, рубинами, аметистами...

Сел я посреди этого богатства и думаю: как дальше быть? Первой мыслью было — идти в обитель и обо всем отцу Илиодору рассказать. Однако, пораздумав, отказался от этого: монастырь и без того богат, да и прежних чувств к святым отцам я уже не испытывал. Вспомнилось, как помешал мне настоятель погорельцам помочь, и решил на этот раз по-своему сделать. А как?

Собрался с силами и, чтобы братия утром на сокровища не натолкнулась, перетаскал их на новое место, которое облюбовал среди развалин. Как ни поздно было, по возвращении в обитель сразу попросился на прием к настоятелю. Предстал пред его очи и доложил, что волею божьей стал обладателем немалых ценностей и хотел бы передать их обители, если она обязуется построить для абхазцев школу, больницу и часть раздать бедным. Предлагаю это с целью возвысить обитель в глазах верующих. Что бы ты думал: обвел меня игумен вокруг пальца, как последнего дурака. И верно: дурак я и есть, что задумал в хитрости с ним тягаться.

Выслушал меня настоятель и, подумав, ответил: «Намерение твое богоугодно, но приходи утром, обо всем поговорим».

Я почти не спал, едва утра дождался. Заутреню выстоял и снова к настоятелю. Ждать приема на этот раз пришлось долго, и душа от этого ожидания не на месте была.

Наконец принял меня игумен. «Как, — спрашиваю, — решили, владыко?» А он совсем не такой, как вчера: ходит по приемной, посмеивается. «Откуда, — говорит, — у тебя такие деньги завелись, наследство, что ли, получил?» — «Нет», — отвечаю. Но про сокровища молчу. А он и не допытывается. «Видать, — говорит, — тебе голову вчера напекло. Отдохни несколько дней — освобождаю тебя от послушаний. Иди с богом».

Вышел я от игумена и скорей на гору, к тому месту, куда клад перепрятал: так и есть — пусто.

— Да что же случилось, куда он делся? — не выдержав, воскликнул Федя.

— А то, что люди игумена к этому времени его уже вывезли. Это я по своей простоте решил, что все хитро задумал. А он сразу смекнул, откуда у меня богатство взялось. Знал, где я в то время работал, знал, что, согласно преданию, клад в крепости спрятан. А я к нему пришел возбужденный, даже рясу, перепачканную камнем, не догадался сменить. Игумену все эти обстоятельства нетрудно было сопоставить и свои меры принять.

Сел я на камень, и такая тоска на меня навалилась, что впору в пропасть бросаться. Братья видят, что неладно со мной, собрались вокруг, стали выпрашивать: не болен ли? А я, и вправду, что-то несурзное бормочу. Двое взяли меня под руки и отвели в обитель, в больницу. Признал доктор нервное расстройство. Выпустили меня только через месяц, хотя я на другой день в себя пришел. Много за это время передумал.

После освобождения призвал меня игумен. «Помню, — говорит, — ты про какое-то богатство толковал, понятно — нездоров был. А здоровому было бы грех такие речи

говорить. Предположим, ты бы клад нашел. Так, во-первых, тебе по уставу своего иметь не положено, а во-вторых, опять же на монастырской земле добро находится. Так вправе ли ты им распоряжаться и условия ставить?»

— А разве нельзя было пожаловаться? — спросил Федя.

Монах добродушно и снисходительно посмотрел на него.

— А кому? Отец Илиодор самому наместнику Кавказа — духовный отец. Как же, станут меня слушать... А на мне еще клеймо сумасшедшего. «Иди с богом, — говорит мне игумен, — о земном меньше думай, помалкивай да молись почаще».

А я уж давно по-своему решил. Прощайте, думаю, души заблудшие, чем дальше от вас, тем лучше... «Нет, — говорю, — святой отец, я в горы удалюсь, отшельником стану». Игумен, конечно, рад-радехонек от такого беспокойного инока избавиться. Для прилику отговаривал немного, а потом отпустил. Так и оказался я здесь, так и стал один жить.

— И сколько же вы здесь один?

— Восьмой год живу, не ведая тревог. Дни провожу в трудах и молитвах, и сон мой спокоен.

На этом закончился разговор. Но Федя еще не раз возвращался к нему, расспрашивал о кладе, и беспокойство снова овладевало им. Сколько еще продлится его выздоровление? В городе его, конечно, хватились, и, надо думать, Аджин рассказал, зачем понадобилось Феде идти в горы. Возможно, его уже разыскивают, несмотря на непогоду. Но только чудо может привести людей к затерянному в горах жилищу отшельника. А что, если монахи все выпытали у Василида и сейчас пробираются сквозь вьюгу к пещере, где спрятан клад, чтобы перепрятать его заново?

Самой же тягостной была мысль об отце. Ведь у него есть все основания думать, что Федя уже покоится где-нибудь под каменной лавиной или на дне Монашки.

Мысль обратиться к помощи отшельника все чаще приходила Феде в голову.

Как-то вечером, когда Иона, усевшись у очага, занялся приготовлением ужина, Федя заговорил о том, что волновало его. Но начал он издали:

— Дядя Иона, а кем был отец Георгий, когда вы в монастыре жили?

— Уставщиком был, а настоятелем, говорил я тебе, отец Илиодор... А что, отец Георгий сейчас обителью правит?

— Последние годы был во главе монастыря, а недавно умер.

— Мир праху его, хороший человек был. Будь он в то время настоятелем, может, и история с кладом сложилась бы иначе. А кто же теперь в настоятелях?

— Я слышал, что казначея Евлогия на это место прочат.

Иона пришел в сильнейшее возбуждение.

— Да неужто? — горячо воскликнул он. — Неразумно было его при деньгах ставить, а уж иметь такого человека над всей братией — не приведи господь! — Иона схватил кочергу и с ожесточением, изумившим Федю, начал колотить ею по затухающим головням, высекая из них снопы красных искр. Умерив свой гнев, он застыл в понурой позе. Наступило молчание.

— Дядя Иона! — вдруг сказал Федя. — Та история с сокровищами еще не закончена.

— Откуда тебе знать об этом, отрок?

— Да уж так случилось...

Волнуясь и торопясь, Федя начал рассказывать о голоде в Поволжье, о скупости монастыря, о правительственном декрете.

Отшельник с жадным вниманием слушал мальчика.

— Так почему власти не отнимут золото? — спросил он.

— В том-то и дело, что о тех сокровищах мало кто знает: Евлогий припрятал их, а когда декрет вышел, его сподручные все из монастыря вывезли и в горах захоронили. Теперь даже обыск в обители не поможет... — Федя сморщился, поняв, что сказал больше, чем намеревался.

— Не хочешь ли ты сказать, что знаешь, где находятся ценности?

Таиться дальше не имело смысла.

— Да, знаю! Я обманул вас вначале, что от взрослых отстал.

— Я и сам это понял.

Наступило долгое молчание. Федя понимал, что слово теперь за Ионой.

— Ты хочешь, — спросил монах, — чтобы я пошел в город?

— Да, я бы письмо с вами отправил.

Если бы Федя знал, какое смятение овладело отшельником!

— Вот оно как... Господи, за что мне сие? — пробормотал он.

— Там люди гибнут, — сказал Федя. Иона долго не отвечал.

— Знаешь что, — наконец заговорил он, — утро вечера мудренее, я молиться буду, подумаю...

Остаток вечера прошел как обычно. Они коротали время у огня и, точно условившись, говорили лишь о незначительных вещах. Поужинали кашей из гоми^[60] и выпили по кружке компота из диких яблок и алычи. Затем в пещере воцарилась тишина.

От мыслей, теснившихся в голове, Федя не мог заснуть, а, как и в первые дни болезни, погрузился в какое-то лихорадочное состояние. Но под утро он крепко заснул, и сон, пришедший к нему, был сладок. Он снова видел себя вместе с друзьями: с Аджином и Василидом. Затем к ним присоединились Тагуа и Рыжий монах. Охотник что-то рассказывал, ему вторил отшельник.

Федя вдруг проснулся и открыл глаза. Неужели к нему вернулась болезнь? — он по-прежнему слышал голос Тагуа. Мальчик повел глазами и увидел на стене висящую бурку. Все еще не веря себе, он приподнялся на локте: охотник и отшельник сидели рядом у пылающего очага и мирно беседовали.

Федя все лежал и смотрел, а сердце наполнилось радостью, и от нее вдруг навернулись слезы. Он справился с ними и позвал:

— Тагуа!

Охотник встал и быстро подошел к нему:

— Живой, джигит?

Не в обычае абхазцев-мужчин было целоваться — он взял мальчика за плечи, потом обнял.

Иона со своего места, улыбаясь, наблюдал за ними.

Тагуа помог Феде одеться и встать на ноги, хотя тот уже в этом не нуждался — от ночного болезненного состояния не осталось и следа.

Иона, поддавшись общему возбуждению, был подвижен и разговорчив, как никогда.

Феде не терпелось узнать, что происходит в городе, но Тагуа, выехавший почти следом за ним, и сам ничего не знал.

Над очагом в котле уже попыхивала мамалыга. Сели за завтрак. Дальнейшие события развивались стремительно.

— Ну как, друг, ехать можешь? — спросил Тагуа.

— Ехать? — Федя вскинул удивленные глаза. — На чем?

— Не на мне, дорогой, — лошадь за дверью ждет.

— Тогда конечно! — воскликнул Федя.

— А не простудится отрок? — с сомнением произнес Иона.

— Не бойся, у меня для него такая бурка есть! В Сибирь можно ехать.

Через час Федя с охотником готовы были пуститься в дорогу. За дверью всхрапывала и била копытом оседланная лошадь. Федя закутался в знакомую бурку, Тагуа облачился в другую.

Иона приготовил им в дорогу узелок с провизией. Когда уже собирались прощаться, он отошел в угол и достал из сундучка какую-то вещь, завернутую в тряпку и перевязанную бечевкой.

— Возьми, — сказал он, подавая ее Феде. — Когда приедешь в город, сдай в ту комиссию, о которой рассказывал.

— В ПОМГОЛ, — напомнил Федя. — А что это?

— Посильная лепта — фамильная вещь. Хоть и говорится: «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои», взял я ее, когда из мирской жизни уходил.

В тумане своего счастья, вызванного скорым возвращением в город, Федя не замечал, что творится с Ионой. Только теперь он услышал, как дрожит его голос, увидел печаль в глазах.

Федя кинулся к отшельнику на грудь и едва не заплакал. Одно утешало: он не сомневался, что они еще встретятся.

Все трое вышли за порог.

Боже, до чего изменилось все вокруг! Горы сверху донизу оделись праздничной, сверкающей белизной. Небо рядом с нетронутым, девственным снегом казалось еще синее. От свежего воздуха, как от вина, кружилась голова.

С помощью охотника Федя взгромоздился на лошадь. Тагуа взял ее под уздцы и двинулся вниз по склону. Иона пошел проводить их. Минут двадцать они преодолевали довольно опасный спуск между скалами, потом вышли на тропу.

Остановились попрощаться.

— Ну, дай вам бог удачи! — Иона перекрестил Федю и Тагуа. — Авось встретимся. А до того часа я буду молиться за вас.

Перед тем как свернуть за гору, Федя оглянулся. Рыжий монах стоял на том же месте, и его неподвижная фигура в сером балахоне среди сплошной белизны походила на статую.

Глава XXIII, в которой всё идёт хорошо и ничто не предвещает грома среди ясного неба

Федя проснулся в чистой, белой комнате. Вчера, при свете керосиновой лампы, он мало что увидел. Впрочем, и сейчас рассматривать было нечего: крашенная железная кровать под казенным одеялом, на которой он лежал, тумбочка и табуретка — вот и все. Если сесть на кровати, можно выглянуть в окно, что Федя и сделал немедленно. Теплый ветер, врываясь в комнату, вздымал марлеву занавеску. За окном, из-за семейки тонких кипарисов, проглядывала набережная, там сновали люди.

Чудеса! Вчера они с охотником почти весь день были в окружении снегов, а здесь к окну тянулись ветви персика с готовыми распуститься пуговками цветов. Утро переливалось веселыми красками, солнце слепило глаза.

Открылась дверь, и вошла русская девушка в белом халате.

— Здравствуй, больной, — сказала она.

— Здравствуйте! Я уже не больной.

— Это доктор решит. Измерь температуру. — Она протянула градусник и с любопытством разглядывала Федю.

— Правду говорят, что ты клад нашел?

Федя на секунду смешался.

— Это еще проверить надо...

— Почему, тогда как фон-барона в отдельную палату поместили?

Федя скорчил недоумевающую гримасу.

— Ишь ты, скромничает... К тебе посетитель с раннего утра рвется. Пустить?

Нетрудно было догадаться, о ком шла речь.

— Конечно, скорее!

Девушка улыбнулась и вышла. Спустя минуту в комнату влетел Аджин. Несколько мгновений они смотрели друг на друга сияющими глазами. Федя не предполагал, как радостно будет снова видеть это смуглое лицо и лохматую шевелюру. Аджин подскочил к кровати и от полноты чувств тряхнул друга за плечи.

— Как дела, дорогой?

— Хорошо. А у тебя?

Аджин отмахнулся.

— Скажи лучше, нашел, где деньги спрятаны?
— А то, как же! — расплываясь в улыбке, ответил Федя.
— Когда забирать будем?
— Об этом подумать надо. Еще за прежнее от отца влетит. Да и куда мне сейчас — неделю болел.

— Ухацхы! Как здоровье, дорогой? — спохватился Аджин.
— Сейчас-то ничего. Я эти дни в пещере Рыжего монаха жил.
В лице Аджина смешались страх и изумление.
— Чего глаза таращишь? Человек как человек, добрый очень. Он меня умирающим подобрал и выходил. Я же говорил, что все выдумки про него... Эх ты, голова — два уха!
— Что же он от людей прячется?
— Отшельником стал, так у них иногда водится. Скажи лучше, как Василид? Видел его?

Лицо Аджина омрачилось, он отвел глаза.
— Плохо Василид, никто не знает, где он.
Сердце у Феде упало.
— А ты где был? Ведь знал, что за ним монахи охотились. А вдруг... — Он замолчал, испугавшись того, о чем подумал.

— Слушай, дорогой, ты еще ничего не знаешь. Я все сделал, что надо, только, может быть, немножко поздно. Ревком в монастыре заговорщиков арестовал, потом обыск делал, склад оружия нашли. А Василида не нашли. Некоторые монахи говорят, что его родственники к себе забрали...

— Вранье это! — перебил Федя. — Нет у него никаких родственников... Постой, постой! — Он хлопнул себя по лбу. — Кажется, я знаю, где его искать!
Но тут в палату вошел отец:
— Здравствуйте, заговорщики!
Аджин поздоровался и вскочил, уступая табуретку. А затем счел за благоразумное тихонько выйти из палаты.

Вчера поздно вечером Тагуа доставил Федю в больницу, а потом известил об этом Ивана Егоровича. Радость встречи с пропавшим сыном отдала неприятный разговор. Но повторной встречи Федя побаивался. Отец не сел — нервно ходил по комнате.

— Как себя чувствуешь? — хмуро спросил он.
— Хорошо.
— Хорошо... А мне-то каково было! — вскричал Иван Егорович. — Ведь тебя все считали погибшим...
— Я сознаю, виноват... — с трудом выдавил Федя. — Но ты же знаешь, зачем я в горы ходил.
— Знаю, что тебя сто человек в горах искали. В такую-то пургу! Неужели нельзя было обойтись без этой самодеятельности?
Отец снова заходил по комнате.
— Ваш друг послушник исчез. Ты зачинщик всего дела — может быть, знаешь, что могло с ним случиться?
— Мы как раз об этом с Аджином говорили. Я объясню, где искать. Только Аджина нельзя без взрослых пускать в монастырь — мало ли что.
Отец вышел и через минуту вернулся вместе с Аджином. Федя начал с описания места, где следовало перелезть через монастырскую стену. Отец остановил его:
— Постой! Не хватало меня в ваши проделки втягивать. Скажи, как туда через монастырские ворота пройти.
Оставшись один, Федя съел без аппетита завтрак, принесенный сестрой милосердия. Он с тревогой думал о Василиде. Хорошо, если он прячется в тайнике, а если — нет?
Его беспокойные думы были прерваны голосами за дверью. Вслед за этим в палату вошли двое — председатель ревкома и чекист Эшба.

— Вот он, наш герой-анархист, — весело сказал Лоуа, подходя и протягивая Феде руку. — Здравствуй, дадраа! Ну как, теперь ты знаешь, что такое горы?

Федя покраснел и кивнул. Лоуа отогнул угол простыни и сел в ногах у больного, чекисту указал на табурет.

Феде было не по себе от столь важных посетителей. Лоуа понимал его состояние и, давая прийти в себя, говорил вначале о пустяках. Потом перешел к делу:

— С другом твоим, Аджином, уже беседовали, знаем кое-что о ваших подвигах. Скажи-ка для начала, правда ли, что настоятель письмо нам пытался переслать?

— Да, это точно знаю.

— А как сам думаешь, почему он в ревком не пришел, вместо того чтобы письмо писать?

Федя ответил так, как слышал от Василида:

— Неловко было перед своими, вот и решил, чтобы после его смерти вы про ценности узнали.

— Но почему ты думаешь, что в письме речь шла о ценностях?

— Василид слышал, как перед этим у настоятеля с казначеем разговор был. Отец Георгий предлагал отдать ценности для голодающих, а Евлогий протестовал, грозил ему... Они, видать, сильно повздорили, настоятелю даже нехорошо стало.

Лоуа покачал головой.

— Плохо мы о нем думали — вон как все не просто, оказывается. Ну, а теперь о главном: ты уверен, что выследил, куда монахи ценности спрятали?

— Да, — твердо сказал Федя.

— Можешь рассказать все подробно?

Поначалу Федя был скован, но потом освоился и говорил связно, с увлечением. Передал со слов Василида о том, что произошло в монастыре, а затем о вывозе сокровищ и о событиях в горах, которым сам был свидетель. Председатель и чекист слушали внимательно, иногда прерывая вопросами.

Когда он закончил, Лоуа повернулся к Эшбе:

— Видал, какие дела под боком творились?

— Да-а, кто бы мог подумать...

Председатель спросил Федю:

— Так ты сам видел, как монахи груз в пещере прятали?

— Нет, этого момента не дождался: если бы я остался, то себя обнаружил бы. — И Федя снова рассказал, на этот раз подробно, о последних минутах перед тем, как потерял сознание.

— Повезло тебе с этим Рыжим монахом...

Эшба достал из планшета карту и карандаш.

— Давай, друг, нарисуй дорогу от Медвежьей горы до пещеры.

Склонившись над тумбочкой, Федя, как мог, обозначил свою дорогу. Указывая на плато, он сказал:

— Это место называется Урочищем Больших Камней. Я от охотника позднее все названия узнал. Подниметесь на плато и пересечете его прямо на север. Когда выйдете к обрыву, увидите долину. На противоположном склоне — пещера. Там ручей с горы падает, так от него слева. Запомните: слева от водопада.

— Понятно, — сказал Лоуа. — Ты, я вижу, заправский кладоискатель. Сам, небось туда хотел бы вернуться?

— Я бы пошел, да отец не позволит.

— Верно. Выздоровливай, твоей славы не убудет. Кстати, как это в голову вам пришло охотиться за ценностями?

— Сначала в крепости клад искали... ну так, для забавы. Потом Василид про монастырские ценности рассказал — стали к обители приглядываться. А когда про декрет

узнали, то поняли, что дело нешуточное. Так и случилось... А что вы теперь будете делать?

— Экспедицию в горы снарядим из представителей ПОМГОЛа, охрану дадим. Так ведь? — спросил он, обернувшись к чекисту.

— Конечно, не медля.

На прощание Лоуа сказал:

— Твоей удаче можно позавидовать, если забыть, во что она тебе обошлась.

Выздоровливай. Только вот что: обо всем, что случилось, прошу помалкивать, иначе можешь делу повредить.

Они пожали Феде руку и вышли.

Этот визит наполнил его гордостью. Но вот он вспомнил о послушнике, и сердце у него снова заныло. Прошло еще томительных полчаса, как за дверь послышался топот и в комнату влетел Аджин. Вид у него был ликующий.

— Нашелся! — еще с порога крикнул он. — Живой. Только худой, как щепка, и ненормальный немного: не хотел идти и плакал. А чего плачет — сам не знает.

— Где он сейчас?

— Здесь, его доктор смотрит.

— Что с ним случилось?

— Не знаю, доктор меня прогнал.

Вошел Иван Егорович:

— Крутую же вы кашу заварили. Дай бог расхлебать. Ну да ладно, главное — жив ваш друг. Теперь давай так условимся, — сказал он, обращаясь к сыну, — у меня сейчас дел непроворот, я вечером зайду, со мной до дома доберешься. Там за тобой хозяйка присмотрит. Мест в больнице не хватает.

— Мне бы с Василидом поговорить...

— Ему пока не до бесед. А через день-два встанешь на ноги, наведишь его.

Оставшись один, Федя стал перебирать новости, которые сообщил ему Аджин.

Разгромили белогвардейцев, что в горах прятались и готовились к мятежу. Вот здорово!

Федя не подумал, что в разгроме мятежников есть и его доля участия, — ведь это он сообщил в ревком о световой сигнализации монахов, и Эшба со своими помощниками, наблюдая за этими сигналами, своевременно узнали о готовящемся контрреволюционном заговоре.

Вечером Иван Егорович зашел за сыном. Облачившись в принесенную им одежду, Федя подивился своей худобе — все висело на нем, как с чужого плеча.

Тинат ждала их к ужину. На радостях она расплакалась.

— Как я соскучилась, пусть я умру! — сказала она.

Последующие дни Федя был под ее надзором. Впрочем, большой необходимости в этом не было, так как возле мальчика, согласно ачапчара^[61], почти все время находился Тагуа. Он приходил в начищенных до блеска сапогах, с туго закрученными усами.

И Федя вспомнил, как «вручил» Тинат медвежью шкуру.

...Шкура была хоть куда: черная густая шерсть мягче любого ковра, голова выделана как настоящая — с красной оскаленной пастью и стеклянными глазами.

Федя выждал, когда Тинат ушла в свою комнату на послеобеденный отдых, и спустя некоторое время заглянул в дверь. Убедившись, что Тинат спит, он на цыпочках приблизился к ней и бесшумно расстелил шкуру возле тахты. Он был уверен, что таинственное появление шкуры произведет на суеверную хозяйку должное впечатление.

Ко времени обычного пробуждения Тинат Федя занял наблюдательный пост в саду за деревом.

Прошло несколько минут, потом с полчаса. В доме стояла тишина, дверь не распаивалась, Тинат не выбегала на галерею с вздетыми руками, с воплями и причитаниями.

Призывая хозяйку, в стойле замычала буйволица, ей откликнулись козы в козлятнике. Федя забеспокоился: уж не перемудрил ли он? В конце концов, тревога заставила его подняться на галерею и приоткрыть дверь. Тинат сидела на тахте и гладила лежащую на ее коленях страшную медвежью голову.

Этого Федя никак не мог предположить. Он хотел тихо улизнуть, но Тинат увидела его. Оба смутились.

— Я... там скотина ревет, — пробормотал Федя. Она сухо спросила:

— Зачем ты принес это?

Федя пожал плечами:

— Почему я?

— А что, она сама пришла?

— Может быть, это Рыжий монах принес? — с невинным видом спросил Федя.

— Унан! Усы скоро вырастут, а глупым остаешься!

— Вы же сами говорили... — пробормотал Федя.

— Говорила, чтобы напугать, чтобы ты в горы не ходил. Я, дорогой, даже в бога не верю, скоро учительницей буду работать — твой папа звал. Так кто тебе шкуру дал?

— Это охотник Тагуа просил вам передать.

— Так я и знала! — воскликнула хозяйка.

Вслед за тем она надела чусты^[62] и, не сказав больше ни слова, спустилась во двор. Вид у нее был очень возбужденный. Вечером она решительно сказала Феде:

— Возьми шкуру и отнеси назад. Вот и весь ответ.

— Разве она вам не нравится?

— Мне не нравится охотник, — отрезала Тинат. Она яростно скоблила обеденный стол и не поднимала глаз.

— Все говорят, что он очень хороший охотник.

— Охотник-то охотник, да бродяга порядочный. От дома совсем отвык.

— Вот и приучите его к своему дому, — брякнул Федя.

— Что-о? — воскликнула Тинат. — Пусть хоть совсем в город не приходит, мое какое дело... Зачем ты все это мне говоришь, нан?

— Я так... к слову пришлось.

— Не говори больше, иди гулять.

Он спустился на Приморскую улицу, так и не решив, стоит ли ему повидать Тагуа. Но тот, как будто нарочно, ждал его под навесом духана. Они пошли вместе вдоль моря.

— В общем, так... Шкура ей очень понравилась, — неожиданно для себя сказал Федя, — она застелила ею тахту.

Тагуа кашлянул.

— Добро тебе видеть! А что еще она говорила?

— Велела передать спасибо. Приглашает вас в гости.

— Ты думаешь, я могу прийти?

— Еще бы! Хоть сегодня.

Тагуа взглянул на него с сомнением, но ничего не сказал. Они договорились встретиться завтра, чтобы вместе отправиться к Тинат. Весь следующий день Феде было не по себе, он с беспокойством ждал вечера.

Они встретились у духана. Тагуа был чисто выбрит и одет в новую, бордового цвета черкеску.

Все дальнейшее сложилось не так уж плохо. Тинат поздоровалась с гостем, хотя и без большой сердечности. Все же из страха перед разоблачением Федя предпочел вначале провести охотника в свою комнату — показать, как они с отцом устроились.

Вернулся с работы Иван Егорович. От сына он не однажды слышал об охотнике и дружески приветствовал его. Вскоре между ними завязалась оживленная беседа: уж кто-кто, а Иван Егорович умел ладить с людьми.

Пришло время ужина. При виде стола, уставленного закусками, он воскликнул:

— Ого, у нас сегодня настоящее пиршество!

Между мужчинами весь вечер шел оживленный разговор. Но Тинат вела себя странно: отказалась ужинать вместе со всеми, почти все время пропадала на кухне, на стол подавала с каменным лицом, на Тагуа не глядела вовсе.

Поздно вечером Федя вышел за калитку проводить охотника.

— Я же говорил — все будет здорово! — храбро сказал он. Но Тагуа поглядел на него недоверчиво:

— А не морочишь ли ты мне голову, дадраа? Почему она молчит, на меня не смотрит?

— Стесняется — понятное дело. Вы приходите почаще, пусть она освоится, привыкнет...

Он убеждал охотника, что холодность хозяйки — одна видимость. И Тагуа сдался. За первым визитом последовали второй и третий. Федя считал, что сильно продвинулся в своей добродетельной миссии.

...И вот Тагуа снова в доме Тинат. Ясно было, что ачапчара уже ни к чему — Федя выздоровел, дома его удерживала лишь небольшая слабость. Но обычай есть обычай.

В первый раз он пришел с подстреленной козой. Тинат вынуждена была принять этот дар, так как аппетит у выздоравливающего был как у голодного волчонка, и скудного ревкомовского пайка явно не хватало для восстановления его сил.

Произошло ли объяснение, Федя не знал, но в поведении хозяйки явно наступила перемена: она не избегала Тагуа, все чаще перекидывалась с ним словом и благожелательно улыбалась. А когда Тагуа снова собрался на охоту, Тинат напутствовала его традиционным: «Да ждет тебя дичь, смерть которой настала!»

...Через день после возвращения Феде домой отец сообщил, что экспедиция, снаряженная ревкомом для возвращения монастырских ценностей, отбыла в горы.

А потом настал день, когда доктор разрешил навестить Василида. В больницу Федя с Аджином отправились в сопровождении Тагуа.

После всего пережитого нервы маленького послушника были напряжены, и друзей предупредили, что в разговорах с ним надо соблюдать осмотрительность.

Боже, до чего он был худ и бледен, как мало места занимал в кровати! Щеки совсем запали, нос заострился, и от этого голубые кроткие глаза его стали еще больше.

При виде друзей Василид разволновался: лицо у него сморщилось, в глазах задрожали слезинки.

Друзья приподняли его на подушках; удобно примостившись, он, наконец, улыбнулся. Тогда все разом заговорили, и только охотник, видевший послушника впервые, молча наблюдал эту сцену.

Василид не успевал отвечать на вопросы. Потом он стал рассказывать о своих злоключениях с самого начала. Его слушали не прерывая.

При воспоминании о том, как умирал вызволивший его незнакомец, глаза Василида снова наполнились слезами.

— Жалко дяденьку... Если бы я той каши побольше съел, то тоже умер бы, — заключил он, всхлипывая.

— А какой он был из себя, этот человек? — спросил Федя.

— Маленький, щуплый такой, в клетчатых брюках.

— Так это мой гость! — воскликнул Тагуа. — А я думаю: куда он запропастился? Эх, горемыка!

— Все разбогатеть собирался, — добавил Аджин.

— А ты знаешь, что Евлогия белогвардеец убил? — спросил Федя Василида.

— Знаю, мне сестра милосердия рассказывала.

— Собаке собачья смерть! — запальчиво выкрикнул Аджин.

— Не надо говорить о мертвых дурное, это не по-христиански, — попросил Василид. Присутствующие промолчали, как видно, не разделяя этого всепрощения.

Федя начал было рассказывать о том, что случилось в горах, но вошла сестра и, увидев возбужденное лицо послушника, потребовала немедленного прекращения свидания. Федя только успел шепнуть Василиду, что сокровища скоро будут доставлены в город.

— Долгих лет тебе, здоровья бычьего пожелаю, — сказал Тагуа, прощаясь с мальчиком.

Из больницы Федя и Аджин, расставшись с Тагуа, направились по тихой улочке к морю.

— Здорово ему досталось, — сказал Федя.

Аджин понял, что он говорит о Василиде, но никак не отреагировал на это замечание, и Федя взглянул на него. У Аджина был какой-то странный вид.

— Ты чего молчишь?

Аджин отвернулся, закрыл лицо руками. Федя не знал, что и подумать. Аджин — этот сорвиголова — вдруг плачет. Потребовалось немало времени, чтобы добиться ответа.

— Он рассказывает, ты рассказываешь... А я что расскажу? Ничего не делал, мешал только.

Федя опешил, потом рассмеялся.

— Смейся, — сказал Аджин. — Завтра золото привезут, еще больше можешь смеяться.

— Ну и чудак же ты! Ведь если бы монахи вывезли сокровища через главные ворота, ты бы их выследил. А потом, если бы ты Тагуа не предупредил, что со мной было бы? Сегодня мне повезло, завтра — тебе. Мы еще поинтереснее что-нибудь придумаем!

К великому облегчению Феди, Аджин утер слезы. Но его глаза, обычно плутовские и насмешливые, на этот раз еще долго оставались печальными.

Весенний вечер дышал подсолненным морем, ароматом цветов. На бульваре похрустывал гравий под ногами гуляющей публики, возле духанов и кофеен толпились горцы.

Федя переживал восхитительные часы. Никогда жизнь не улыбалась ему столь щедро.

Памятуя о наказе председателя, ребята в разговорах с посторонними помалкивали обо всем, что знали. Но слухи о найденных монастырских сокровищах уже бродили по городу. Взрослые с интересом приглядывались к друзьям. Что же касается городских мальчишек, то они толпой ходили за ними следом.

Приятели подолгу просиживали у постели Василида.

Как-то, оставшись наедине с послушником, Федя поведал ему о переживаниях Аджина. Василид понимающе кивнул, потом сказал:

— Я бы с удовольствием отдал ему все свои приключения, вот уж не думал, что на меня их столько свалится.

От этого разговора мысли его перенеслись в будущее:

— Уж если в монастыре нет покоя, как же я в миру буду жить?

— Что-нибудь придумаем, — заверил его Федя. Но, хоть убей, он и сам не знал, что делать с Василидом после выхода его из больницы. Проще всего было бы устроить его в колонию-школу, что откроется на днях в помещении монастырской гостиницы, но Федя понимал, как в ней придется бывшему послушнику с его робким характером и привычкой к обительской жизни.

Федя не подозревал, что и ему судьба готовит неожиданное испытание. С галереи его дома проглядывался кусок дороги, уходящей в горы, — по ней должен был вернуться ревкомовский караван с ценностями.

На пятый день он встал пораньше с намерением сразу после завтрака отправиться в ревком за новостями. В это время Иван Егорович, не ночевавший дома, вошел в калитку и, пройдя через двор, поднялся в комнату. В лице его было нечто такое, что заставило Федю насторожиться. Он поднялся вслед за отцом.

— Ты не пойдешь на работу? — спросил Федя.

— Пойду позднее: почти не спал сегодня, отдохну часа два... А ты не в ревком ли собрался?

— Да.

Иван Егорович помолчал.

— Знаешь, я уже был в ревкоме. Ты пока туда не ходи. Дело в том, что экспедиция вернулась ни с чем.

Федя долго молчал. Наконец едва внятно спросил:

— Что, пещера оказалась пустой?

— Они не нашли никакой пещеры...

Больше не было сказано ни слова. Тихонько, как незрячий, Федя пересек комнату и вышел. Спустившись с галереи, он ушел в дальний угол сада; там лег под зацветавшей грушей и, заложив руки под голову, уставился в небо.

Спустя несколько минут его нашел отец и сел рядом.

— Выслушай меня, — сказал он. — Не надо принимать все так близко к сердцу. Не твоя вина, что... ты был нездоров.

Федя будто не слышал. Потом до него дошел смысл, заключавшийся в этих словах, и он спросил:

— Ты думаешь, я не соображал в тот момент?

— Может, и так. В жизни случается такое, чему не сразу найдешь объяснение. Горы — это не шутка. Будь спокоен, монахов все равно поймают и ценности никуда не денутся. Четыре человека с мулами — не иголка в стоге сена. В пограничных районах уже предупреждены, там дежурят милиция и ЧК. Рано или поздно, в пещере ли, в другом ли месте, но ценности найдутся. Ох уж эти сокровища! — вздохнул он.

Федя молчал и смотрел в сторону. На сердце давила непомерная тяжесть. Наконец он сказал:

— Когда я видел пещеру, то не был в беспамятстве.

— Ты не можешь ручаться.

Послышался голос хозяйки, звавшей к завтраку. Подчиняясь желанию отца, Федя сел к столу, но есть не мог.

Иван Егорович, стараясь вывести сына из оцепенения, рассказывал о своей поездке по уезду. И так как Федя внешне держался мужественно, ушел из дома несколько успокоенный.

Федя уединился в комнате. Необходимо было собраться с силами и поразмыслить обо всем, что произошло.

Он снова представил себе, как два монаха разгружали мулов, двое лезли по склону, туда, где явственно чернело отверстие пещеры. Но может быть, они спрятали сокровища не в пещере? Тогда почему экспедиция не нашла пещеру?

Пришел Аджин. Он уже обо всем знал, как, наверно, знал и весь город. Федя с тоской подумал о том, что, по крайней мере, в ближайшие дни он не посмеет высунуть носа на улицу.

Но Аджину и в голову не приходило усомниться в рассказе друга, все негодование он обратил на экспедицию.

— Хайт! — запальчиво говорил он. — Им козу пропавшую искать, а не золото. Кто туда ходил? Тот ходил, кто совсем гор не знает. Их начальник Вакуа в городе жил, революцией занимался. Очки носит, как сова, днем ничего не видит... Русские красноармейцы — хорошие люди, но что они в наших горах понимают? Пусть мне обреют голову, если я неправду говорю!

Федя впервые за все это время улыбнулся:

— Уж ты скажешь...

— Конечно, так! Ты ведь сам видел пещеру? Видел! Тебе верю, им — не верю.

— Я правда все хорошо помню, сам видел эту пещеру, — дрогнувшим голосом сказал Федя.

— Слушай, друг, — понизив голос, заговорил Аджин, — ждуть хуже, чем не ждуть. Когда сами пойдем искать?

— Нет, больше так нельзя, и без того наломали дров. Теперь без нас обойдутся. Отец говорил: приняты меры, скоро тех монахов и так переловят, у них о кладе и дознаются.

Федя говорил твердо, но не было, наверно, сейчас на свете человека несчастнее, чем он. Аджин посмотрел на него с сожалением.

— Ты подвиг совершал, чуть не умирал... Почему теперь так говоришь? — Он не знал, какую борьбу его другу пришлось выдержать с самим собой.

— Нет, подождем, — твердил Федя.

Но Аджина не так-то легко было успокоить.

— Слушай, друг, — заговорил он вкрадчиво, — Василид свое дело сделал, ты сделал, давай теперь я один пойду. Ты мне расскажешь, как идти. Вернусь, тебе одному скажу, где золото нашел.

Федя с минуту подумал, потом сказал:

— Нет. Хватит глупостей. Хорошо еще, что мы с Василидом живы остались. Одному туда ходить нельзя.

Вдвоем, выбирая окраинные улочки, они отправились к Василиду. Послушник тоже был в курсе печальных событий.

— Так, видно, господу было угодно, — сказал он уныло.

Глава XXIV, где мы расстаёмся с полковником и вновь встречаемся с Тагуа

Нежинцев смотрел в зарешеченное окно, облокотившись о высокий подоконник. Тюрьмы в городке не было, и для арестованных приспособили полуподвалы красноармейской казармы. На допросы полковника водили в помещение штаба.

Чекисты знали о его деятельности на побережье почти все: захваченные в ту же ночь князья и дворяне, заботясь о своей судьбе, не скупились на показания. От допроса к допросу полковник был вынужден подтверждать новые подробности готовящегося мятежа.

Теперь чекистов интересовало его прошлое: деятельность во время гражданской войны и во врангелевской разведке. Нежинцев своими показаниями всячески запутывал следствие, стремясь оттянуть печальный конец.

Он не переставал удивляться тому, какую неожиданную шутку сыграла с ним судьба. Легче всего было свалить неудачу мятежа на вероломство Евлогия, но подсознательно Нежинцев понимал, что причина не в этом. О том, что он рассчитался с жадным попом, полковник, конечно, не жалел.

Как всякий смертный, Нежинцев испытывал страх за свою жизнь, но опыт подсказывал ему, что нельзя терять надежду на освобождение, пока есть хоть малейший шанс.

Он усиленно занимался гимнастикой. Кормили сносно. Пища была простая, но сытная. Благодаря ежедневным хождениям на допрос в соседнее здание Нежинцев хорошо знал расположение казарменного двора и что улица за воротами переходит в горную дорогу.

Большую часть времени полковник проводил у окна, наблюдая за жизнью казармы. Особенно его интересовала коновязь. Изю дня в день натренированным взглядом наездника он выбирал себе лошадь по вкусу. Сегодня присматривался к гнедой кобыле, что стояла у ближнего конца коновязи. К седлу ее была приторочена скатанная бурка.

Прикинув к решетке, Нежинцев увидел приближавшегося красноармейца. Судя по времени, шел его конвоир. Сердце дрогнуло от проблеска надежды: в конвоире полковник узнал своего бывшего денщика. Оба служили в белой армии. Два года назад пути их разошлись, и дальнейшая судьба солдата не была известна полковнику. Непривычно было видеть на нем красноармейскую форму. Обдуманная маскировка или Жигунов в самом деле переметнулся к красным? В свое время это был хороший служака — георгиевский кавалер, добросовестный и исполнительный, разве только чересчур замкнутый.

Спустя минуту прогремел засов — у распахнутой двери стоял красноармеец.

— Да это Иван Жигунов, черт меня подери! Кто бы мог подумать! — с хорошо разыгранным изумлением воскликнул Нежинцев. Он сидел на табуретке и теперь встал навстречу конвоиру, развеяв руки, словно хозяин, приветствующий дорогого гостя.

Красноармеец нахмурился и пристально взгляделся в арестанта.

— Господин полковник? Вот те на!..

— Какими судьбами, ты хочешь сказать? Я-то понятно, а вот что означает твой маскарад? — проговорил Нежинцев, понижая голос и многозначительно оглядывая красноармейскую форму.

— Да уж как есть, ваше благородие: второй год на службе в Красной Армии, сдался добровольно под Харьковом... Однако время не ждет, извольте идти, куда приказано.

Нежинцев лихорадочно соображал, каким образом затянуть беседу.

— Что-то не возьму в толк: как же ты, голубчик, решился на такое дело? — заговорил он с ласковой укоризной. — Я-то считал тебя преданным служакой.

— Извиняюсь, господин полковник, но только что вы можете знать о нас, солдатах? Если сапоги вам чистил исправно да за водкой вовремя бегал, то уж и предан, значит? Тут дело посложнее. А что против своих братьев шел, так не один я — многим вы головы заморочили. Слеп был.

Нежинцев чувствовал, как уходит из-под ног почва.

— Не вижу смысла в твоих словах, — сказал он. — Должен бы догадываться, что такое положение не будет продолжаться вечно — со дня на день все переменится. Ты не знаешь, как сильна сейчас белая армия, да и наши западные союзники не потерпят у власти большевиков. Будь я на твоём месте, я бы призадумался. Ты выбрал неудачный путь. Но у меня хорошая память: сослужи мне службу и можешь быть спокоен за свое будущее.

Жигунов усмехнулся:

— На белое воинство я и сам посмотрелся, оно — что покойник, не воскресишь. Да и ваше благородие за решеткой неспроста оказались. Уж если в восемнадцатом году у вас не вышло, то сейчас не выйдет и подавно. На Антанту^[63] тоже не очень кивайте, ей в наши дела не время лезть. Мы ведь политграмоте учимся и смекаем, что к чему. Мне ваши речи непригожи, хоть озолотите, за вами не пойду. Смиритесь, примите свою кару, как должно солдату.

От столь неожиданной отповеди кровь прилила к голове, но Нежинцев вовремя пересилил свой гнев и, понизив голос, вдруг произнес:

— А не забыл ли ты, как пленных красноармейцев шашкой рубил?

Жигунова даже передернуло:

— Что еще за шутки! Не было в моей жизни такого!

— А вот поручик Махортов писал, что мой бывший денщик лютует, даже пленных своей волей казнит.

— Не знаю я никакого Махортова! — вскричал Жигунов. — Ложь это: видать, сильно смерти боитесь, если такое на меня решили возвести.

— Махортов дворянин и мой приятель, у меня нет оснований ему не верить. Твои командиры будут довольны, узнав подробности твоей биографии.

— Вам не поверят, — произнес красноармеец дрогнувшим голосом, — только честь свою замараете.

Но обстоятельства были не из тех, чтобы полковник мог разжалобиться.

Нежинцев продолжал следить за красноармейцем.

А Жигунов был подавлен и, не думая об опасности, вошел в камеру. Угол около двери, в котором он оказался, не давал ему свободы движения. Нежинцев не упустил этого из виду.

— Ну, так как же? — спросил он.

Точно устыдившись своих колебаний, Жигунов глухим, но твердым голосом ответил:

— Нет — вот мое слово! Пусть даже смерть приму от своих, а под вашу дудку снова плясать не стану.

Нежинцев весь подобрался и, нарочито сгорбившись, направился к двери.

Поравнявшись с конвоиром, точно рассчитанным движением он метнулся на него, и прежде чем тот успел вскинуть винтовку, сильные руки железной хваткой сжали ему шею.

Убедившись, что красноармеец не в состоянии крикнуть, Нежинцев вдруг отступил на шаг, рванул его тело на себя и с размаху ударил затылком об стену. Почувствовав, как жертва оседает под его руками, Нежинцев вырвал винтовку и кинулся к лестнице.

Взбежав по ступеням и миновав отрезок коридора, Нежинцев остановился и выглянул из-за угла. Отсюда было видно крыльцо: часовой стоял, привалившись к столбу, глядя в сторону. В несколько мгновений Нежинцев преодолел разделявшее их расстояние и взмахнул прикладом. Но ему не повезло: услышав шаги, часовой отшатнулся, и удар пришелся по плечу, лишь сбив красноармейца с ног. Времени на то, чтобы покончить с ним, у беглеца не было.

Двор был пустынен, гнедая стояла оседланной на том же месте. Распуская узел уздечки, полковник краем глаза наблюдал за часовым у крыльца, и когда тот, поднявшись с земли, вскинул винтовку, он пригнулся. Две пули просвистели над головой, а в следующее мгновение Нежинцев вскочил в седло. Кобыла, почувствовав опытного наездника, с места взяла галопом.

Когда беглец вырвался на простор улицы, вслед ему снова ударили выстрелы. Но не достали его.

Улица стремительно летела назад, копыта били по каменистой дороге, высекая искры.

У поворота в гору Нежинцев оглянулся: из ворот казармы один за другим вылетали конармейцы. Однако время было выиграно. Еще один поворот, и дорога, миновав последние дома, побежала белыми известковыми изгибами в горы. Склон горы скрыл его от преследователей. Когда же дорога снова выровнялась, сзади послышались выстрелы, но расстояние между ним и погоней было уже такое, что он даже не слышал свиста пуль.

Тагуа спустился к шумной Монашке и по тропе, вьющейся среди бархатно-мшистых камней, достиг места переправы. Несчетно много раз возвращался он этой дорогой, напевая благодарственную песню божеству охоты. Он и сейчас мурлыкал ее под нос, хотя давно уже полагался лишь на свой опыт и умение. Но песня досталась от предков и вошла в его жизнь.

... Не разуваясь, Тагуа перешел вброд Монашку и сбросил на землю тушу молодого кабана. Добыча к концу дороги изрядно натрудила плечи, и перед последним переходом следовало сделать короткий привал. Прежде он бы не торопился и отдохнул бы как следует. А сейчас неумолимая сила тянула его домой, хотелось прийти засветло, пока жена не улеглась спать и огонь в очаге не потух. Тогда можно будет зажарить хороший кусок мяса, а после ужина посидеть рядом с Тинат у догорающего огня и, млея от блаженной усталости, отвечать на ее расспросы и потягивать трубку. Мысль об этом наполняла его душу покоем. Он сел на землю, привалился спиной к валуну и вытянул ноги.

Кругом было безлюдно и тихо. Только перекатывала через камни свои воды Монашка. Садилось солнце, под его лучами пурпурным цветом наливались облака. В такие минуты Тагуа особенно хотелось, чтобы не только он — все были бы счастливы и довольны жизнью.

Отдаленные выстрелы, перекрывшие рокот Монашки, прервали неторопливое течение его мыслей. Тагуа насторожился.

Прошла минута, другая, и на дороге показался всадник. Хотя до него было еще далеко, охотник видел, что наездник опытен: лошадь под ним, летящая крупным галопом, без труда одолевала опасные повороты. Спустя немного следом показалась группа конников в буденовках. Они отставали метров на полтора, и расстояние продолжало увеличиваться: в седлах красноармейцы держались неважно и ездить по горным дорогам, как видно, не умели. «Уйдет, — подумал Тагуа, — клянусь покойным отцом — уйдет! Хорошие ребята — красноармейцы: крестьянам в свободное время помогают, ходят по домам, рассказывают о революции, о новой жизни, а стреляют плохо. Да и немудрено: сами недавно землю пахали».

Беглец выехал на открытый склон горы, замедлил бег лошади и, почти не целясь, выстрелил из винтовки. Один из красноармейцев припал к лошадиной холке и стал сползать набок.

«Хайт цараби! — пробормотал Тагуа. — Хорошо стреляет, дьявол, гром его разрази!» Но грома не последовало, всадник продолжал уходить от погони.

Не меняя позы, Тагуа потянулся к ружью. Стрелять было неудобно — приходилось целиться под крутым углом вверх. Держа ружье на весу, он ждал. Вдруг ему мучительно захотелось домой. «Боже, когда это кончится?» — тоскливо подумал он.

Беглец вновь оказался в поле его зрения. Тагуа вскинул ружье к плечу и нажал курок. Всадник вылетел из седла и покатился вниз. Тагуа вскочил на ноги, перебросил кабана через плечо и скрылся в кустах, окаймлявших речку. На дорогу он выбрался далеко позади красноармейцев. Перед тем как направиться к городу, он выглянул из-за скалы. Красноармейцы толпились у края обрыва и смотрели на распластавшееся внизу тело полковника. Тагуа поудобнее пристроил на плечах свою добычу и торопливо зашагал к дому.

Глава XXV, в которой отчаяние и надежда сменяют друг друга и вновь появляется имя Рыжего монаха, а события близятся к своему концу

Уныние продолжало царить в доме Тинат. Не желая видеть людей, Федя с вялым видом слонялся по дому и саду, а если случалось заниматься каким-нибудь делом, то выполнял его без всякого интереса.

Иван Егорович ощущал беспокойство за сына.

— Не унывай, — говорил он Феде, — еще не настал конец света. Не сегодня-завтра все переменится.

Но дни шли, а ничего не менялось.

Под влиянием тоскливого настроения Федя все чаще возвращался мыслью к годам, проведенным в Смоленске. Он вспоминал, как когда-то с друзьями совершал прогулки за город, как рыбачили, собирали грибы, пекли в золе картошку.

«А здесь картошки и в помине нет, — думал он злорадно. — И вообще, что здесь хорошего? Все нарядно, непонятно. Звезды на небе и те не на своих местах горят». Даже кипарисы, несущие к небу темно-изумрудные кроны, вызывали у Феде раздражение: «Не деревья, а столбы какие-то. То ли дело береза: и ствол белый, радостный, и листочки весело трепещут под ветром, и в бане с березовым веником попариться — одно удовольствие... А цветы? Такие яркие, будто и не настоящие даже. А зима... Разве это зима?! Ни снега тебе, ни мороза, ни на санях покататься, ни в снежки поиграть; деревья всегда зеленые стоят. Вот море — это, конечно, да! Но и в Днепре, в конце концов, искупаться можно, хотя и не широк он возле Смоленска: туда и сюда сплавать без отдыха труда не составляет. Может, взять да и махнуть обратно в Смоленск?.. Как-то тамошние друзья-приятели поживают? И первый из них — Юрка Соловьев? Свинство — иначе назовешь, что до сих пор не удосужился написать ему о своем житье-бытье».

Не теряя времени, Федя нашел бумагу и карандаш. Стола в комнате не было, и пришлось примоститься на подоконнике.

«Здравствуй, друг Юрка! — писал он. — Привет тебе с высоких гор Кавказа от Федора Вахрамеева. Извини, что сразу не написал, — дела здесь такие, что обо всем забудешь. Место, где я, оказался, называется Колхидой. Здесь и горы и море рядом. Местное население — абхазцы, но много и других народностей. Абхазцы — народ ничего, хотя и не сразу их поймешь: говорят, конечно, не по-нашему и обычаи у них другие. Гостеприимны до невозможности: если в гости к ним попадешь, то не скоро вырвешься и угощать будут всем, что в доме найдется. Некоторые бездельники этим пользуются: только и знают, что в гости ездят — тем и живут. А вообще народ очень гордый и уважительный. Друг с другом почтительны и при встречах не так чтобы «здравствуйте» и «до свидания», а приветствуют всячески и спрашивают о здоровье всех родственников. Но уж если обидел кто кого, то тут добра не жди: обидчику лучше убираться из этих мест,

иначе кинжал в сердце или пуля в лоб. А оружие есть у всех. (Федя подумал и написал: «У меня, правда, нет пока».) Хлеб абхазцы едят мало, больше кукурузу. Мясо — редко, только на свадьбе или поминках, но уж зато, пользуясь случаем, одного барана могут умять вчетвером.

Сады есть при каждом доме, и фрукты такие, о каких ты и не слыхивал, — к примеру, хурма, гранаты, фейхоа.

Абхазцы очень хорошо поют. И лезгинку пляшут здорово.

Это я пишу про мужчин. А женщины петь и плясать на людях стесняются. И вообще до женского равноправия здесь еще далеко, и в этом отношении Советской власти надо немало поработать. Женщины за столом только прислуживают, а сидеть вместе с мужчинами не имеют права.

Народ живет бедно, еще беднее нашего. К примеру, крестьянская соха — так это одно горе. Берут высухшее корневище, им и скоблят землю. Спят на полу, и главное богатство в доме — постель. Все одеяла и подушки кладут на видном месте горкой: у кого она выше, тот и богаче...»

Федя остановился, пора было писать о главном. Но взгляд его упал за окно, на старого знакомого — соседского ишака, и Федя написал: «Ишаки — ослы по-нашему — здесь с характером: я из-за одного такого неделю с шишкой ходил. В повозки запрягают буйволов, а они так упрямы, что если в жару увидят воду, то лезут туда вместе с повозкой. Зато кони очень хороши. Правда, хозяин сам будет голодать, а коня накормит. А если без оружия и без коня, то он вроде бы уже и не человек.

Собак много, они вечно голодные и злые — вечером без палки по улице и не пройдешь...»

Федя спохватился: если все описывать, то и бумаги не хватит.

Он погрузился в раздумье, и в мыслях у него начался разброд. Стоит ли жаловаться? Должна же кончиться чем-нибудь эта история с сокровищами. А вдруг завтра все переменится? Что же касается побега, то не лучше ли сбежать в горы, отыскать клад вместе с Аджином и Ионой и с торжеством вернуться в город? А если случится, что клад не отыщут, то остаться в пещере отшельника — все же лучше, чем с позором возвращаться...

Федя опомнился и плюнул с досады — так недолго и в бога поверить. Глупости все это: от таких отцов, как у него, не убегают. Да и Аджин с Василидом уже не отпускали от себя. С окончанием письма Федя решил повременить.

И снова покатались дни, похожие один на другой.

И как-то они с отцом сидели после ужина на галерее. Раскинувшийся внизу городок был тронут весенними красками. Многие фруктовые деревья уже цвели, другие подернулись дымкой нежной зелени. В саду между деревьями мерцали летучие огоньки сотен светлячков.

Иван Егорович дал сыну газету «Голос трудовой Абхазии». При свете керосиновой лампы под отчеркнутым красным карандашом заголовком Федя прочел: «Из отчета о деятельности ЦК ПОМГОЛа в Абхазии... Деятельность Новосветской комиссии протекала энергично. За отчетный период собрано: 13 650 221 рубль деньгами, 22 ведра вина, 60 пудов 19 фунтов кукурузы, 4 пуда 25 фунтов овса, серебряные и золотые вещи, ситец и один ковер длиной более пяти аршин».

— Серебряные и золотые вещи, — с горькой усмешкой повторил Федя. — Уж представляю, какое золото могут собрать наши крестьяне. А между тем...

И тут случилось то, на что Федя уже перестал надеяться. Отец спросил:

— Ты по-прежнему уверен, что был в трезвой памяти, когда видел пещеру?

— Конечно, уверен!..

— И ты говоришь, что это место недалеко от жилища Рыжего монаха?

— Да, совсем недалеко. Ну, час ходьбы или около того.

Федя замер от радостного предчувствия.

— Понимаешь, — после паузы продолжал отец, — тут у нас кооператив сколачивается по разведению цитрусовых. Дело незнакомое, пробовали привлечь в помощь монастырского садовода, но тот наотрез отказался. Ты, кажется, говорил, что твой монах-спаситель по садоводству скучает?

— Скучает! Даже очень! — воскликнул Федя. — Но его уговорить не так-то просто. Я уже проводил с ним агитацию, звал в город — не получается. Вот если бы ты...

— Не понимаю я этого, — задумчиво сказал Иван Егорович. — Что толку жить анахоретом^[64]? Ведь если верить в бога, то и надо делать то, к чему его бог предназначил... Ты дорогу туда помнишь?

— Еще бы! — вскричал Федя. — Да я с завязанными глазами дойду!

Отец усмехнулся и продолжал:

— На днях сюда должен начальник детской колонии прибыть, той, что в монастырской гостинице организуется. Тогда мне, возможно, удастся на два-три дня от дел освободиться. Успеем за три дня обернуться?

— Конечно! — заверил Федя. — Верхом за один день добраться можно. Это монахи с грузом в один день не уложились.

Федя вскочил и бросился отцу на шею.

— Ну-ну, не очень-то радуйся, может, еще все сорвется, — говорил Иван Егорович, похлопывая сына по спине. — Здорово тебе досталось, но, видать, не настолько, чтобы научить уму-разуму. И в кого только ты уродился таким бродягой и фантазером?

— В тебя, — ответил Федя. И оба рассмеялись. Впервые за много дней Федя уснул с легким сердцем, и сны его были радостны.

На следующий день он поделился новостью с Василидом, и тот сразу повеселел. А Аджину решил сказать все перед самым походом, чтобы он не проболтался.

Здоровье бывшего послушника шло на поправку. Ему уже было разрешено выходить в больничный садик, и там, под мягкими лучами весеннего солнышка, ребята без конца болтали.

Наконец наступил день, а точнее, вечер, когда с запиской коменданта ревкома на руках, Федя с Аджином вывели из ревкомовской конюшни трех крупных оседланных мулов и под покровом темноты препроводили их во двор Тинат, где и привязали на ночь к столбам, поддерживающим галерею.

Встать предстояло рано, и Аджин остался ночевать у Феде.

Собирались позавтракать всухомятку, но Тинат, вставшая еще раньше, уже накладывала в тарелки окутанную паром мамалыгу.

Позавтракав, оседлали мулов. Худыша, который с вечера пришел вместе с Аджином, решено было взять с собой. По этому случаю ему перепало кое-что от завтрака, и теперь он радостно вертелся под ногами людей и мулов.

Иван Егорович взял винтовку. Тинат догадывалась о цели похода.

— Да ждет вас удача! — сказала она и стояла у калитки до тех пор, пока маленький караван не скрылся в утреннем тумане.

Ехали скорым шагом, а там, где позволяла дорога, мулы переходили на рысь. Не доезжая сторожевой башни, встретили старика-абхазца. Поздоровались с ним. Старик, приложив руку к груди, ответил:

— Честь и привет вам! Да будет удачен ваш поход, пусть милуют вас горы! — Он оперся руками и подбородком на алабашу и проводил их долгим взглядом.

Настроение у всех было преотличным. Но больше всех ликовал, конечно, Аджин. Он вертелся в седле, точно ему сам черт не брат, и лицо его сияло. Худыш тоже был в восторге от путешествия: резвился вокруг всадников, убегал далеко вперед и торжествующе лаял по любому поводу.

Федя с волнением оглядывал знакомые пейзажи. Но как изменилось все вокруг! Горы, столь суровые месяц назад, покрылись многоцветным ковром. Кустарники оделись листвой. На понтийском рододендроне пылали темно-розовые чаши цветов. Словно белой

пенной покрылись заросли жасмина. Зелень на склонах гор местами переходила в синеву от бесчисленных фиалок. В прохладных лощинах прятались тысячи подснежников. Из-под кустов выглядывали яркие орхидеи. Благоухание цветов наполняло воздух.

Задолго до полудня достигли моста через Монашку и продолжали путь по пастушьей тропе. Теперь временами приходилось слезать с мулов и пешком проходить опасные участки.

Ребята шли, весело болтая, и Федя не сразу обнаружил, что сбился с тропы, а когда спохватился, то решил смолчать: впереди уже виднелся вход в знакомое ущелье. Это решение обошлось путешественникам недешево. Припекало солнце: обливаясь потом, пробирались они среди неразберихи скал, камней, осыпей. Мулы, напряженно выгибая спины, карабкались вверх. От скрежета подков леденело сердце. Как ни стыдно было Феде, пришлось сознаться в своей ошибке отцу и Аджину. Его не упрекали, только Аджин выразительно постучал себя кулаком по лбу.

Перед входом в ущелье снова выбрались на тропу. Через несколько минут она повисла над кручей. Здесь снова покинули седла и шли пешком над реющим далеко внизу потоком. У Ивана Егоровича замирало сердце при мысли об опасности, которой подвергался здесь его сын, путешествовавший в одиночку...

Зато по выходе из сырого, темного ущелья им предстала широкая приветливая долина в обрамлении горных склонов, заросших пихтовыми лесами. Тропа вилась по ее дну среди альпийских лугов, расцвеченных тысячами цветов: белыми анемонами, синими генцианами, золотой сон-травой, розовыми астранциями.

На отдых остановились, лишь немного не доехав до того места, где монашеский караван провел свой ночлег.

Здесь, на склоне горы, местами возвышались каменные ограды. Неизвестно, что они огораживали, да и высотой-то были до колена. Федя обратил на них внимание Аджина.

— А-а, — откликнулся тот равнодушно, — это ацангвара.

— Для чего они?

— Тут жил такой народ — ацаны, маленькие, как дети.

— Карлики? Ишь ты! Куда же они делись?

— Не знаю, давно было.

Иван Егорович тоже отозвался:

— Я слышал эту легенду. Может, и вправду жил такой народ. Вот наладим жизнь, ученым будет над чем головы поломать: в самом городе дольмены стоят, и то до сих пор неизвестно, для чего предназначались.

...Спустя час они подошли к месту ночной стоянки каравана. У Феде стеснилось сердце при воспоминании о той жуткой ночи. На земле еще сохранились остатки головешек. Все сошли с мулов и, осторожно приблизившись к краю обрыва, заглянули в пропасть. Внизу не было никаких следов трагедии: то ли тела бедных монахов были растащены хищниками, то ли унесены полноводной весенней Монашкой.

Вскоре поравнялись с местом, откуда можно было подняться к пещере Рыжего монаха. Решили навестить отшельника на обратном пути.

Мост, разрушенный монахами, был уже восстановлен: может быть, это сделали участники ревкомовской экспедиции, а может, постарался какой-то охотник.

Переправившись на другой берег, расстались с Монашкой и поднялись на плато.

Они выехали к противоположному краю плато.

— Здесь!.. — выдохнул Федя.

А вот и склон долины. Он пышно зазеленел кустарниками и травой; казалось, и елей на нем прибавилось. Но это был тот самый склон, в котором таилась пещера с сокровищами.

Все спешили. Федя показал рукой:

— Вон там, слева от ручья.

Ручей, вдвое увеличившийся от весенних вод, мчался каскадом по склону горы и вливался в речку, струившуюся на дне долины.

— Пещеры отсюда, понятно, не видно: вход ее монахи наверняка замаскировали да и зелень разрослась, — сказал Федя.

Ведя в поводу мулов, они спустились в долину. Здесь их словно поджидала окаймленная с трех сторон елями лужайка для стоянки. Месяц назад на этом же месте расположился монастырский караван.

Углубившись в лес, Федя с Аджином нарубили еловых лап и притащили их к месту стоянки, потом натаскали сушняка для костра. Иван Егорович расседлал мулов и спутал им ноги.

Покончив с делами, сели на минуту отдохнуть. Теперь усталость показалась смертельной.

Иван Егорович попробовал отказаться от участия в поисках пещеры, но Феде во что бы то ни стало хотелось, чтобы отец был свидетелем его торжества.

Лихорадочное нетерпение овладело друзьями. Все встали у подножия горы.

— Ну, за дело! — скомандовал Федя, и восхождение началось.

Аджин скоро обогнал всех, карабкаясь с удивительной ловкостью. Федя не очень торопился, он ведь знал, где надо искать. Вот и он достиг нужного уровня, но пока не видел никаких следов пещеры. Теперь он ревниво ждал радостного вопля Аджина, но и у того дело обстояло не лучше. Сплошные глыбы скал уступали место камням помельче или затвердевшей земле, пересеченной узловатыми еловыми корнями. Не было ни искусственных каменных нагромождений, ни свежих земляных насыпей.

— Ничего не понимаю, — упавшим голосом сказал Федя, — не могли же они взорвать гору и обрушить ее на это место, тогда бы здесь и растительности не было.

Собравшись все вместе, они стали гадать и приглядываться к склону. Затем снова начали поиски. Нашли барсучью нору, гнездо какой-то птицы, спугнули белку.

Федя был обескуражен и подавлен. Он не мог этого скрыть, и Иван Егорович сочувственно поглядывал на него. А Федю не покидало ощущение, что пещера где-то рядом. Но где?

— Что за чертовщина! — пробормотал он, остановившись. — Я знаю, что видел пещеру на этом склоне...

Он застыл, тупо уставившись под ноги. Потом вдруг принялся яростно копать землю подвернувшейся сухой корягой. Иван Егорович подошел к нему и взял за плечо:

— Хватит, Федор. Идем-ка ужинать.

Возвращение было горьким, все старались не смотреть друг на друга.

Недавняя болезнь Феди дала себя знать: спотыкаясь, он подошел к стоянке и почти упал на землю.

Его спутники разожгли костер и сварили мамалыгу. В молчании поужинали и стали укладываться спать.

А вечер был так хорош! Ни одно облачко не затуманивало небосвода, и звезды на нем с наступлением ночи горели неправдоподобно ярко. Хрусталики их висели совсем рядом, — казалось, протяни только руку...

«Вот так же и с кладом», — подумал Федя, прислушиваясь к неумолчному шуму каскада.

Иван Егорович заснул сразу, вслед за ним Аджин. Худыш спал чутко. А Федя еще долго сидел у весело трещавшего костра, подкладывая сучья и бессознательно следил за тем, как между ними, извиваясь, пробираются языки пламени.

Под утро у него замерзла нога, и он проснулся. Небосвод побледнел, звезды померкли; окружающие предметы начинали выступать из мрака. Поправляя бурку, Федя увидел, что Аджин сидит в пяти шагах от него, привалившись к стволу ели, сцепив на коленях руки, и смотрит в сторону злополучного склона.

— Эй, чего не спишь? — окликнул его Федя.

— Думаю... Слушай, — сказал он, обернувшись, — почему на другой стороне, справа от ручья, пещеру не ищем?

— Я же сказал — нет ее там. Я точно помню, что пещера была слева от каскада.

Сон еще одолевал его, и, не дожидаясь ответа, Федя натянул на себя бурку. Снова он проснулся, когда Иван Егорович был уже на ногах.

— А где Аджин? — спросил Федя, поднимаясь и потягиваясь.

— Не знаю. Когда я встал, его не было. Покричи его, завтрак готов.

Костер уже догорал, а на плоском камне, заменившем стол, отец разложил съестное. Красота горного утра не поддавалась описанию, но для Феди оно было безрадостным. Он нехотя умылся, затем во весь голос крикнул:

— Аджин!

Каскад сильно шумел, и Федя не был уверен, что Аджин его услышал. Однако минуту спустя появился Худыш, а вслед за ним и его хозяин. Вид у Аджина был довольный. Он присел к столу и набросился на еду.

Федя нашел в себе силы пошутить:

— Ты, никак, пещеру отыскал?

— Все впереди, дорогой, — серьезно ответил Аджин.

— О-хо-хо! — вздохнул Иван Егорович. — Хорошие вы ребята, да, видно, обстоятельства против вас. В обратный путь надо собираться.

— Нет, я, пока пещеру не найду, никуда не поеду, — твердо ответил Федя.

— Я тоже, — сказал Аджин.

Иван Егорович усмехнулся:

— Тогда так решим: я к монаху Ионе сейчас поеду, потом за вами вернусь. Ищите, дело ваше святое. Но завтра с утра в путь, как условились. Меня в ревкоме ждут.

Иван Егорович стал собираться в дорогу. Когда мул уже был оседлан, он снял кобуру с револьвером и протянул Феде.

— Оставляю вам. Только с условием — без надобности не стрелять. Постараюсь вернуться пораньше. Ну, пока...

Друзья следили за Иваном Егоровичем, пока он переправлялся через реку. Худыш предпочел увязаться за ним. Мальчишки направились вдоль подножия горы. Когда приблизились к каскаду, Аджин спросил:

— Пойдешь со мной?

— Куда?

— На той стороне искать, за ручьем.

— Давай сначала здесь поищем...

— Наверху ручей не перейдешь, только здесь можно.

— Ну ладно, иди один, — сказал Федя и полез в гору. Несколько минут спустя он оглянулся. Аджин уже перешел поток. Федя вздохнул:

«Что ему, если даже и не найдем клада. Я за все в ответе, я и стану всеобщим посмешищем, даже в его глазах».

Как и вчера, Федя долго обследовал склон горы. Без всякой надежды он осмотрел участок, вплотную примыкающий к каскаду, а затем гораздо левее, и ниже, и выше. Все было напрасно. Обессилевший, он сел на камень и застонал от отчаяния, потом заплакал.

Но вот сквозь шум каскада, подобно комариному писку, до его слуха донесся звук. Федя прислушался, потом встал и посмотрел вверх. Далеко-далеко над ним, на краю уступа горы, стоял Аджин и махал руками.

«Что ему там понадобилось?» — подумал Федя и направился к Аджину. Подъем оказался долгим и трудным.

К тому времени, когда он, вконец обессилевший, выбрался наверх, Аджин куда-то исчез. Федя сел перевести дух.

Аджин появился словно из-под земли. Он задыхался от волнения, глаза были прямо-таки сумасшедшие.

— Нашел, нашел! — кричал он. — Я же говорил, что найду! — Плечи его сотрясались, и непонятно было, смеется он или рыдает. Подбежав к Феде, он схватил его за руку и

поташил за собой: — Я же говорил, друг, что ты прав: где сказал, там и есть пещера... только немножко соображать надо!

Но тащил-то он Федю совсем в другую сторону. Пробежали несколько десятков метров вверх по течению потока. Аджин остановился.

— Видишь! — торжествующе воскликнул он, указывая на ручей.

Нет, Федя ничего особенного не видел. Аджин словно испытывал, его терпение.

— Смотри! Как следует смотри! Какие хитрые!..

И Федя, наконец, понял. Он бросился в объятия Аджина, и оба заорали как сумасшедшие.

Только очень внимательно приглядевшись, можно было догадаться, что поток в этом месте был направлен в другое русло. Старое русло было перегорожено плотиной из камней и земли, на ней уже выросла трава. Пещера была скрыта направленным поверх нее каскадом.

Несколько мгновений спустя друзья как озверелые ворочали камни плотины. Поток охотно уходил в привычное ложе.

Работали до тех пор, пока дно нового русла не обнажилось. Затем стремглав бросились обратно.

— Не очень-то спеша — не хватает сейчас голову сломать, — сказал Федя.

И все же они с трудом сдерживали бег, спускаясь вниз. На том уровне, где Федя видел пещеру, у входа в нее выступала каменная площадка. Полчаса назад об нее разбивались струи каскада. Сверху еще капала вода. Большая плита, поставленная вертикально, закрывала вход. Оставшиеся зазоры были заложены камнями помельче. Но тот, кто ничего не знал, не догадался бы, что здесь орудовали люди. Нагромождение казалось естественным; местами его уже покрыли осклизлые водоросли.

Друзья стояли ошалевшие от счастья. Федя первый пришел в себя:

— Голыми руками мы здесь ничего не сделаем, придется спуститься за инструментами.

— Давай я пойду, — великодушно предложил Аджин.

— Нет, ты сегодня и без того поработал, пойду я.

— Тогда пойдем вместе.

Назад они вернулись во всеоружии. Кроме топоров, захватили свечи и ножи. Неподалеку была рощица самшита, из его стволов ребята вырубili небольшие крепкие шесты.

Обухами топоров они выбили один из камней. Торжествуя, столкнули его, и он покотился вниз по склону.

— Постой, — спохватился Федя, — как бы потом опять не пришлось закладывать, — всех-то сокровищ все равно не увезти.

Решено было складывать камни сбоку. Скоро во входе образовались большие зазоры. Попробовали заглянуть внутрь пещеры, но ничего не увидели: плита по-прежнему перекрывала большую часть отверстия.

Солнце стояло уже высоко и изрядно припекало.

Они устали и решили, перед тем как взяться за плиту, немного передохнуть: сели, прислонившись к плите, — она приятно холодила спины.

— Теперь понял, в чем дело, дорогой? — спросил Аджин.

— Понял, конечно, я и сам чувствовал, что здесь что-то изменилось. Хитро придумано.

Аджин довольно усмехнулся:

— Я же говорил, что найду, а ты переживал.

Они встали и снова принялись за работу. Концы шестов завели за плиту и, пользуясь этими рычагами, попробовали сдвинуть ее с места. Не тут-то было!

— Давай сначала выбьем этот камень из-под нее, — предложил Федя.

Пользуясь другим камнем как тараном, ребята расшатали затычку, а затем выбили из-под плиты. Снова ухватились за шесты.

— Раз, два — взяли! — скомандовал Федя.

Плита дрогнула, угол ее опустился на место выбитого камня, а затем вся она отвалилась и тяжело рухнула перед входом.

— Ура! — завопил Аджин и бросился в темное отверстие. Федя вдруг почувствовал такую слабость, что был вынужден опуститься на землю. Он вытер лоб, покрывшийся испариной. Потом непослушными руками достал спички и зажег свечу.

Аджин ждал его у входа. Со свечой они сделали еще несколько шагов. Своды пещеры повысились, под ногами хрустел песок.

И вот они увидели то, что искали!..

Два бочонка и сундучок, окованный медью по углам, вполне соответствовали традиционному описанию кладов. Остальные ценности были упакованы в кожаные мешки. Федя зажег еще одну свечу и обе укрепил на стенах. Аджин тем временем подошел к одному из бочонков и попробовал поднять его. Не тут-то было!

— Хайт! Там камни, что ли? — пошутил он, но голос его прерывался. Он повалил бочонок на бок и выкатил на середину пещеры. Обухом топора Федя выбил крышку. Бочонок был полон золотыми червонцами. Мальчики никогда не видели их прежде, но догадаться было нетрудно: на них красовались знакомые профили русских царей. Аджин запустил руки в бочонок и поднял пригоршню монет. Потом раздвинул ладони, и золотые кружочки посыпались назад с тяжелым звоном.

Подкатали другой бочонок и тоже выбили крышку. Здесь также были золотые монеты, но на этот раз сплошь незнакомые. Может быть, были среди них столь ласкающие слух названия, как дублоны, лиры и гинеи, но ни Федя, ни тем более Аджин не могли бы их распознать.

Сундучок открылся легко. Когда подняли крышку, ребят ослепил завораживающий многоцветный блеск камней: голубой, зеленый, красный, сиреневый. Сундучок был полон украшениями — женскими и мужскими. Бусы, серьги, кольца, браслеты, подвески, ожерелья, портсигары, цепочки, ценные набалдашники, ордена. Были и другие предметы, о назначении которых мальчики даже не знали. Жемчуга, алмазы, сапфиры, аметисты, рубины, оправленные в золото и серебро, они видели впервые. Лишь там, где камень напоминал обычное стекло, Федя мог предположить, что это бриллиант. О цене этих камней у них также были смутные представления.

Друзья доставали драгоценности из сундучка и рассматривали их на свету. Некоторые пробовали примерять. Затем все уложили обратно.

Федя заметил, что руки у него дрожат. Сознать это было неприятно, и он предложил:

— Пойдем посмотрим, вдруг за нами следят?

— Кто следит?

— Ну, мало ли... Вдруг монахи караульщика оставили.

Федя достал из кармана револьвер. Приблизились к выходу.

Осторожно выглядывая из пещеры, оглядели склоны и дно долины. Не увидели никого.

— За что сейчас примемся? — спросил Федя, когда они снова углубились в пещеру. Впервые он произнес это обычным голосом; до сих пор они переговаривались шепотом.

В пещере на выступе стены возвышалось что-то бесформенное, накрытое брезентом. Аджин сдернул брезент. Открылась металлическая модель монастыря.

— Хайт цараби! — воскликнул Аджин. — Как там, так и здесь.

Модель была отлита из серебра, да так, что даже крестики поднимались над куполами, даже паутинки цепей, едва видимые глазом, свисали с них.

— А вот окошко кельи Василида! — воскликнул Федя. — Он мне сам издали показывал.

— А я вот здесь через стену перелезал, когда в сад ходил, — сказал Аджин.

Налюбовавшись вдоволь, они снова накрыли модель брезентом. Теперь принялись за мешки. В том, что стоял ближе к выходу, лежала посуда. Серебряные кувшины, кубки, блюда, чаши разнообразной формы и цвета.

В двух следующих мешках были предметы церковного обихода: золотые и серебряные дарохранительницы, нагрудные кресты с вкрапленными в них камнями, оклады без икон, лампы и кадиланицы разных размеров и снова чаши, кубки, тарелки — все из золота и серебра.

— Я царь, — сказал Аджин, надев на себя золотую митру и приняв позу, которая, по его мнению, соответствовала царской: выкатил грудь, упер руки в бока и отставил ногу.

— Шут ты гороховый, а не царь, — отозвался Федя. — Такие уборы только попы носят. Погляди-ка лучше сюда.

Он развязал еще один мешок. Оба так и ахнули: оружие, да такое, что им и не снилось. Друзья извлекали из мешка сабли, кинжалы, ятаганы, ножи, диковинные старинные пистолеты. Были среди них, как видно, изделия местных мастеров, но большинство из ближних стран: Турции, Персии, Греции. Аджина прямо-таки лихорадило: что, как не оружие, ценнее всего для истинного горца! Он держал в руках кинжал с обоюдоострым лезвием, которое посверкивало как зеркало.

— Да, от такой вещицы и я бы не отказался, — угадав его мысли, сказал Федя.

В последнем мешке лежали книги. Они были все церковного содержания и не представляли бы интереса, если бы не были одеты в дорогие переплеты, снабженные золотыми и серебряными застежками. Мальчики уложили их обратно.

Итак, все было осмотрено.

— Если бы сюда еще мешок с едой... — подвел итог Федя.

— Потерпим. Давай выберем себе оружие и сядем у входа охранять сокровища.

Аджин взял себе полюбившийся кинжал, Федя выбрал кривую турецкую саблю. Оба вышли на площадку перед пещерой, щуря глаза от солнца, — оно уже перевалило за полдень. Друзья сдвинули камни поудобнее, и уселись по сторонам от входа. Кругом не было ни души, только мулы паслись внизу на лужайке.

— Давай выстрелим, — предложил Аджин.

— Не надо, а то отец услышит, что-нибудь недоброе подумает. У него сейчас важный разговор.

— Хорошо, если бы на нас напали, — мечтательно сказал Аджин.

— Пусть только сунутся!

Но Феде было и так неплохо. Хорошо было сидеть под теплым солнышком, вдыхая смолистый воздух, не думая ни о чем. В глубоком синем небе плыли облака; горы, такие близкие утром, подернулись дымкой и отступили.

Да, все, все было хорошо. На мальчиков снизошел безмятежный покой. Федя не почувствовал, как задремал. Аджин не мешал ему.

Разбудил он его через час:

— Просыпайся! Отец едет.

Федя открыл и протер глаза. Над краем противоположного склона показался всадник. Вот он остановился, сошел с мула и начал спускаться по склону.

Солнце било Ивану Егоровичу в глаза. Но вот он вышел за границу света и остановился прямо напротив пещеры. Даже отсюда чувствовалось, как он взглядом ищет мальчиков. И по тому, как он замер, поняли, что он увидел и их и пещеру. Тогда друзья вскочили и с воплями исполнили импровизированный дикий танец.

Глава XXVI, и последняя, рассказывающая о том, как в один день увеличилось население города

По горной дороге в сторону побережья шел человек в длинном балахоне. Другой его отличительной приметой была ярко-рыжая борода, клином свисавшая до пояса; она горела, словно впитала в себя нестерпимый блеск утреннего солнца.

Конечно, это был Иона, больше известный в этих краях под именем Рыжего монаха, — человек, правда о котором соткалась с вымыслом, а упоминание вызывало у одних суеверный страх и неприязнь, у других — недоверие и усмешку.

Он шел легкой, ровной походкой привычного к горам человека, не опираясь на длинную алабашу, а только переставляя ее.

Над горами сияло чудное солнечное утро. В чистом воздухе чеканными были грани снежных вершин, и облака розовели в голубом небе. В этом благословенном краю март — настоящий разгар весны. Горы уже одеты зеленью, всюду цветут благовонные азалии и каприфоль, по сторонам дороги красуются пышные рододендроны.

Это буйство света и красок находилось, однако, в полном разладе с тем, что творилось в душе Ионы. Он не испытывал чистого молитвенного настроения, которое сопутствовало ему прежде в эти часы. Дни вообще стали длинны и мучительны, а ночи беспокойны и тревожны. Тоскливое чувство одиночества все чаще охватывало Иону после того, как он расстался с гостем — восторженным мальчишкой, а свидание с его умным и деликатным отцом еще больше поколебало столь блаженное некогда спокойствие. Может, и правда что-нибудь изменилось в этом мире, населенном, как ему казалось, лишь алчными, порочными существами? Может, и прав Иван Егорович, когда утверждал, что можно служить и богу и людям, занимаясь тем делом, к которому лежит душа?

Иона даже похудел от осаждавших его мыслей.

Вчерашней ночью он почти не сомкнул глаз, а утром, вдруг решившись, прибрал свое жилище, привалил камнем дверь снаружи и пустился в неизведанный и вместе с тем знакомый путь.

И вот разомкнулась теснина гор, и море раскинуло перед ним свои просторы. А еще через несколько минут внизу, на прибрежной полосе, показался город.

От прихлынувшего волнения Иона почувствовал слабость в ногах и вынужден был присесть на обочину. Он сидел, вглядываясь в знакомые очертания города, и что-то в его облике показалось ему необычным. Вскоре он понял: улицы были безлюдны, не видно было людей и на петлявшей по склону горы дороге к обители. И главное, пустовала базарная площадь. А между тем со стороны порта доносились звуки оркестра.

«Наверно, — подумал он, — все жители города на набережной». Иона прислушивался, медлил. Он вспомнил о дурной славе, преследовавшей его, представил себя в серой хламиде среди уличной толпы. Но переодеться ему было не во что, да он еще и сам не знал, захочет ли сменить рясу на мирскую одежду.

Разве не волен он вначале посмотреть, что может предложить ему этот ставший незнакомым мир?

Иона окинул последним взглядом горы, глубоко вздохнул и решительно начал спускаться в город.

...Федя проснулся позднее обычного. Он полежал немного, испытывая приятную отрешенность от всех забот. В доме стояла тишина. Как видно, уже все ушли.

Федя встал, привел себя в порядок, надел праздничную красную рубашку, начистил сапоги.

Радостное нетерпение охватило его. Наступающий день обещал городу событие, которое должно было войти в летопись его истории. Да и само утро было чудесным.

Как было условлено, Федя зашел в духан за Аджином. Увидев приятеля, он ахнул. Куда девалась его привычная залатанная одежда? Аджин красовался в полном горском наряде: в малиновой черкеске, отороченной по краю золотой тесьмой, и в белой шелковой рубашке. На спину падали хвосты дорогого башлыка. Ноги были обуты в мягкие козловые сапоги. Талию перепоясывал ремешок с серебряным набором, а на нем — можно ли верить глазам! — висел настоящий кинжал. Волосы Аджина, прежде не знакомые с гребнем, были вымыты с мылом и тщательно расчесаны. Его смуглое большеглазое лицо, оттеняемое белизной ворота, оказалось на редкость красивым, чего Федя прежде не замечал.

Один из посетителей, заметив восхищенный Федин взгляд, почтительным голосом сообщил, что костюм был сшит по специальной мерке и преподнесен Аджину ревкомом. По слухам, Феде и Василиду тоже следовало ждать подарков.

В духане гвалт стоял изрядный: оснований для разговоров было предостаточно, а появление Феда еще больше оживило посетителей. На него посыпался град вопросов, и уже в который раз ему пришлось рассказывать о подробностях своего путешествия и пребывания в пещере Рыжего монаха.

Наконец Юсуф отпустил Аджина.

Едва они вышли за порог, Федя схватился за рукоятку кинжала:

— Дай посмотреть!

Аджин только плюнул с досадой.

Учитывая возраст и темперамент будущего владельца оружия, в ревкоме позаботились так запаять ножны, что вытащить из них клинок оказалось невозможным.

Ребята скорым шагом направились в больницу. Главный врач обещал на этот день отпустить Василида в город.

— Что смотришь так, будто у тебя коня украли? — спросил Аджин.

— Все не придумаю, как с Василидом быть.

Аджин рассмеялся.

— С тобой, я вижу, нельзя говорить серьезно, — недовольно проворчал Федя.

— Ты что, дорогой, ничего не знаешь?

— Что я должен знать?

Аджин остановился. Остановился и Федя. Оба стояли и смотрели друг на друга: один — с настороженным любопытством, другой — с веселым изумлением.

— Так знай! — воскликнул Аджин. — Тагуа и Тинат берут его к себе, сыном хотят сделать.

— Да что ты!

— А я думал, ты давно знаешь... Пусть я обрею голову, если неправду говорю.

Как тут было не поверить! Это была лучшая новость из всех, какую хотел бы услышать Федя.

«Как же я сам не смекнул, что дело идет к этому? То-то последние дни в доме шли какие-то таинственные приготовления. Не очень-то красиво с их стороны утаивать от меня это», — с обидой подумал он, но, тут же решив, что ему хотели сделать сюрприз, успокоился.

Тинат и Тагуа уже ждали в садике при больнице. Оба были одеты во все лучшее, что нашлось у каждого.

Мальчики поздоровались с ними и тоже сели на лавочку под цветущим гранатом.

Наконец на крыльцо вышел Василид. Вид у него был необычный: серые диагональные брюки были заправлены в русские сапоги, русской была и ситцевая в горошек косоворотка, а поверх нее был надет суконный бешмет, белокурую голову прикрывала войлочная шляпа с широченными полями. На его бесхитростном лице отражались радость и смущение.

Федя с Аджином первые приветствовали его, что выразилось в легких тумаках и похлопываниях по плечам, а потом он попал в объятия Тинат. Тагуа критически оглядел его и тоже обнял. В голосе мальчика при обращении к новым родителям звучала робкая нежность.

Оказалось, что сегодня Василид совсем покидает больницу, и весь ее немногочисленный персонал тоже вышел на крыльцо, чтобы проводить одного из трех героев.

Молоденькие сестры милосердия за время пребывания мальчика в больнице повально влюбились в него и теперь, при прощании, тискали в объятиях. А пожилой русский врач простился с ним за руку со словами:

— Надеюсь, ты больше не вернешься к нам, уж лучше мы тебя будем навещать в новом доме.

Наконец Василид в сопровождении новых родителей, Феде и Аджина покинул больничный садик. Все вместе они направились в сторону порта, на прилегающую к нему площадь. Туда стекался весь город.

Стоявшие вдоль набережной фелюги тоже подтянулись к причалам; матросы высыпали на палубы и сидели, свесив ноги с бортов. Все весело, возбужденно переговаривались.

Ребята с удовольствием смешались с толпой: кто-кто, а они сегодня были здесь не последними людьми. Слава о подвигах каждого из них уже облетела побережье; республиканские газеты посвятили им статьи с фотографиями.

У Аджина не было теперь оснований огорчаться: чья, как не его смекалка помогла в конце концов отыскать пещеру. Почти все знали мальчиков, улыбались им, приветствовали их и осыпали градом дружеских хлопков.

Под этим бременем всеобщего внимания Феде с Василидом было не по себе. А Аджин пыжился от гордости и принимал приветствия и поздравления с независимым видом, но, забывшись, становился самим собой — шумным и немного хвастливым.

Тинат и Тагуа из деликатности оставили мальчиков одних и затерялись в толпе.

По рукам присутствующих ходила газета «Голос трудовой Абхазии». Когда она попала к Феде, ему, как человеку грамотному, пришлось читать ее вслух.

Вот что сообщалось на первой странице:

«Вчера вечером на пароходе «Дмитрий» из Батума в Сухум прибыли первые сто детей из Поволжья. Уполномоченный Наркомпроса^[65] Советской Грузии Тер-Аваков, сопровождавший детей от Тифлиса до Сухума, сообщает следующее. Отплытие парохода из Батума сопровождалось пением «Интернационала». Пребывание детей Поволжья на пароходе «Дмитрий» ознаменовано устройством концерта-митинга, давшего около двух миллионов. Военком парохода щедро одарил детей праздничными сладостями. Благодарственное слово Тер-Авакова и представителя Поволжья было покрыто оглушительным «ура» детей. В Сухуме дети были необычайно приветливо встречены представителями ревкома Абхазии.

Сегодня, пересев на шхуну «Вера — Надежда», дети прибудут в Новый Свет для устройства в колонии-школе на постоянное жительство...»

Присутствующие кивали головами и цоканьем языков выражали одобрение по поводу услышанного.

Что касается Феде, то совсем близко от себя он увидел лицо Асиды и теперь был совершенно счастлив. Подойти к ней он не решался: в здешних краях это показалось бы нарушением приличий. Но и ему и девочке довольно было того, что их улыбающиеся глаза то и дело находили друг друга.

Поглощенный этой игрой, Федя не сразу заметил, что вдруг наступила настороженная тишина, а все взоры устремились в одну сторону. Когда Федя тоже обернулся, то в ту же секунду услышал только ему знакомое покашливание.

Да, это был он — Рыжий монах. Его яркая борода притягивала взгляды людей как магнит, и трудно было сказать, чего в них было больше: любопытства, страха или недоброжелательства.

Ионе было не по себе, от беспокойства и волнения он побледнел. От Феде его отделял один шаг. Мгновение они смотрели друг на друга, а толпа молча наблюдала за ними.

Федя в несколько секунд снова проделал тяжкий путь в горах и упал на плато полумертвый от усталости, болезни и голода. И прежде чем изумление и радость подкатили к его сердцу, глаза его застлались туманом и он припал к мягкой, пахнущей дымом бороде.

— Ну-ну, будет, — приговаривал Иона и гладил и похлопывал мальчика по спине. Но глаза его тоже влажно блестели. — Скажи-ка лучше, где отец, повидаться с ним надобно.

Федя торопливо заговорил:

— Папа наверняка где-нибудь здесь, он еще вчера о вас вспоминал. Он очень рад будет! Ведь вы не уйдете назад, правда? — тихо спросил он.

— Ладно, не уйду, — так же негромко ответил монах.

— А вот это мои друзья — Аджин с Василидом. У нас такие новости! Я тогда не мог вам всего рассказать...

Он сейчас же и начал бы излагать события, но в этот момент на галерею, опоясывавшую второй этаж здания таможни, стали подниматься люди. Среди них были Лоуа, Гольцов, Федин отец. Смолк оркестр.

Митинг открыл Лоуа.

— Товарищи, граждане Советской Абхазии! Все мы знаем, для чего сегодня собрались здесь. До прибытия корабля с дорогими гостями остается еще время, и мне хотелось бы поговорить о наших с вами делах. Вы помните, три месяца назад у нас прошел митинг, мы сообща искали возможность помочь нашим братьям из голодающего Поволжья. И вот теперь смело можем сказать: наши замыслы и труды не пропали даром. Сегодня радостное событие — мы встречаем первую партию детей, вырванных из лап голода и прибывающих в наш город восстановить свое здоровье, набраться сил и знаний. Много труда мы потратили для того, чтобы создать первую в Абхазии трудовую колонию-школу. Кроме того, благодаря вашей щедрости, дорогие земляки, собраны средства для оказания помощи тем, кто остался в голодных районах.

Товарищи! Вы знаете, что за это время в городе произошли значительные события. Благодаря бдительности ЧК удалось предотвратить белогвардейский мятеж. Силами местного гарнизона и бойцов из партизанского отряда «Киараз» банда генерала Фостикова, шедшая с гор для поддержки дворян, князей и их прислужников, мечтавших восстановить прежний режим, разгромлена внезапным ударом. Особо надо остановиться на том, что святая обитель активно помогала врагам Советской власти: ее правящая верхушка связывала между собой все контрреволюционные силы края, дала приют главарю заговора — царскому полковнику, помогала ему вступить в контакт с бандой в горах. Она же снабдила мятежников оружием и обещала им помочь деньгами. Но для голодающего народа у святых отцов не нашлось ни полушки. Они пошли на настоящее преступление: все ценности, хранившиеся в обители, тайно вывезли и спрятали в горах. Благодаря нашим доблестным молодым ацеям^[66] их гнусный замысел сорван. Имена этих героев вы все хорошо знаете...

Обвал рукоплесканий и восторженных криков не дал председателю говорить дальше.

«Где они?» — неслось отовсюду.

Друзья стояли, сбившись в кучку, красные от смущения.

Переполненная восторженными чувствами толпа бросилась на мальчиков, и они с некоторым страхом почувствовали, как, оторванные от земли, плывут над морем голов, поддерживаемые десятками дружеских рук.

Их перенесли к подножию лестницы, и им ничего не оставалось, как подняться по ее ступеням. Наверху они попытались спрятаться за спинами взрослых, что вызвало в толпе приступ веселья, но им настойчиво предложили стать у перил галереи.

Решившись поднять глаза, Федя отыскал в толпе Иону — его лицо светилось радостью.

— Тебя там Иона ждет, — шепнул Федя отцу.

— Я рад, что он пришел!

Вдруг в толпе началась суеда, люди подались к морю, где из-за мыса показался парус. Оркестр заиграл марш.

Чтобы видеть получше, люди влезали на крыши и балконы домов, окружающих портовую площадь, на парапет, на груды мешков и ящиков у причала.

Шхуна «Вера — Надежда» приближалась, было видно, как у форштевня, подобно пышным усам, вскипает пена. Немного погодя стали видны торчащие над бортами бесчисленные ребячьи головы. Один за другим убирались паруса, обнажая ряды разноцветных флажков, протянутых между мачтами.

Шхуна ткнулась бортом в причал, с нее полетели канаты.

Спустя минуту по трапу потянулась вереница детей; стоящие по сторонам четыре матроса следили, чтобы никто не оступился.

По узкому людскому коридору дети прошли на площадку перед таможенной. Им совали в руки каленые орехи, чурчхелу¹⁶⁷¹, белый как сахар каменный мед; те, кто не мог дотянуться, передавали сладости через стоящих впереди. К тому моменту, как дети собрались перед трибуной, руки их были полны гостинцев.

Федя, Аджин и Василид по-прежнему стояли на галерее. Припав к перилам, они с любопытством рассматривали новых сограждан. Те были одеты еще в свое, домашнее, некоторые слишком тепло для здешней погоды; большинство обуты в лапти. Мальчиков к этому времени уже остригли под машинку, девочек — коротко, под мальчишек. От этого все, казалось, походило друг на друга. За дорогу детей подкормили, но худоба все же бросалась в глаза.

К детям обратился Лоуа. Но он только успел поздравить их с прибытием. Из толпы вразнобой что-то кричали.

— Что случилось, земляки? — прервавшись на полуслове, спросил председатель. — Я ничего не пойму.

На груди ящиков поднялся абхазец в черкеске.

— Председатель! Мы узнали, что среди прибывших детей имеются сироты. Есть много желающих взять этих ребят к себе навсегда. Я хотел бы взять мальчика. Что скажешь, уважаемый?

— Не сомневаюсь, Коблух, что ты сделаешь из своего сына отличного джигита. Заявления с просьбой взять ребенка на воспитание уже начали поступать в ревком. Каждое будет рассматриваться особо. Задача семей, взявших на себя эту ответственность, не только в том, чтобы прокормить ребенка. Главное — вырастить его гражданином нашей революционной родины!..

Аджин подтолкнул друзей и выразительно повел глазами вниз. Один за другим они начали пробираться к лестнице. Митинг окончился.

Федя видел, что к Ионе подошел отец, и они вместе куда-то пошли.

Воспитатели в белых халатах построили детей в колонну по двое, и повели к монастырю. Часть людей, некоторое время сопровождала колонну, среди них были и наши друзья. Потом взрослые отстали, а мальчики, не сговариваясь, продолжали идти дальше. Строй скоро нарушился. Незнакомцы с любопытством поглядывали на троих приятелей, особенно на Аджина.

Один из мальчиков, по виду его одногодок, спросил, указывая на кинжал:

— Настоящий?

— А то, как же! — важно произнес Аджин.

— А ну, покажи...

— Нельзя без дела вынимать... Что, нравится?

— Спрашиваешь!

— Присоединяйся к нам, такой же получишь... Мы этого добра знаешь, сколько нашли! — похвастался Аджин.

— Тебя как зовут? — спросил Федя.

— Павлом.

— Отец-мать есть?

— Отца давно нет, а мать с голоду померла...

Немного помолчали. Потом Федя сказал:

— Ты вот что, Паша, не унывай... Давай отъедайся и к нам приходи — с нами не соскучишься. Договорились?

— Ясное дело...

Не доходя до монастырских ворот, колонна свернула на вновь проложенную дорогу, ведущую к гостиничному корпусу. Здесь друзья остановились.

— Куда теперь? — спросил Аджин.

— Пойдемте на кладбище, — попросил Василид. — Мне отца Георгия навестить надо. Мальчишки направились вдоль монастырской стены.

— Помнишь, ты рассказывал, как привидения на кладбище видел? — спросил Василид у Федя.

— Еще бы! Такое не забудешь.

— Привидений не бывает! — уверенно заявил Василид.

Федя и не сомневался в этом. Но уж очень неожиданным было услышать такое от вчерашнего послушника.

— Мне доктор в больнице объяснил: в сырую погоду иногда из могил светящийся газ идет, забыл только, как называется.

— Ишь, ты! А я кого ни спрашивал, никто не знает.

Они подошли к склепу и, следуя примеру Василида, обнажили головы.

— Упокой душу его, господи, — сказал Василид и перекрестился.

Постояли, опустив головы. Василид в эти минуты вспомнил, как видно, о многом.

— Пойдем, — сказал Федя, тронув его за плечо. Василид побрел в глубину кладбища. Друзья, ни о чем не спрашивая, пошли следом за ним.

— Здесь, — сказал Федя.

Среди могильных крестов и памятников едва поднимался холмик; на небольшой дощечке, воткнутой в землю, было написано: «Здесь покоится тело Порфирия Смирягина, умершего 10 февраля 1922 года». Постояли немного.

— Эх, жил смешно и умер грешно, — сказал Федя. — Ведь это он тогда с лопатой по кладбищу пробирался.

— Чудак-человек был, — добавил снисходительно Аджин.

— Не говорите так, — отозвался Василид, — если бы не он тогда, мне бы здесь лежать. Федя уже пожалел о своих словах.

— Ладно, не огорчайся. Пойдем, посидим где-нибудь, подумаем, что дальше делать.

— Я рисованием займусь, — оживился Василид. — Сначала, как все, буду в школу ходить, а потом в Тифлис поеду живописи учиться — там художественное училище скоро откроют.

— Это хорошо, — ответил Федя. — Но сейчас я не об этом...

Друзья подошли к краю обрыва, откуда открывался вид на город и море. Сели в густой тени кипарисов. От их нагретой хвои шел едва уловимый дурманящий запах. Весенние краски побережья таяли в дымке предвечернего часа. Из города не доносилось ни звука. Феде становилось не по себе среди этой мирной, успокоительной тишины. Короткая буйная весна отцветала, наступало долгое-долгое лето. «Чем же занять его?» — думал Федя. И бес, толкавший его к приключениям, снова просыпался в душе.

— Живопись живописью, — сказал он, продолжая прерванный разговор, — а надо о ближайшем будущем подумать. Ты хорошо ныряешь? — спросил он вдруг Василида.

— Я и плавать-то не умею, — сообщил тот.

— А мы с Аджином научим.

— Это зачем?

Но Федя лишь многозначительно посвистел сквозь зубы. Друзья не торопили, зная, что не в его характере останавливаться на полпути.

— Вы слышали, что раньше на месте Нового Света было? — спросил наконец Федя. Друзья молчали.

— Я тут кое-что почитал в библиотеке. В прежние века здесь город стоял, забыл только, как назывался. Большой город, богатый, со всем тогдашним миром торговал...

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Аджин.

— А то, что в те времена недалеко от берега много кораблей затонуло. А один — полный золота: он войску наемников жалованье вез. Смекаете? Если его найдем...

— Так его, небось уже давно нашли, — сказал Василид.

— А вот и нет! В то время берег на добрую сотню метров ближе к горам подступал — глубоко было. А потом забыли.

— Так уж и забыли... — возразил Василид.

— А как же! Две тысячи лет прошло! — Федя поочередно глянул на друзей. — Ну как, поищем?

Те переглянулись между собой. Аджин поерошил волосы.

— Надо попробовать, — сказал он и блаженно рассмеялся.

— А ты? — спросил Федя Василида.

— Я — как все.

— Вот и хорошо! Завтра же и начнем.

С этой минуты море, полное дивных тайн, уже притягивало их к себе. То ли солнце, клонившееся к закату, отражалось в нем, то ли песчаная отмель проглядывала сквозь лазурь, но только и впрямь казалось, что вода недалеко от берега отсвечивает золотом.

Несколько слов о книге, которую вы прочитали

Итак, перевернута последняя страница повести, которую, убежден, вы прочитали с большим интересом. Убежден, во-первых, потому, что она относится к приключенческой литературе, для которой характерны занимательный сюжет, напряженное действие, острые ситуации, не оставляющие равнодушными даже самых искушенных читателей. А во-вторых, потому, что и сам я с не меньшим интересом следил за похождениями ее юных героев и испытывал чувство облегчения, когда им удавалось преодолевать преграды на пути разгадки тайны пещеры Рыжего монаха.

События, о которых рассказывается в книге, относятся к временам, уже ставшим достоянием истории. Истории героической, связанной с рождением первого в мире социалистического государства. Эта история для нас всегда останется священной. Она хранит память о тех, кто посвятил жизнь великому делу освобождения народов от векового гнета об их правой борьбе с белогвардейцами и интервентами, стремившимися вернуть то, что было завоевано трудящимися в дни Октября.

В стане контрреволюции оказалась и значительная часть духовенства. Глава Русской православной церкви, патриарх Тихон, предал церковному проклятию — анафеме Советскую власть. Он призвал верующих на борьбу с Советами за восстановление старых порядков.

Это нетрудно понять. Ведь в царской России православная церковь занимала господствующее положение. Испокон веков она стояла на страже устоев самодержавия, верой и правдой служила эксплуататорским классам, именем бога освящала несправедливый общественный строй. За это ей предоставлялись особые права и привилегии. При поддержке царской власти православная церковь сама превратилась в крупнейшего помещика и капиталиста. Она обладала огромными богатствами.

Советское правительство одним из первых своих декретов провозгласило свободу совести, то есть право каждого гражданина исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, быть атеистом. Было запрещено любое насилие над личностью в вопросах веры. Все религии уравнены в правах. Но со всем этим не желала мириться Русская православная церковь. Она понимала, что такая политика Советского государства означает конец ее многовековому господству в обществе.

В 1921 году страну постигло огромное бедствие. Жестокая засуха уничтожила посевы почти на 10 миллионах гектаров земли. Без хлеба осталось население Поволжья, южной части Украины, ряда других районов. Начался голод. Чтобы спастись от голодной смерти, люди ели кору деревьев, лебеду, все, что можно было использовать в пищу. Положение сложилось отчаянное. Ежедневно умирали от голода тысячи людей.

Советское правительство приняло все меры, чтобы помочь голодающим. Но молодая республика была бедна. А для того чтобы закупить хлеб за границей, нужны были деньги. Где их взять? И тогда было принято решение об изъятии церковных ценностей. В церкви скопились большие богатства — золото, серебро, драгоценные камни. На них можно было закупить много хлеба, чтобы помочь голодающим. Но церковь решительно отказалась отдать свои ценности ради спасения тысяч человеческих жизней.

Патриарх Тихон выступил с призывом не отдавать Советам «православные святыни», оказывать противодействие тем, кто посягнет на них. Так Русская православная церковь проявила себя в дни труднейших испытаний, которые выпали на долю нашего Отечества, еще раз показав, как далека она была от интересов народа.

Советская власть помогла голодающим. Изъятые у церкви драгоценности, более чем на 17 миллионов рублей, были использованы на закупку хлеба. Это спасло жизнь тысячам людей.

События тех нелегких для нашего государства лет воскрешаются в книге, которую вы прочитали. Автор очень правдиво рассказывает о том, как начиналось строительство

новой жизни на древней земле Абхазии, как пытались помешать ему затаившиеся враги революции.

Да, история, поведанная автором, действительно увлекательна. Но, на мой взгляд, книга интересна не только своим занимательным сюжетом, но и тем, что дает читателю возможность живо ощутить атмосферу тех незабываемых лет, увидеть, кто защищал и отстаивал интересы-народа, а кто шел против него. И конечно, каждый, кто прочтет книгу, будет благодарен автору за то, что он познакомил его с юными героями, которым выпала завидная судьба принять участие в борьбе за дело революции.

Доктор философских наук. А. Белов

Примечания

1

Колхида — древнегреческое название Западной Грузии, где теперь расположена Абхазия. В VI–IV веках до нашей эры эта территория входила в состав Колхидского царства — раннерабовладельческого государства колхов (общее название древнегрузинских рабовладельческих племен на юго-западе Закавказья).
([обратно](#))

2

Нан (*абх.*) — ласковое обращение женщины к младшему.
([обратно](#))

3

«Киараз» (*абх.*) — «Содружество». Под этим названием партизанские отряды Абхазии в 1917–1921 гг. боролись за установление Советской власти.
([обратно](#))

4

Унан! (*абх.*) — восклицание, которое произносят только женщины. Означает досаду, недоумение.
([обратно](#))

5

Амачар (*абх.*) — виноградный сок.
([обратно](#))

6

Екатеринодар — старое название Краснодара.
([обратно](#))

7

«Армия возрождения» — так называлась одна из белогвардейских армий, действовавшая под командованием генерала Фостикова. После поражения в гражданской войне банды из остатков этой армии укрывались в горах Черноморского побережья Кавказа.
([обратно](#))

8

Нарды — игра, распространенная на Кавказе и в странах Ближнего Востока.
([обратно](#))

9

Аталык — названный родственник. Аталычество — обычай некоторых народов Кавказа, по которому из одной семьи в другую ребёнок берётся на воспитание до его совершеннолетия.
([обратно](#))

10

Дадраа (*абх.*) — ласковое обращение старшего к младшему.
([обратно](#))

11

Согласно абхазским поверьям, у владыки зверей и птиц, покровителя охоты, лесного старца Аджвейпша вечно юные дочери. Их тела белы, как молоко, а золотые волосы свисают до щиколоток. Они часто заводят знакомства с холостыми охотниками и становятся их возлюбленными.
([обратно](#))

12

Хайт царабі! (*абх.*) — возглас досады, удивления.

([обратно](#))

13

Архимандрит — второй после патриарха монашеский сан.

([обратно](#))

14

Игумен — глава монастыря. То же, что и настоятель.

([обратно](#))

15

Послушник — воспитанник в монастыре.

([обратно](#))

16

Клобук — у монахов высокая цилиндрическая шапка с покрывалом.

([обратно](#))

17

Иноческий (*от слова «инок» — монах*) — монашеский.

([обратно](#))

18

Иеромонах — монах, имеющий право справлять богослужение в церкви.

([обратно](#))

19

Подлинное событие.

([обратно](#))

20

Тарелочный сбор — сбор денег с прихожан в церкви, которых обходит церковнослужитель с металлической тарелкой или подносом в руках.

([обратно](#))

21

Паникадило — люстра или многогнёздный подсвечник в церкви.

([обратно](#))

22

Гектограф — простейший прибор для размножения текста и иллюстраций.

([обратно](#))

23

Патриарх — высший духовный сан.

([обратно](#))

24

В 1918 году в Ярославле белогвардейцы и эсеры при участии церковников и иностранных дипломатов подняли антисоветский мятеж, который был ликвидирован Красной Армией.

([обратно](#))

25

Подворье — здесь: территория, принадлежавшая монастырю за его пределами.

([обратно](#))

26

Гашиш — наркотик.

([обратно](#))

27

Ашнакма (*абх.*) — подручные князей.
(обратно)

28

Подрезать полу черкески, по абхазским обычаям, считается высшей степенью унижения.
(обратно)

29

Ашхардац (*абх.*) — целебный корень. Восстанавливает силы, тонизирует. Широко использовался абхазскими пастухами.
(обратно)

30

Уставщик — лицо, заведующее порядком чтения и пения во время церковной службы.
(обратно)

31

Гарпии — в греческой мифологии богини вихря, по представлениям греков, крылатые чудовища-птицы с девичьими головами.
(обратно)

32

Архиерей — общее название высших православных священнослужителей.
(обратно)

33

Епитимья — наказание в виде поста, длительных молитв и т. п.
(обратно)

34

В ноябре 1917 года власть в Грузии захватили меньшевики. В 1921 году трудящиеся с помощью Красной Армии установили Советскую власть.
(обратно)

35

ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти РСФСР с 1917 года по 1938 год.
(обратно)

36

Дадхейт (*абх.*) — почтительное обращение к старшему.
(обратно)

37

«Союз Михаила архангела» — черносотенный контрреволюционный союз в России в 1908–1917 гг., в который входили и многие церковники.
(обратно)

38

Ажира (*абх.*) — языческое божество, карающее за измену, ложь, неисполнение долга или принятых обязательств.
(обратно)

39

Ухацы! (*абх.*) — возглас преданности. Буквально: «Да падёт моя голова вместо твоей».
(обратно)

40

Амхара — маленький домик для новобрачных.

(обратно)

41

Мимеограф, или ротатор — аппарат для размножения рукописного или машинописного текста.

(обратно)

42

Афы (абх.) — божество молнии и грома у абхазцев.

(обратно)

43

Золотое руно — в греческой мифологии золотая шкура волшебного барана, принадлежащая царю Колхиды Ээта и охранявшаяся драконом. Аргонавты — греческие герои, отправившиеся на корабле «Арго» в Колхиду под предводительством Ясона, похитили Золотое руно.

(обратно)

44

Епархия — в православных церквях административная и территориальная единица с архиереем во главе.

(обратно)

45

Апацха (абх.) — дом, хижина.

(обратно)

46

Лаваш — особо приготовленный хлеб.

(обратно)

47

Кальян — прибор для курения табака в восточных странах.

(обратно)

48

Хурджины — мешки для поклажи, которые перекидывают через спину вьючного животного — осла, мула, лошади.

(обратно)

49

Дольмены — погребальные сооружения эпохи бронзы и раннего железного века. Огромного размера камни, поставленные на ребро и перекрытые сверху массивной плитой.

(обратно)

50

Апхярца, ачомгур — абхазские музыкальные инструменты.

(обратно)

51

Кец, кец (абх.) — зов, на который идут козы.

(обратно)

52

Митра — позолоченный головной убор представителей высшего духовенства.

(обратно)

53

Аналой — подставка для церковных книг.

(обратно)

54

Киот — навесной застекленный шкафчик для икон.
(обратно)

55

Ночные моления, проходящие в кельях.
(обратно)

56

Придел — небольшая пристройка, имеющая дополнительный алтарь для богослужений.
(обратно)

57

Келарь — монах, ведающий монастырским хозяйством.
(обратно)

58

Апсны — так по-абхазски звучит название страны.
(обратно)

59

Наркомфин — Народный комиссариат финансов.
(обратно)

60

Гоми — злак, выращиваемый на Кавказе.
(обратно)

61

Ачапчара — абхазский обычай, согласно которому кто-нибудь из родственников или соседей проводит время возле больного, своего рода дежурство.
(обратно)

62

Чусты (*абх.*) — домашняя обувь.
(обратно)

63

Антанта (*франц.*; буквально: «Согласие») — империалистический блок буржуазных стран, организовавших антисоветскую интервенцию в 1918–1920 гг.
(обратно)

64

Анахорет — отшельник, пустынник.
(обратно)

65

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения.
(обратно)

66

Ацей (*абх.*) — народный герой.
(обратно)

67

Чурчхела — восточная сладость, изготовленная из орехов и виноградного сула.
(обратно)

Оглавление

- Глава I, знакомит с Колхидой[1] и героем предстоящих событий
- Глава II, посвящённая знакомству с Аджином и посетителями духана «Отдых под чинарой»
- Глава III, рассказывающая о взрослых обитателях города и монастыря
- Глава IV, знакомит приятелей с третьим участником будущего союза
- Глава V, где Федя знакомится с Асидой и абхазским гостеприимством
- Глава VI, повествующая о многозначительном разговоре в обители, о находке Василида и сюрпризе настоятеля
- Глава VII, где говорится о делах сердечных, а также о первых симптомах болезни под названием кладоискательство
- Глава VIII, посвящённая пассажиру фелюги и пассажиру дилижанса
- Глава IX, в которой рассказывается не столько о поисках клада, сколько о кладоискателях
- Глава X, рассказывающая о том, как протекала болезнь кладоискательства, а так же о событиях, её сопровождавших
- Глава XI, в которой незримо присутствует Рыжий монах, а Тагуа принимает гостей
- Глава XII, призванная напомнить о судьбе второстепенных участников повести
- Глава XIII, снова повествующая о таинственных огнях и о том, как хлопотно быть похитителем
- Глава XIV, о событиях печальных, в результате которых одно становится понятным, а другое усложняется
- Глава XV, рассказывающая о том, какой выход можно найти из безвыходного положения
- Глава XVI, призванная рассказать о таинственных событиях бессонной ночи и утренних тревогах
- Глава XVII, в которой придуманные приключения уступают место настоящим испытаниям
- Глава XVIII, посвящённая монастырскому узнику и его испытаниям на пути в великомученики
- Глава XIX, в которой обрывается путешествие Феде
- Глава XX, из которой становится ясно, что Рыжий монах и вправду существует
- Глава XXI, повествующая о злодействе Евлогия, и последняя для некоторых участников повести
- Глава XXII, где из рассказа Рыжего монаха выясняется кое-что о происхождении монастырских сокровищ
- Глава XXIII, в которой всё идёт хорошо и ничто не предвещает грома среди ясного неба
- Глава XXIV, где мы расстаёмся с полковником и вновь встречаемся с Тагуа
- Глава XXV, в которой отчаяние и надежда сменяют друг друга и вновь появляется имя Рыжего монаха, а события близятся к своему концу
- Глава XXVI, и последняя, рассказывающая о том, как в один день увеличилось население города
- Несколько слов о книге, которую вы прочитали

Коробейников, Герман Александрович.

Пещера Рыжего монаха: Приключен. повесть. [Для сред. возраста] / Г. Коробейников;
[Рис. Г. Акулова]. Москва: Дет. лит., 1985. 272 с.: ил.; 22 см.; ISBN В пер. (В пер.): 75 к.

Об авторе:

Коробейников Герман Александрович, 1932 г. р., художник-постановщик, Заслуженный
работник культуры РСФСР.